

Сергей КУЗИЧКИН

**ОПЕРАТОР ГРИБНОЙ
ВОЛНЫ**

Рассказы, пьеса, повесть

Красноярск 2018

ББК 84Р (2РОС=РУС)
К89

Библиотека «Нового Енисейского литератора»
Автор проекта и редактор-составитель — Сергей Кузичкин
Литературный редактор — Андрей Леонтьев

Тел. редактора: 296-38-93, 8-905-976-38-93
Адрес для корреспонденции: 660048, Красноярск, ул. Калинина, 12-523
E-mail: sergkuz58@mail.ru

Корректурa и вёрстка: *Леонтьев А.*
Фото на лицевой и 4-й странице обложки: *Дяденко С.*

Кузичкин С. Н.

К89 Оператор грибной волны : Рассказы, пьеса, повесть.— Красноярск : Город, 2018.— 240 с.

ISBN 978-5-6040209-5-1

Сергей Кузичкин — это интересное явление в современной русской прозе. Он пишет всегда самобытно, оригинально, остро, интересно, красочно и доступно для читателя любого уровня — и для знатока и любителя русского слова, и для обычного человека.

Удивительно, как в нём совмещается дар литератора и общественного руководителя — рулевого прекрасных журналов «Новый Енисейский литератор» и «Енисейка». На страничках этих самобытных альманахов звучат голоса классиков и пробуют крыло юные авторы под добрым доглядом Сергея Кузичкина. Именно доброты нам сейчас и не хватает, подчас писатели и критики с яростью находят изъяны начинающих — Сергей же всегда смотрит светлым оком на их первые робкие шаги, замечает хорошее...

Я читала рецензии писателей Владимира Замышляева, Анатолия Зябрева и Сергея Короткова на произведения Сергея Кузичкина и хочу сказать, что они — как справедливая награда за труды Сергея: очень глубокие, написанные думающими, неравнодушными людьми, в них в полноте отмечены актуальность затрагиваемых тем, особенности стиля и мастерство писателя...

*Инна ВОСКОБОЙНИКОВА,
литературный критик, журналист, Москва*

ББК 84Р (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6040209-5-1

© Кузичкин С. Н., 2018

ПОЭТ ИЗ СЛЕДУЮЩЕЙ ЖИЗНИ

Из цикла «Восхищение одержимых»

Семён Котёлкин в отставку вышел майором. Ему повезло: многие его сокурсники, да и просто выпускники двухгодичных средних военных училищ, едва перевалив сорокалетний рубеж, вешали на перекладину шифоньеров шинели с четырьмя маленькими звёздочками и одним узеньким просветом на погонах. А Семён до большой звезды и двух просветов дослужился. Все двадцать пять своих военных лет был он служакой исполнительным; случалось, проявлял и инициативу перед начальством и подчинёнными. Правда, не всем это нравилось, особенно старшим по званию, однако и среди его начальства находились такие, кто предложения военнослужащего Котёлкина запоминал, мысленно их причёсывал, дорабатывал и после выдавал за свои. Обычно такие предприимчивые начальники про инициатора либо тут же забывали, либо старались от него отделаться: перевести в другую часть или отправить на самый дальний полигон. Но попадались и благодарные, не потерявшие в карьерной гонке совесть. И однажды Семёну Котёлкину перепало: он досрочно получил очередное звание, — но когда всё же подошёл срок окончания его службы, отцы-командиры, кто с сожалением, а кто с удовольствием, на радость уволенных из армии капитанов, так и не ставших майорами, подписали ему дембельский приказ.

Сменив шинель на пальто, а китель на пиджак, отставной майор решил вернуться в родной город, надеясь найти там для себя и для намучившейся от его службы семьи — жены, сына и дочери — покой и благополучие.

Кое-какие денюжки Семён за свои военные годы накопил. Немного заняв у родственников жены, он купил двухкомнатную квартиру в городе-спутнике родного ему краевого центра и незамедлительно заселился сам и перевёз туда семью.

Заселившись и немного осмотревшись, он неожиданно загрустил. Его теперь не будила по утрам полковая труба, ему не надо было торопиться на утренние разводы и вечерние построения на плацу, надевать повседневную форму и парадный мундир.

Парадный мундир, правда, он надел однажды — на День Победы — и даже пару раз отдал честь двум полковникам, но те проигнорировали его и участвовать в параде не позволили. Не получив никаких приказов от высших по званию, отставной майор, несмотря на прекрасный майский денёк, расстроился не на шутку и, приехав домой не на служебной машине, а на городском автобусе, снял форму, повесил её в дальний угол шифоньера, сел за стол, выпил праздничные сто граммов водки, закусил килькой в томате и задумался глубоко. Задумался он не просто глубоко, а так, что неожиданно поймал себя на том, что мысли его складываются в рифму.

Идёт парад, а я не рад.
Тут маршируют все подряд.
А я же даже не пою,
Я просто так себе стою.
Стою себе, как кавалер,
Да, я в отставке офицер.
Парад ушёл, не слышен марш,
Куплю я для пельменей фарш.
Наемся, выпью, спать пойду,
А завтра дело я найду.
Надену куртку — не пальто,
Пойду электриком в сельпо.

— Да это же стихи! — воскликнул осенённый Сеня.

Записав эти строки в свободные страницы общей тетради по политзанятиям, Семён выпил ещё сто граммов водки, закусывать не стал, а задумался над последней строчкой. Ещё лет двадцать назад, когда служил в Забайкалье, он со взводом солдат ездил помогать колхозникам копать картошку и прочёл на доске объявлений у правления колхоза: «В сельпо требуется электрик». Видимо, при напряжении мозговых извилин у отставного майора наружу полезли не только дремавшие доселе рифмы, но и дальние воспоминания. В городе-спутнике краевого центра никакого сельпо не было. Школа, детский сад, баня, несколько магазинов,

котельная, здание местной администрации — вот что было в городке, кроме жилых домов-пятиэтажек.

Семён зачеркнул последнюю строку и стал думать, с чем же срифмовать «пальто». В голову лезла всякая ерунда типа «манто», «винтом». «Так не получится»,— решил бывший военный и зачеркнул предпоследнюю строку.

«А может, мне точно пойти электриком? Ведь я связист, справлюсь. Тестер, плоскогубцы, отвёртка у меня есть. Провод медный, метров пятнадцать...» Семён сразу исключил из списка предприятий баню и магазины и стал сосредотачиваться на школе, детсаде, администрации. «В котельную тоже можно»,— покачал утвердительно головой он.

Неоконченное стихотворное произведение, однако, его не отпустило.

«Что же мне надеть, чтобы в рифму было? — всё глубже и глубже задумывался Сеня.— А может, ничего надевать не надо? Но я же раздетым на работу не пойду...»

В конце концов бывший майор убедил себя, что можно не писать о том, во что он будет одет, когда пойдёт устраиваться на работу. Решив немного сменить направление стихотворения, он, чуть подумав, написал следующее:

Поцелую утром Тamarку
И пойду работать в кочегарку!

Тамаркой — Тамарой — звали его жену, и Семён решил закончить своё первое в жизни рифмованное произведение на семейной ноте.

На следующей неделе Семён Котёлкин действительно устроился электриком в котельную города-спутника краевого центра, и хандра отступила. О рифмованных строках в недописанной обшей тетрадке для политзанятий он, казалось, забыл. Но...

Но тот, кто хоть однажды сознательно (со-зна-тель-но!) пробовал рифмовать, знают, что болезнь эта заразительная и

хроническая. Редко кто от неё излечивался, а человек, заболевший ею в зрелые годы, практически неизлечим. Бацилла стихосочинительства, вселившаяся в Семёна Котёлкина после парада в краевом центре, таилась недолго. В первый же выходной от работы день когда-то майор-связист, а теперь электрик котельной Котёлкин, встав рано утром, как бы случайно уронил с полочки общую тетрадку со своими записями. Тетрадка упала ему под ноги. Он наклонился, подхватил её, но вместо того, чтобы снова положить на полочку, сам не зная почему, раскрыл. Конечно же, он раскрыл её именно в том месте, где записывал недавно слова в рифму.

Перечитав написанное им же, Семён присел за стол, и... дальнейшая судьба его была предрешена.

За пять следующих дней майор-электрик исписал рифмованными строчками двадцать четыре страницы в общей тетради, посвятив их жене, сыну, дочери, сестре — по одному, шурина — два, родителям (отцу и матери) — тоже по два, воспоминаниям о своём детстве — два, о своей службе в армии — четыре, о своей новой работе в котельной — шесть. И ещё одно стихотворение оставалось незаконченным и заканчиваться никак не собиралось, хотя оно одно оказалось длиннее всех и заняло почти две страницы. Это было стихотворение о тётке. Сначала Сеня не думал посвящать стихи матери своей жены, но Тамара, послушав дифирамбы в свой адрес и в адрес своего брата, не давая оценку творчеству мужа, спросила:

— А про мою маму напишешь?

И Сеня засел за «Тамарину маму».

Засесть-то засел, но прежде, чем написал хотя бы две строки, потратил столько энергии, сколько, наверное, не тратил на размотку сорока метров алюминиевого провода со здоровой бобины, что стояла в положении «на попа» в подсобке кочегарки.

В начале ничего, как только «мама дорогая», в голову ему не шло:

Мама дорогая,
Милая, родная.

Семён даже ночь не спал. Чтобы уйти от крутящихся в мозгу этих двух строк, он принял горячий, а потом и холодный душ, пил огуречный рассол, сосал леденцы, ел всухомятку печенье «Привет» пятилетней давности, что осталось ещё от его армейского пайка, выходил курить на балкон. Вот там-то, на балконе, глядя из своего города-спутника на светящиеся высотки родного краевого центра, он и придумал совсем другие строки, уйдя от заклатья тех двух.

«Тёща, друг, помоги!» — вспомнил он слова некогда популярной песни, обращаясь мысленно к матери жены, что спокойно спала в ту ночь на диване в их зале, заливаясь мелодично-прерывистым храпом.

Мать жены мне — мать родная,
Может быть, ещё родней.
Днями скромная такая,
А ночами — соловей.
Мы слушаем немного,
И нам сразу веселей.
Спим с улыбкой до утра —
Я, жена и детвора!

Это было только началом. А дальше рука не успевала за авторучкой, и Сеня в течение короткого времени составил в рифму рассказ о том, как его тёща готовит, стряпает и солит рыбу. Сделал он акцент и на любимом им гороховом супе, который у матери жены получался особенно удачно. Но, написав обо всём этом, Семён остановился, не зная, как закончить. В концовке рука нового поэта снова дала сбой. Стихотворение, по его мнению, осталось незаконченным.

Слушая утром сочинённые мужем строки «про маму», Тамара согласно кивала в такт рифмам и говорила:

— Правильно, правильно. И про рыбу, и про суп... Ты только добавь, что она ещё любит к нам в гости приезжать...

Семён согласно кивнул, и его снова осенило: он понял, как закончит стихотворение про тёщу, — построит сюжет на ожидании.

Как будто всё его семейство в один воскресный день ожидает приезда застрявшей в автомобильных заторах краевого центра Тамариной матери, размышляет о её кулинарных талантах и душевных качествах, гадая, что с собой везёт им дорогой и любимый всеми человек.

Так Семён и сделал, прочитав потом своё творение за общим столом под общее одобрение, за что был награждён сияющей тещей поцелуем в правую щеку.

Не осталось незамеченным творчество начинающего поэта Котёлкина и в котельной. Да он и сам горел нетерпением поделиться рифмами с кем-нибудь из рабочих и служащих кочегарки. Сначала прочёл стихи о котельной мастеру, потом нормировщице и бригаде слесарей.

— А ты бы в литературное объединение ходил. Там показал,— дал ему совет старший кочегар, когда Сеня продекламировал ему про тещу.— Они по вторникам вечерами в библиотеке собираются. Из краевого центра к ним настоящий писатель специально приезжает, консультирует таких вот, как ты, начинающих поэтов.

В ближайший же вторник Семён Котёлкин пошёл в библиотеку. Как бывший военный, он рассчитал, что нужно туда прийти заранее, хотя бы на полчаса, чтобы застать как можно меньше народу и успеть представиться руководителю. Расчёт был правильным. И руководителя он узнал сразу. Небольшого роста мужик возрастом под пятьдесят, во френче и картузе. Таких в городе-спутнике Семён не видел, да и вообще не видел нигде. Интуиция его не подвела. Как человек решительный, он подошёл полустроевой походкой к человеку, раскладывающему на рабочем столе книжки и тетрадки, и, чуть приглушая командный голос, представился.

— Я хотел вам свои стихи показать! — сказал Семён восторженно, когда руководитель начинающих поэтов обратил на него внимание.

— Что ж, покажите,— согласился руководитель.

И Сеня положил в раскрытом виде перед мужиком во френче свою тетрадку по политзанятиям.

Руководитель не стал откладывать, присел и начал читать.

По мере погружения в Сенины строки настоящий писатель то и дело выплывал, бросал взгляд на стоящего по стойке «смирно» перед ним начинающего поэта и снова опускал глаза в тетрадку.

— А вы стихи других поэтов читаете? — закончив читать, спросил Семёна руководитель.

Семён не ожидал такого вопроса, а потому растерялся и промедлил с ответом.

— Ну, Есенина, например, Рубцова, Евтушенко, Ставера?

— Да, знаете, сейчас просто некогда читать, — Семён решил: ему нельзя отмалчиваться и нужно в этом случае отвечать быстро, по-военному. — Я в котельной днём работаю, а вечером как приду — сразу к тетрадке, даже поесть некогда... Тамарка ругается, а я чаю попью — и за стихи...

Руководитель вздохнул тяжело, даже как-то грузно, снял картуз, положил на стол и продолжил допрос:

— А про такие слова, как «метафора», «эпитет», «твёрдые формы стихосложения», слышали когда-нибудь?

— Если честно, то нет! — отчеканил быстро и громко отставной майор Котёлкин, отмечая про себя, что народ в зале собирается, а некоторые уже становятся за ним в очередь, тоже хотят побеседовать с писателем-руководителем до начала занятий.

— Ну ладно, — снова вздохнул писатель-руководитель. — Как я понял, вы собираетесь постоянно посещать наши занятия? Если да, то присаживайтесь где-нибудь, поработаем и с вами. Может, что и получится...

Семён уселся между двумя мужчинами, примерно его возраста. Один, в очках, длинноволосый, по имени Володя, сразу попросил у него тетрадку и, быстро пролистав её, вернул, сказав при этом:

— Ну, тут ещё пахать и пахать...

— Можно? — перехватил тетрадь второй член литературного объединения — белобородый Валерий.

Он тоже шустро прошёлся по страницам и сделал свой вывод:

— Тут ещё выкорчёвывать и сеять надо, пока одни сорняки.

Семён промолчал, чувствуя себя неловким новичком среди зубров, понимающих толк в поэзии.

Занятие началось. Мужчины и женщины разного возраста, от школьников до седовласых, вставали поочерёдно и читали свои стихи. Сеня был поражён, когда на хорошие, на его взгляд строки, сразу после того, как автор заканчивал читать, начиналась масштабная атака. Его соседи — длинноволосый и белобородый, как и некоторые другие, сразу же тянули руки вверх, и когда руководитель кивком разрешал им, по очереди соскакивали с мест и, обращаясь к авторам, начинали разнос строк, рифм и целых стихотворений. Причём разносили всех подряд стихотворцев, не смотря на их возраст, пол и седины.

От Володи с Валерием Семён узнал, что рифмы, оказывается, могут хромать, бывают бедными, простоватыми, затасканными и заигранными, а такие, как «любовь — кровь — морковь — свекровь» и «розы — слёзы — берёзы — морозы», считаются банальными и недопустимыми для поэтов, посещающих литературные занятия.

После того как разгорячённые критики садились на место, слово брал руководитель. Как понял Семён, писатель больше старался успокоить критикуемых, говоря вначале, что он согласен с замечаниями критиков, но, по его мнению, критикуемый сочинитель за последнее время всё-таки подрос как автор, прогресс его в творчестве заметен, и ему надо продолжать трудиться, учтя все замечания товарищей.

Сеня свои опусы читать на первом занятии не рискнул. Да его, казалось, никто и не замечал, все старались как можно скорее выдать своё, получить порцию замечаний и сесть после публичной порки на место с облегчением, что всё позади. Досталось, но несильно, и длинноволосому с белобородым. На взгляд Семёна, его соседи прочли какие-то уж сильно замурённые стихи.

Длинноволосый сравнивал себя со звуком скрипки, утренней росой и горбушей, отметавшей икру, а белобородый читал о девушке, называя её взгляд рентгеновским, губы — красносмородиновыми, причёску — рябиновой, а походку — метеличной.

Из сидевших в зале сделать им замечания никто не рискнул, высказался только руководитель, посоветовав больше и внимательнее читать классиков.

Читать классиков посоветовал он и Семёну, когда тот подошёл сказать ему «до свидания».

По пути домой Сеня зашёл в магазин смешанных товаров, прошёл к книжному отделу и приобрёл в личное пользование сборнички Пушкина и Есенина, а заодно купил и тоненькую красную книжечку поэта Ставера под названием «Розовый ветер».

Дома Сеня от обильного Тамариного ужина отказался, попил чаю и пошёл в угол гостиной, уселся ближе к балкону и стал поочередно перелистывать купленные книжки. Как ни старался начинающий поэт, ничего необычного в стихах маститых Александра Сергеевича, Сергея Александровича и Сергея Петровича он не нашёл. Строки как строки, рифмы как рифмы. У него, Семёна Павловича Котёлкина, ведь тоже строки и рифмы. «В чём разница? Почему их стихи считаются классикой литературы, а мои и в расчёт не хотят брать даже поэты из маленького города-спутника?»

За таким размышлением над фактом из жизни и застала его приехавшая снова из краевого центра с ночевой теща.

— Опять стихи клепаешь? — спросила она, казалось, не замечаящего её, пригорюнившегося зятя.

Когда мать Тамары втащила всех на кухню и угостила привезённым ею и ею же стряпанным рыбным пирогом, размягчённый от рыбного и мучного, выпивший четыре кружки чаю зять её Семён рассказал о своём знакомстве с литературным объединением города-спутника и поделился мыслями о роли поэзии в его жизни и его месте в этой самой поэзии.

Вот тогда-то впервые из уст тещи и услышал Семён о себе...

Выслушав зятя и выпроводив из кухни попробовавших бабушкиного пирога внуков, тёща закрыла дверь и сказала Семёну и Тамаре тихо, вполголоса:

— Я знаю, в чём дело...

— В чём? — в один голос спросили замершие Семён и Тамара.

— Дело в том,— продолжала почти шептать Тамарина мать,— что это у тебя, Сенька, в смысле как поэта, жизнь вот эта — подготовительная!

— Как подготовительная? — снова спросили вместе муж с женой.

При этом Тамара подумала о самом худшем, а Сеня вспомнил, что мать жены увлеклась недавно чтением то ли эзотерических, то ли мистических брошюрок, о чём не один раз уже говорила им мимоходом.

— Ну, скажете, мама! — улыбнулся, вспомнив про это, Семён.

— Да вот и скажу,— забыв об осторожности и внуках, повысила голос тёща на ухмылку зятя.— Скажу, что поэтом тебе в этой жизни не быть! Ты только вышел на путь следующей твоей жизни. Сейчас помучаешься, усмешек натерпишься, зато в следующей жизни, при следующем перевоплощении, ты будешь известным и почитаемым поэтом. Тебя все признают. Может, даже и в эти самые классики запишут.

Сеня встал из-за стола, широко улыбнулся, махнул рукой и вышел из кухни.

Семён не принял близко слова матери жены, списав её догадку на умопомрачение пожилой женщины, увлечёвшейся сомнительной литературой. «Лучше бы кулинарные книжки больше читала, пироги стряпала да супы варила»,— только и подумал Семён после разговора на кухне.

Он продолжал ходить по вторникам на литературные занятия. Стихи писал по два-три, а то и по пять в день, записывая их в ту же тетрадь, но дома уже на суд жены и тёщи выносил написанное всё реже. Не читал он их по-прежнему и на занятиях. Выжидал

подходящего, по его мнению, момента. Зато внимательно прислушивался к читающим, делая пометки в специально купленном блокнотике после замечаний, высказанных в адрес авторов длинноволосым и белобородым, занося туда цитаты руководителя из классической литературы и некоторые понравившиеся Семёну мысли самого писателя. Интересовался он и выпущенными новыми книжками стихотворений авторов. Одна из них — длинноволосого Володи — ему понравилась по оформлению. Семён записал адрес типографии и в середине недели, отпросившись до обеда с работы у мастера котельной, поехал в краевой центр и отыскивал там типографию с названием «Многоцвет».

Молодой директор типографии встретил его с улыбкой и, выслушав посетителя, предложил ему на выбор несколько вариантов издания его книги стихов: по тиражу, количеству страниц, оформлению. Семён тут же рассмотрел варианты и, решив не откладывать дело, спросил улыбчивого директора «Многоцвета», сможет ли он рассчитаться с ним за два раза.

— Вполне, — сказал директор, озарив посетителя ещё более широкой улыбкой. — Название для книжки придумали?

— Придумал, — кивнул Семён. — Назову просто: «Обо мне и о других».

— Хорошо, — не меняя выражения лица, согласился хозяин типографии, и заказчик тут же подписал с ним договор, заплатив начальную сумму.

А через месяц, в очередной вторник, Семён, прихватив с собой Тamarу и четыре хозяйственных сумки, пришёл в библиотеку города-спутника за три часа до начала литературных занятий. Разложив на столах свои красочные книжечки (каждому члену литобъединения — по одной, и три — руководителю), Семён, с одобрения библиотекарей, при их помощи и помощи Тamarы выставил у стола с розеткой два электрочайника, набор пластиковых одноразовых стаканчиков и тарелочек, черёмуховый пирог размером со стандартный квадратный поднос, стряпанный тёщей. Сверху пирога матерью Тamarы была выложена ломаным

печеньем «Привет» надпись, придуманная Семёном: «Всем от меня». Ещё один поднос, круглой формы, был горкой наполнен бутербродами с колбасой и сыром.

Семёну удалось своим поступком, по словам одной из библиотечарш, «шокировать членов литературного объединения и вызвать удивление руководителя». Руководитель ничего не имел против чаепития и разрешил провести его в начале занятия, понимая, что план в этот раз придётся скорректировать. Члены же литобъединения с радостью наливали кипяток в стаканы с чайными пакетиками, брали бутерброды и, усаживаясь на свои места, не отрываясь от чаепития, начинали листать книжку Семёна.

Первым нового автора поздравил длинноволосый Володя. Сняв очки, он пожал Сене руку, сказав при этом:

— Я ещё не читал, не смотрел толком, не знаю, что ты там напечатал, но всё равно поздравляю. Издать книжку — это поступок.

Пожал руку Семёну и белобородый Валера.

— Посмотрю дома, почитаю... — покачивал головой он.

Пообещал посмотреть внимательно книжечку дома и писатель-руководитель, призвав всех последовать этому же и на следующем занятии «кратко, по-деловому, высказаться о содержимом книжки Семёна Котёлкина».

Организованное Семёном чаепитие понравилось всем, и белобородый Валерий предложил заканчивать такими посиделками каждое занятие.

— Если, конечно, библиотека и вы не против, — посмотрев сначала на сидевших в сторонке работников библиотеки, а затем на руководителя литобъединения, сказал в заключение белобородый.

— Мы не против, что вы, не против... — заговорили библиотечарши. — Это даже хорошо, когда после разборов на занятиях все продолжают беседы уже в непринуждённой обстановке.

— И я не против, — согласился руководитель. — Только нам надо ответственного за это дело назначить. Я предлагаю Семёна Котёлкина, у него опыт уже есть...

Все поддержали кандидатуру Семёна на новую должность в литобъединении, и когда тот дал согласие, Валерий посоветовал ему завести тетрадь и записывать туда фамилии тех, кто будет сдавать ему деньги на застолье.

Так Семён стал главным внелитературным организатором в литературном объединении города-спутника краевого центра. Должность он эту принял с радостью и с желанием взялся за дело: уже в следующий вторник принёс стряпанный тёшей пирог, на этот раз начинённый малиновым вареньем.

На это занятие Семён шёл с улыбкой, с улыбкой встречал он и каждого пришедшего в библиотеку члена литобъединения, хотя знал, что от многих ему сегодня достанется за стихи, напечатанные в его книжке.

И ему действительно досталось и от длинноволосого Володи, и от белобородого Валерия, и от отличницы Сазоновой, и от зашедшей на чаёк, редко бывающей на занятиях поэтессы Раевич. Но Семён из-за критики не расстроился. Он примерно так и рассчитывал: бить его не будут только самые скромные, те, кто сам недавно ходит в литобъединение. Он сидел на разборе своих стихов, спокойно перенося нелюбезные слова, кивал головой в такт замечаниям и делал время от времени записи в блокнот. Высказал своё мнение о книжке и руководитель, посоветовав Семёну поработать в твёрдых формах, начиная с сонетов.

Удивил он Семёна уже на чаепитии, когда подсел рядом с ним и негромко вдруг произнёс, отвечая на Сенины вопросы о творчестве:

— У меня такое чувство, Семён, что вы обязательно станете писателем, поэтом, если более точно, но не сейчас.

— А когда? — замер Сеня, ожидая от писателя-руководителя открытия тайны его будущего.

— Наверное, в следующей жизни,— быстро сказал писатель как бы в шутку, стараясь при этом улыбнуться, но Сеня заметил: глаза руководителя оставались грустными.

Писатель тут же поспешил сменить тему, посоветовав Семёну попробовать написать рассказ.

— Может, вы раскроетесь в прозе как литератор,— предположил он.

— Хорошо, попробую,— согласился Сеня, но высказанная ранее писателем-руководителем догадка уже не давала ему покоя.

Семён был потрясён! Руководитель сказал ему точно такие же слова, что и мать Тамары! Один в один!

После окончания чаепития, когда все разошлись, Семён спросил у библиотекарёй, не знают ли они, где живёт руководитель литобъединения. Те раскрыли журнал записей и сообщили домашний адрес писателя, адрес его электронной почты и номер его домашнего телефона.

Писатель жил на левом берегу краевого центра, в Северном районе, и знакомство его с тещей Семёна, жившей на правобережье, в промышленной зоне, было маловероятным.

Мысль о том, что Тамарина мать могла встретиться с ним в библиотеке, отпала сразу: руководитель приезжал только по вторникам, приходил в библиотеку после того, как Семён был уже там, а уходил до того, как Сеня собирался домой.

На всякий случай Семён, как бы мимоходом, всё же задал вопрос теще: не знает ли она писателя такого-то?

— Астафьева знаю, Черкасова знаю, читала... — немного задумавшись, ответила мать жены. — Про Сартакова слышала, был такой у нас писатель-сибиряк... А как ты говоришь, о таком не слышала даже и не читала... А что, хорошо пишет?

— Да нормально,— сказал Сеня, стараясь не вызвать подозрения у тещи. — Я вам его книжку принесу, почитаете...

Мысль о том, что руководитель и мать его жены вошли в сговор, Семён, хорошо поразмыслив, отверг дня через два после зародившегося подозрения.

«Допустим даже, что они и встретились, и поговорили, предположим, что теща высказала ему свою гипотезу, но навряд ли уважаемый писатель, на всё имеющий своё суждение, быстро

согласился бы с её версией. Нет, он не такой. Это его собственная догадка. И её тоже. Они самостоятельно, каждый сам, вдали друг от друга, пришли к одинаковому заключению,— сделал вывод Семён и ещё больше ужаснулся.— Значит...»

Что это значит, Семён так и не сформулировал тогда для себя. Решив, что самое лучшее для него — сесть за сочинительство, он после ужина раскрыл тетрадь и попробовал начать рассказ, вспомнив забавный случай из армейской жизни. И даже было начал, написав несколько предложений. Но, перечитав, остался разочарованным, заметив в каждом из предложений очевидные повторы. Слова «был» и «было» будто бы приросли к его мыслям и повторялись, чередуясь, в каждом предложении по два, а то и по три раза. Семён попробовал исправить, даже вычёркивал их из текста, но без них мысль терялась совсем, а заменить их оказалось непросто.

«Просто нечем! — подумал Семён, сделав новое для себя открытие.— Оказывается, прозу писать совсем не просто, как кажется, а даже сложнее, чем стихи». Он попробовал перестроить текст, начать по-другому, но тут к нему прицепилась новая парочка слов: «стал» и «стало». И без них оказалось сложно обойтись, а заменить их Семён не придумал чем. Раздосадованный, он зачеркнул написанное крест-накрест и перевернул листок.

Начиная с чистого листа, он тут же с лёгкостью сочинил пару четверостиший и незаметно для себя, просидев почти до двух часов ночи, записал в тетрадь несколько новых стихотворений.

Утром, перечитав написанное, Семён остался доволен своим ночным трудом, определив жанры, в которых работал, как философский и лирический.

С хорошим настроением он выпил кофе и пошёл на работу в котельную, по пути читая про себя понравившиеся ему собственные строки нового стихотворения:

Коль пришёл в эту жизнь,
То живи и держись.

Крепко стой на ногах,
Не вздыхай: «Ох!» и «Ах!».
Не ищи лёгкий путь,
Не старайся свернуть,
А иди прямо лишь —
И тогда устоишь!

Семён понял, что он поэт, кто бы там что ни говорил. Он поэт этой, а не следующей жизни, и никакой противной его нутру прозой он заниматься не станет. Не будет больше мучиться над рассказами.

«Буду писать стихи каждый день и назло всем читать их на занятиях. А они там пусть критикуют-закритикуются, если заняться больше нечем. И книжки я буду издавать! Вот так!»

Семён улыбнулся своим мыслям, представил себя весело читающим стихи на занятиях, лица критиков: длинноволосого Володи, белобородого Валерия, отличницы Сазоновой, зашедшей на чай поэтессы Раевич, покачивающего головой и дающего ему советы руководителя, — и подумал о том, что попросит тещу пострять к следующему вторнику, на следующее занятие литературного объединения, пирог с грибами. С солёными маслятами, что стоят у него в холодильнике в трёхлитровой банке. Их он собирал сам в сосновом бору Академгородка, где познакомился с одним хорошим человеком, называющим себя «оператором грибной волны».

Красноярск, 18 февраля – 8 июня 2014

ОПЕРАТОР ГРИБНОЙ ВОЛНЫ

Из цикла «Восхищение одержимых»

Выкroив денёк-другой, в июле-августе каждого года я обязательно навeдываюсь в сосновый бор Академгородка или в лесной массив за университетом и, пройдя от автобусной остановки до первой сосны, достаю из полиэтиленового пакета свой ножичек — стального цвета складничок.

Я раскрываю его и иду к группе людей, спующих по бору, вдоль тропок, вокруг сосен или у молодого кустарника. Люди не обращают на меня внимания. Они ходят, низко опустив головы, с ножами в правой руке и с пакетами или вёдрами в левой, не боясь натолкнуться на кусты, удариться головой о большие деревья или, не дай Бог, порезать друг друга. Все они думают об одном. Зрачки глаз их бегают, стараются отыскать в траве между деревьев и кустов то, за чем они приехали. Грибы. Чаще всего — маслята, боровички (по другой версии — грибы белые), а также рыжики, волнушки, лисички или, если сильно повезёт, грузди...

Как-то в середине июля на конечной автобусной остановке Академгородка я увидел объявление: *«За символическую плату отведу в грибные места в радиусе трёх километров (ближний бор и берёзовая роща). Гарантирую, что в течение 2-3 часов вы наберёте 8-10-литровое ведро маслят и боровичков в июле, в августе — груздей, волнушек, рыжиков, в сентябре — опять. Обращаться к оператору грибной волны Дозывалову Юрию Александровичу».*

Объявление, написанное на тетрадном листочке в клеточку шариковой авторучкой и приклеенное на дверь ближайшего от остановки продуктового павильона, внимание на себя обращало, но желающих остановиться и прочесть его было немного.

Я, скорее ради интереса, а не ради покупок, решил заглянуть в павильон, но остановился перед приклеенным

листочком. Внизу, под фамилией гаранта-оператора, были указаны номера его телефонов — городского и федерального.

Городской номер состоял из двоек и троек и без труда запомнился. Я улыбнулся, прочитав объявление, и, казалось, сразу же забыл о нём. Часа два побродив среди сосен и грибников, думая исключительно о делах творческих, отдыхая мыслями и душой, я отыскал, срезал и сложил в пакет около двух десятков маленьких и средненьких симпатичных маслянистых грибочков. Решив, что мне хватит на грибной суп, я глянул на часы и направился к автобусной остановке. Естественно, проходя мимо павильона, снова обратил внимание на объявление. Может, на этот раз и не остановился бы, тем более что нужный мне автобус уже маневрировал, подъезжая к остановке, но возле объявления стоял знакомый мне поэт Семён Котёлкин из города-спутника. Поэт увлечённо записывал номера телефонов в блокнот. Пройти мимо было не совсем удобно, и я подошёл и поздоровался.

Сеня искренне обрадовался, увидев знакомого, спешно спрятал блокнот в большую чёрную сумку, висевшую у него на плече, пожал мне руку и, глядя на мой пакет, спросил:

— Маслята-то есть?

— Попадаются...

Сеня заглянул в раскрытый мною пакет, наклонившись низко, почти согнувшись, и, убедившись, что у меня действительно грибы, одобрительно закивал.

— Тоже похожу немного. Не найду, так хоть отдохну, стихов посочиняю. На природе-то рифмы сами к тебе лезут.

— Вижу, объявление тебя заинтересовало... — кивнул я на дверь павильона, закрывая пакет с грибами, сразу отводя его от темы стихосложения, не давая разгореться желанию читать мне новые стихи.

— Да вот записал тут номера... — засмутился вдруг Сеня и снова вытащил из сумки блокнот. — Хочу позвонить, познакомиться с этим человеком. Интересный, наверное...

— Ну и хорошо,— ободрил я его.— Если надумаешь с ним идти, позвони мне, прогуляемся вместе.

— Ладно,— кивнул Сеня.

Два следующих дня в моём сознании то и дело всплывали, заслоня все другие мысли, двойки и тройки и чуть ли не наяву выстраивались перед глазами в комбинацию — номер городского телефона, указанного в объявлении знатока грибных мест.

А примерно ещё через день мне позвонил поэт Котёлкин.

— Я тут на грибника Дозывалова, что объявления давал, вышел, ну и договорился с ним на субботу. Ты как?

— Да, в принципе, не против.

— Он и правда деньги берёт за услуги, но какие-то символически-ерундовые. Если сравнить с теми, по какой цене грибы на базаре продают, просто копейки. Поедем?

— Поедем,— согласился я, понимая, что если я не увижу этого человека, цифровое наваждение продолжится.

К тому же меня, как и Семёна, подталкивало любопытство: куда он нас поведёт?

Всю академгородковскую округу вдоль левого берега Енисея и округу километра на три вглубь по трассе университетского бора за последнее десятилетие я исходил метр за метром и вдоль, и поперёк, и по диагонали. Даже некоторые деревья запомнил и ориентировался по ним без усилий. А живущие в бору за университетом белочки настолько привыкли к моим появлениям, что, едва заметив, спускались с деревьев и подбегали к ногам, давая мне возможность покормить их с рук и даже погладить.

Со мной вызвалась ехать Вероника, и в девять ноль-ноль в солнечную субботу, вооружённые ножичками, с пакетами в руках, мы встретились с Сеней на конечной остановке Академгородка.

Нас было трое, но мы сразу узнали таких же, как и мы,— объединённых охотой ходить по грибы. Три женщины

с лёгкими ведрами из пластмассы и двое мужчин с пакетами стояли у края автобусной площадки.

Мы подошли и остановились метрах в трёх.

— Вы Юрия Александровича ждёте? — спросила нас одна из женщин.

— Его, — ответил бойкий поэт Семён Котёлкин.

— Мы тоже. Подходите к нам.

Мы сделали ещё несколько шагов, познакомились: Леонид, Виктор, Светлана, Людмила, Тамара.

— Он с минуты на минуту подъехать должен, — сказал Леонид — высокий плотный мужчина в штормовке. — Только что звонил ему. Он на пути сюда.

Юрий Александрович прибыл на автобусе второго маршрута. Небольшого роста мужичок, возрастом за пятьдесят, в синем с белой полоской спортивном костюме и серой бейсболке.

— По грибы? — сразу вычислив и отделив нас от группы куривших на площадке водителей и кондукторш маршрутных автобусов, спросил он.

— По грибы, по грибы... Вас ждём... — заговорили мы едва ли не все сразу, почему-то негромко и как бы стесняясь.

— Восемь человек? Отлично! Больше и не надо. Самое лучшее, когда в группе до десяти человек: все в поле зрения, и процесс под контролем.

Юрий Александрович посмотрел на нас внимательно-оценивающе.

— Думаю, дела у нас пойдут сегодня: и погода благоприятствует, и вы не заиклены, — сказал он, познакомившись с каждым из нас. — Есть небольшая зажатость у некоторых, но мы это исправим. Пойдёмте, у меня тут кандейка, там инструкторах проведём.

Мы переглянулись с Семёном, улыбнулись и пошли за группой грибников, потянувшейся вслед за инструктором.

Кандейка нашего вожака находилась в том самом павильоне, на котором висело объявление, привлёкшее меня и Семёна,

и, как оказалось, не только нас. Вход в торговый зал павильона — налево, кандейка грибника — направо. Комнатка примерно два метра на три, с журнальным столиком у небольшого окна и десятком обшарпанных деревянных, с затёртой обшивкой, стульев вдоль стен, справа и слева от столика. Ещё два стула стояли у самого входа в комнатку.

— Присаживайтесь, — предложил Юрий Александрович нам, сам занимая место за столом.

Я присел на ближний от стола стул по правой стороне от нашего инструктора, рядом со мной Вероника, за ней Семён. Наши новые знакомые заняли места напротив нас и у дверей.

Когда все расселись, инструктор неожиданно спросил:

— А кто знает из вас, что такое грибы?

Мы, сидевшие на стульях, шаркающие ногами, переставляющие вёдра и пакеты с места на место, тихо переговаривающиеся, замерли, пытаясь уловить суть вопроса.

Грибы. Кто не знает, что это такое? Да все! Как не знать, если мы ходим по грибы не один год и даже не одно десятилетие?

Ответ вроде бы был очевиден, но никто из сидевших на стульях мужчин и женщин не осмелился ни на ответ, ни даже на реплику.

Юрий Александрович обвёл всех взглядом.

— Грибы — это такие существа, которые ведут с нами, людьми, невидимое на первый взгляд соревнование, — сказал инструктор и снова осмотрел на нас всех, теперь уже по отдельности.

Мы молчали и смотрели на него. Я бросил взгляд на Веронику и Семёна. Вероника глядела на наставника спокойно, Сеня — заворожённо. Как ребёнок ждёт, что после нажатия фотографом на кнопку из объектива вылетит птичка, так Сеня ждал следующего слова от человека, сидевшего за столом. В отличие от фотографа, наш наставник не хитрил, слова

вылетали из его уст и попадали точно в намеченную цель — в наше сознание.

— Я не стану настаивать и во что бы то ни стало убеждать вас, тем более с кем-то из вас спорить, вступать в дискуссии и диспуты, но всё же считаю себя вправе сказать вам, что являюсь сторонником мнения о нашей планете как о живом, интеллектуально мыслящем организме, воспроизводящем на своей поверхности мир флоры и фауны, разнообразный и многоликий, со своим интеллектом и своей логикой, для человека пока малопонятной.

Сидевшие напротив меня наши новые знакомые Виктор, Светлана, Людмила, Тамара застыли, не шевелясь, не мигая и не дыша. Леонид, которому достался стул возле дверей, ёрзал на нём и часто моргал глазами, силясь, видимо, понять: он пришёл на научную лекцию или по грибы? Поэт Семён Котёлкин, находящийся уже под явным гипнозом, продолжая смотреть на инструктора, машинально открыл свою сумку, достал блокнот и авторучку. И только Вероника оставалась спокойной, даже несколько равнодушной — видимо, думала о своём, скорее всего о том, когда же пойдём собирать грибы.

— А вот записывать ничего не надо,— сказал наш наставник, обращаясь к Семёну.— Это вы и так, без меня, знаете, только думать в этом направлении не хотите, ленитесь. Итак, о грибах. Ещё пять-десять минут вашего внимания — и пойдём на природу. Грибы — мыслящие существа, и каждый из них точно знает, кто из вас ему нужен. Бывает, что приедет человек в бор, а там народу много ходит, и кажется, что все грибы уже собрали, и часто случается, что человек разворачивается и возвращается домой. А зря.

— Почему зря? — спросил Леонид.— Если народу много по бору шляется, то они точно все грибы соберут или половину потопчут.

— Ошибочное мнение,— быстро ответил на его замечание Юрий Александрович.— Предназначенный для вас гриб никто

не возьмёт. Пусть хоть десять человек пройдёт мимо него, хоть пятьдесят. Они его не заметят, да и он сам им не покажется. А вот вы пойдёте — и он выйдет вам навстречу: «Пожалуйста, заberi меня».

— Да не может быть! — воскликнул Леонид.— Вы нам что-то такое невероятное рассказываете.

— Всё вполне вероятное,— сказал инструктор.— Вы сами убедитесь, если будете следовать инструкции. Во-первых, надо гнать от себя все плохие мысли, не то вам будут попадаться одни червивые грибы, Думайте о хорошем: о планах на ближайшее время, о детях, о родителях. Можно разговаривать негромко. Но лучше не отвлекаться. Помечтайте о том, как вы наберёте сейчас грибочков, как потом пожарите их на сковородке просто с луком или с картошечкой. Сварите грибной суп. Во-вторых, заходя в бор, определите тактику поиска. Для группы, как ваша, лучше подойдёт метод прочёсывания. Выстраиваемся цепочкой, два-три метра друг от друга, и идём — кто чуть впереди, кто сзади, проходим метров двадцать-тридцать, можно пятьдесят. Смотрим внимательно под ноги, срезаем грибочки по пути. Потом поворачиваемся влево и так же, цепочкой, проходим пять-десять метров, затем ещё влево поворот — и пошли цепочкой назад. Доходим до начала бора — и снова поворот, теперь уже направо, и снова вперёд, потом снова направо. Понятна тактика?

— Прямо как на уроках танцев,— попробовал съязвить Леонид.— Поворот влево, поворот вправо, соблюдай дистанцию с партнёром...

— Дистанцию действительно надо соблюдать,— спокойно ответил на это грибник-наставник.— Держите в своём обозрении свои два-три метра — и всё получится. Таким способом мы практически пройдем весь бор — метр за метром. Поверьте, наберёте часа за два полные свои сумочки-корзиночки. У грибов шансов остаться в лесу сегодня мало. Вопросы ещё какие будут?

— Пойдёмте уже грибы собирать,— сказала Вероника.

Мне показалось, что она пропустила все слова наставника, думая во время инструктажа, может быть, даже и не о грибах, а делах домашних.

— Пойдёмте,— согласился наставник.— Раз всем всё понятно, давайте произведём оплату — и в бор.

Мы поднялись и неторопливо, один за другим, стали подходить к столу. Юрий Александрович принимал деньги, пересчитывал, кому надо — сдавал сдачу, записывал фамилии сдавших деньги в тетрадку. Сдавшие же отходили от стола наставника и выходили из кандейки.

Процесс оплаты не занял много времени, и через десять минут после окончания беседы с оператором мы все — я, Сеня, Вероника, Леонид, Виктор, Светлана, Людмила и Тамара — уже стояли возле павильона с вёдрами и пакетами.

Дождавшись, когда выйдет наш наставник, мы, тихо переговариваясь, пошли за ним снова в сторону автобусной остановки.

— Выстраиваемся, как я сказал, цепочкой. Расстояние друг от друга — два-три метра,— сказал Юрий Александрович, когда мы прошли метров пятьдесят от павильона и подошли к ближним соснам.

Бор начинался сразу за асфальтовой дорожкой, лентой тянувшейся метров на сто.

По бору среди деревьев, опустив головы, ходили несколько грибников. Я встал между Семёном и Вероникой, выдерживая обозначенную нашим наставником дистанцию. Мы оказались левыми крайними, остальные растянулись шеренгой справа от Вероники. Ухмыляющийся Леонид демонстративно встал на правый край.

— Ну что, пошли! — дал команду на старт Юрий Александрович.

И мы пошли. А он остался стоять на асфальтированной дорожке, напоминая нам тренера, отправившего своих подопечных в тренировочный забег.

— Думаем о грибах, о детях, о хороших людях! — кричал он нам вслед. — У вас должны быть позитивные, хорошие мысли, и грибы сами пойдут к вам! Помните: ваши грибы — только ваши и ждут только вас!

Я улыбался, не зная, верить нашему наставнику или нет. Люди справа, кто переговариваясь друг с другом, кто молча, шли с ножичками, пакетами, ведёрками в руках и смотрели себе под ноги.

Первым попался предсказанный Юрием Александровичем свой гриб Веронике. И не один.

— Маслятки! — воскликнула она, присев на корточки недалеко от молодой сосны. — А вот ещё один, маленький какой! И ещё один!

Она аккуратно срезала похожие на пуговицы грибочки, сложила на ладони и показала мне:

— Смотри какие! Блестят даже! Грибник наш нам правду говорил...

— Да я не сомневаюсь, что он знает, что говорит, — сказал я, глядя на свежесрезанные грибочки. — Он же понимает, что мы через час-два проверим на себе, сбудутся его слова или нет. Наверное, он какой-то грибной заговор знает, раз так уверен. Места эти им, видимо, заговорённые...

— Или намоленные, — сказал подошедший к нам Семён.

Он покачал головой, посмотрев на Вероникины маслятки.

— Теперь дело за нами, — в словах поэта слышалась уверенная, решительная нота. — Нам осталось найти свои грибы.

Мы снова разошлись друг от друга на определённое нашим грибным наставником расстояние.

Тем временем основная группа продвинулась вперёд. Виктор и Светлана с Людмилой оказались дальше всех, и было видно, что они то и дело приседают и орудуют ножичками.

— Вот и мой грибочек! — воскликнул через минуту Сеня, присев от меня метрах в трёх.— Точно, место намоленное!

А я глянул вправо. Где там наш скептик Леонид? Как дела у него?

Скептик Леонид стоял с раскрытым пакетом и складывал в него свои грибы.

«И этот нашёл! одному мне пока ничего не попало... Надо отрешиться от разных посторонних скользящих мыслей и сосредоточиться...»

Я стал думать о футболе. Вернее, о матче предстоящего тура чемпионата страны, в котором команда, за которую я болел, должна была встретиться с лидером первенства.

«Вот если бы наши взяли три очка у лидера, а идущие на втором и третьем месте команды сыграли бы вничью, то это было бы существенным продвижением по турнирной таблице. Сразу на три позиции...— начал мечтать я, глядя себе под ноги.— А в следующем туре если бы мы выиграли в гостях, а лидер бы скатал вничью с аутсайдером у себя дома, то...»

Неожиданно я остановился. Прямо передо мной, будто только что вырос, поднялся над низкорослой травкой и прошлогодними опавшими и уже побуревшими сосновыми иголочками средней величины гриб-маслёнок. Действительно, будто бы взял и вырос за секунду-другую и поблёскивал своей маслянистой шапочкой. Я был уверен, что всего шаг назад я смотрел на это место и не видел его.

Я наклонился и быстренько срезал грибочек. Есть почин!

Едва опустив маслёнок на дно целлофанового мешочка, я увидел второй грибок. Он был как близнец похож на первый и располагался сантиметрах в пятнадцати от брата. Я срезал и его, но встать на ноги не смог, потому что совсем рядом со вторым грибочком блеснула из травы целая семейка: четыре маслёнка разной величины, примерно от трёх до одного

сантиметра. И только после того, как и эта четвёрка попала в мой мешочек, я поднялся.

На меня никто не обращал внимания. Все занимались своим делом — тем, зачем сюда приехали: срезали и складывали в мешочки, в пакеты и в вёдра свои, для них только предназначенные грибы.

Я подумал о том, что вот уже лет пятнадцать хожу в этот бор, вспомнив, как впервые приехал сюда с фотокорреспондентами, пригласившими меня на шашлыки. Мне так понравился этот бор, что, пока ребята-корреспонденты готовили мангал и шампура, я прогулялся по лесу и собрал с десятков маслят. С той самой поры и в одиночку, и с друзьями, и с соседями я каждое лето навещаю сюда.

«Интересно, сколько раз проходил я за эти годы по одним и тем же тропкам между вот этих деревьев? А есть ли здесь место, куда ещё не ступала моя нога? И сколько примерно в количественном отношении я собрал в этом бору грибов? Сколько штук? Сколько килограммов?»

Мне пришла в голову интересная, как я полагал, мысль. Если, по мнению нашего инструктора, грибы специально выходят к людям, то, значит, попадая в организм человека, к нам в пищу, они вполне сознательно могут изменить, к примеру, наш генетический код, сделать нас другими, завоевать, заставить делать то, что они хотят. А может, даже грибы — не главное, они лишь оружие, специально созданное и запрограммированное какими-то разумными существами из другого мира? Они только выполняют их программу? Сразу вспомнилась телепередача, в которой учёные из разных стран говорили о хлебе. О том, что если употреблять в пищу постоянно только пшеничный хлеб, то у тебя сформируется одно мышление, если кукурузный, то будешь думать совсем по-другому, а если питаться рисовыми лепёшками, то сознание будет работать в отличном от первых двух направлении.

Думая об этом, я незаметно для себя дошёл до конца бора, повернул, как и другие, влево, потом ещё раз вместе с другими

влево. Приседая по пути за новыми грибочками, я набил ими свой мешочек под завязку. Положив его в большой пакет, я достал оттуда новый.

Возле асфальтовой дорожки, от которой началась лента бора, сидя на пенёчке, курил Юрий Александрович. Я кивнул ему, он улыбнулся в ответ и сделал очередную затяжку.

«Интереснейший человек! — подумал я про него.— Оператор грибной волны... Откуда такое название? Сам придумал или подсказал кто? А может, действительно проходят где-то под землёй на небольшом залегании грибные волны, а он, Юрий Александрович, знает эти места или имеет у себя какой-то приборчик, показывающий, где проходит грибная жила, и в определённые часы и дни набирает группу людей?.. А что? Вполне может быть! Может, он вообще и есть посланник других миров? Грибной резидент? Командует грибами, вызывает их, когда ему надо, и направляет на людей. Вот так, как сегодня, сейчас... Он из другого мира, точно!..»

Я обернулся и посмотрел ещё раз в сторону нашего наставника. Он продолжал курить и думать о своём.

«Да какой он инопланетянин? — отмахнул я от себя безумную, казалось теперь, мысль.— Обыкновенный человек! Просто дока в этом деле, и всё. Знает на практике, где могут расти грибы, читает соответствующую литературу...»

Я ещё с полчасика побродил среди сосен и коллег-грибников, набив два небольших мешочка маслятами. Теперь я уже больше думал о том, что делать с грибами. Решил отварить сразу все в большой кастрюле, а потом часть пожарить, а часть пустить на грибной суп. Грибницу, как говорят некоторые.

Примерно часа через полтора с начала старта, оживлённые и довольные, собрались все мы возле нашего наставника.

— Ну что, друзья мои, вижу, что все удовлетворены сегодняшним нашим промыслом,— сказал радостный Юрий

Александрович, улыбаясь каждому из нас в отдельности и всем вместе одновременно.

— Спасибо, Юрий Александрович, спасибо,— заговорили мы все в один раз, как школьники перед учителем в туристическом походе.

— Позвольте пожать вам руку,— выдвинувшись вперёд, сказал Леонид.— Честно говоря, не верил до последнего. Я же не грибник. В жизни, может, гриба два-три нашёл самостоятельно, а сегодня вот...

Леонид даже прослезился. Он с гордостью показал всем раскрытый пакет с грибами, а потом с минуту тряс за руку нашего оператора.

— А можно в следующую субботу ещё к вам наведаться? — спросил наставника сияющий поэт Семён Котёлкин.

Юрий Александрович подошёл к Семёну, взял его за руку.

— У меня расписаны ближайшие выходные дни,— сказал он.— Группы уже набраны, скомплектованы, но вы позвоните ближе к субботе, может, что и придумаем. Вы, я вижу, человек увлечённый, мне с вами легко работается.

— И мне! — воскликнул Сеня.— Я, собирая грибы, сейчас два стихотворения сочинил. Так хорошо сочиняется на свежем воздухе!

— Ну и отлично! — ещё раз осветился довольной улыбкой Юрий Александрович.— Всем хорошего вечера. Было приятно пообщаться.

Мы расстались с наставником и всей компанией, возбуждённо переговариваясь, направились к автобусной остановке.

— Ну что, Николаич, поедem в следующую субботу ещё разок? — спросил меня Семён, когда мы сели в автобус.— Человек видишь какой необычный этот Юрий Александрович. Хочется с ним познакомиться получше.

— Да, необычный,— согласился я.— И мне хочется с ним ещё пообщаться. Давай в четверг с тобой созвонимся. Может,

и получится в следующую субботу снова выйти на грибную охоту.

Однако в следующий четверг поезд дальнего следования вёз меня в восточном направлении, к Байкалу, на фестиваль культуры, куда я получил неожиданное приглашение. А когда вернулся, неотложные дела закружили меня с новой силой.

Семён звонил мне пару раз в августе и рассказывал, что ездил трижды за грибами и Юрий Александрович водил их в дальний бор Академгородка и в бор университетский, а также за биатлонное стрельбище — за груздями. Результатами Сеня был доволен. Один раз с ним была Вероника, которая призналась мне, что наготовила грибов на всю зиму, засолив и намаринавав.

В сентябре у меня забот добавилось, и опять не удалось походить по бору в сопровождении оператора грибной волны Юрия Александровича Дозывалова. На следующее лето мы с Семёном несколько раз бывали в Академгородке, подходили к знакомой кандейке, но она была закрыта. Продавцы павильона говорили, что Юрий Александрович собирался ехать то ли на Алтай, то ли в Горную Шорию.

Мы ходили по бору с Сеней вдвоём и в обществе Вероники, набирали грибов каждый раз, но уже не в таком количестве и не так быстро, как в тот день с оператором. Оператора не было, а где точно проходит грибная волна, в который день и в какое время, мы могли только предполагать. Грибной волной нас не накрывало, и грибная жила не обнаруживала себя.

Примерно года через два, во второй половине октября, на поздней электричке возвращался я в город со станции Водораздел. Народу в вагоне было немного, и я присел на свободное место у окна и стал читать еженедельник «Футбол».

На одном из полустанков в вагон не зашёл и даже не заскочил, а влетел пассажир, одетый в лёгкий, не по сезону, тёмно-синий спортивный костюм. Быстро осмотревшись, он выбрал

место напротив меня, сел, натянул на глаза белую спортивную шапочку, прислонился к окну и тут же задремал.

Я продолжил увлекательное для меня чтение, не обращая внимания ни на него, ни на остальных трёх-четырёх пассажиров. Кто-то проходил по вагону, хлопали дверцы, но я не отрывал глаз от еженедельника. Оторваться от чтения пришлось, когда возле меня остановились контролёры. Две женщины, чуть старше среднего возраста, одетые в форму железнодорожников.

— Ваш билет? — спросила одна меня, а вторая тронула задремавшего моего соседа за плечо и задала ему такой же вопрос.

Я протянул свой билет контролёрше. Она, проверив, вернула мне его обратно.

Её же напарница тщетно пыталась разбудить моего соседа. Она толкала его в плечо и трясла за воротник, но он не отзывался.

— Гражданин, у вас есть билет? — выкрикнула выходящая из себя женщина и рванула край шапочки спящего вверх, почти сорвав её с головы.

Гражданин зашевелился, открыл глаза.

— Я, я, я, я... — заговорил он. — Я, я, я, я...

— Что «я»? Билет есть или нет? — продолжала громко наступать на пассажира контролёр.

— Не-е-е-е-е.... — не то проговорил, не то пропел пассажир.

— Так есть или нет? Если есть — показывай, нет — покупай. У нас есть с собой кассовый аппарат. Оплачивать будете?

Пассажир вдруг замолчал и стал осматриваться — поворачивать головой и тревожно оглядываться.

Небритое дня три лицо его показалось мне знакомым.

— Оплачивать проезд будете? — повторила контролёр вопрос. — Откуда едете?

Пассажир молчал и, словно не понимая, где находится, продолжал крутить головой.

— Откуда он едет? — спросила меня контролёра, проверявшая мой билет.

— Точно не знаю, но сел где-то в районе Снежницы, — сказал я.

— Деньги у тебя есть? — спокойно спросила странного пассажира стоявшая возле меня контролёр.

Странный пассажир молчал. Теперь он глядел прямо на меня. И мне показалось, что он похож на оператора грибной волны, с которым мы были в бору Академгородка.

— А сколько надо за билет? — спросил я контролёров.

Они назвали цифру, я достал из кармана купюру.

— Вот, возьмите. За билет.

Мой поступок несколько удивил стоящую возле меня женщину, но деньги она взяла, отсчитала сдачу и протянула мне билет.

— Отдайте ему, — сказала она, уходя с напарницей.

Я протянул билет соседу:

— Возьмите.

Сосед продолжал смотреть на меня странными немигающими глазами. Будто глядел сквозь меня.

— Возьмите билет, — сказал я ему ещё раз, уже настойчиво протягивая. — Снова могут подойти и проверить.

Он взял билет, покрутил его перед глазами и снова посмотрел на меня непонимающе.

— Держите в руке, а спросят — покажите.

Сосед сжал билет в кулаке, продолжая упорно смотреть в мою сторону.

«Нет, это не Юрий Александрович, — подумал я. — Тот — рассудительный философ, знающий, что делать, а этот какой-то не в себе. Рассеянный с улицы Бассейной. Хотя похож чем-то на того грибника. Даже очень похож...»

— Вам куда ехать? — спросил я. — До какой станции?

Человек напротив продолжал молчать, сжимая в кулаке левой руки билет и глядя на меня или сквозь меня.

— Вам до конечной или до Путепровода? А может, до Бугача? — пытался всё-таки узнать я.

При слове «Бугач» молчаливый пассажир встрепенулся.

— Бугач, Бугач, Бугач... — начал повторять он. — Бугач, Бугач, Бугач...

Вдруг он стал протирать правой ладонью стекло, а затем всматриваться в темноту за окном.

До конца поездки он больше не поворачивался, а всё вглядывался и вглядывался в окно.

Когда стали подъезжать к Бугачу, я осмелился тронуть его за плечо и сказал для верности:

— Бугач.

Он повернулся, закивал головой и побежал к выходу.

Был ли это Юрий Александрович Дозывалов — человек, который учил нас, как искать грибы, — или просто на него похожий, я так и не узнал. Не появлялись больше ни следующим, ни последующим летом на конечной остановке Академгородка объявления об услугах оператора грибной волны. И чем больше проходило времени, тем чаще я задумывался: а была ли в реальности встреча с этим самым оператором? А может, мне приснился грибной сон или выдумало тот день моё сознание?

Иногда в Академгородке или в университетском бору встречаю я грибников из той нашей группы: Виктора, Светлану, Людмилу, Тамару. Чаше других, почти каждый год, — Леонида. Общение наше происходит на уровне приветствия. Мы киваем друг другу и проходим мимо, даже не заговорив. Отдалились мы за последнее время и с Семёном. У него свой круг приятелей-поэтов, и по грибы его теперь не заманить. Семён написал в то лето под впечатлением целый цикл стихов о грибах и даже начал поэму. Не знаю, закончил ли. На книжной ярмарке продавалась его «Грибная книга», но поэмы в ней не

было. Не очень разговорчива и Вероника. Впрочем, она никогда и не была словоохотливой. Я несколько раз спрашивал её: помнит ли она удачный наш поход с оператором грибной волны? На что она отвечала уклончиво: «Помню, как-то один раз так много грибов привезла...»

Может, мне действительно приснился сон про живые грибы и грибного оператора, их резидента?

Выкроив денёк-другой, в июле-августе каждого года я обязательно наведываюсь в сосновый бор Академгородка или в лесной массив за университетом и, пройдя от автобусной остановки до первой сосны, достаю из полиэтиленового пакета свой ножичек — стального цвета складничок.

Я раскрываю его и иду к группе людей, снующих по бору вдоль тропок, вокруг сосен или у молодого кустарника. Люди не обращают на меня внимания. Они ходят, низко опустив головы, с ножами в правой руке и с пакетами или вёдрами в левой, не боясь натолкнуться на кусты, удариться головой о большие деревья или, не дай Бог, порезать друг друга. Все они думают об одном. Зрачки глаз их бегают, стараются отыскать в траве между деревьев и кустов то, за чем они приехали. Грибы. Чаще всего — маслята, боровички (по другой версии — грибы белые), а также рыжики, волнушки, лисички или, если сильно повезёт, грузди...

Красноярск, июль 2014 – июль 2017

РАЯ, АДА И ЧИСТИЛЬЩИК

Влюблённый в Раю

В первый день июня, за двадцать лет и семь месяцев до третьего тысячелетия, я спешил на свидание к девушке по имени Рая. Уже тогда я, ожидающий своего двадцатидвухлетия и совершивший в пределах большой страны несколько путешествий на запад и восток, понимал, что родной городок мой, возвышающийся над прославленной в песнях речкой Бирюсой, не такой большой по размерам, как казался мне в детстве, а потому, не пользуясь городским транспортом, шёл пешком от заводского микрорайона по северным улицам города: имени космонавта Гагарина, имени писателя Горького и названной в честь железнодорожников — Транспортной, далее через железнодорожный вокзал и виадук, спускаясь к старому городу, к его южной стороне, тогдашнему центру торговли и самому популярному кинотеатру города — «Победа», переоборудованному за двадцать лет до этого в храм культуры из храма Божьего.

«Победа» блистала, величественно выделяясь с фасада своими белеющими колоннами, по улице Советской и продолжалась бледно-жёлтым бастионом без окон и двумя дверьми из зрительного зала по улице имени героя Гражданской войны Чапаева. А по другую сторону Чапаева, тоже на повороте и тоже входом со стороны Советской, красовалась «Тайга». «Тайгой» называлось поражающее многих горожан, а ещё более — приезжих своим архитектурным новаторством здание городского ресторана, построенное в середине семидесятых. Большой козырёк «Тайги» над входом выходил вперёд метров на шесть и тянулся вдоль до конца строения. Он крепился стоящими под углом тоненькими (по сравнению с «победовскими» тоньше раз в пять), «под гранит», колоннами. Со стороны «Тайга» была похожа на большой перевернутый набок ящик — мышеловку или птицеловку — с приподнятой на подпорках крышкой. Мне порой казалось, что где-то за «Тайгой», в огородах домов частного сектора, затаился ловец. Он ждёт, когда побольше посетителей соберётся в ресторане, а

потом дёрнет за хорошо замаскированную верёвочку — и сложатся-упадут колонны-подпорки, и захлопнет козырёк вход и большее, во всю стену, окно ресторана со всеми его посетителями, официантами и поварами.

Я нечасто бывал в этой части городка, а дальше, по Советской, за «Тайгу», в тот день и вовсе зашёл впервые. Открыв для себя новый промтоварный магазин в большом белом оштукатуренном доме, сразу за ним, в проулке, я увидел будку чистильщика.

Сейчас понимаю: одно из главных отличий молодости перед зрелостью — не особо вдаваться в детали и принимать факты как есть, без вопросов. На вкопанный посреди Старобазарной площади бетонный столб обратили внимание все, кто жил неподалёку или ходил через площадь, но для чего столб там поставили, заинтересовались только люди возрастом за пятьдесят. Информацию на железнодорожном вокзале: следующий в западном направлении пассажирский поезд опаздывает на восемь с половиной часов, — поняли и приняли все двадцать три пассажира с билетами на этот поезд, но в чём причина задержки, пошли выяснять к дежурному по вокзалу только трое пенсионеров и одна многодетная мама тридцати шести лет.

И я, конечно же, и не подумал тогда задать себе вопрос: почему чистильщик поставил свою будку, похожую на телефонную, только большего размера, не на вокзале или на колхозном рынке, где клиентов у него было бы гораздо больше, а в неприметном местечке, ближе к окраине? Не удивило меня тогдашнего и то, что раньше чистильщиков-одиночек я видел только в кино, а у нас в городе поизносившуюся одежду сдавали в химчистку Дома быта, а обувь чистили сами; а тут вдруг...

Много лет спустя, вспоминая о том дне, я задумался: а кто мне сказал тогда, что человек, стоящий возле будки, — чистильщик? И не сразу вспомнил, что он же мне сам и сказал! Да, он сказал о себе сам при разговоре со мной. Но то, что он чистильщик, я же понял сам! Едва повернув с Советской в проулок за промтоварным магазином и увидев мужчину — шатена лет сорока в белой

рубашке и чёрных брюках, я сразу понял, что он чистильщик. В белой рубашке, без фартука... Мужик как мужик. Он стоял возле будки, даже не похожей на рабочее место чистильщика обуви. Именно чистильщиков обуви я несколько раз до того видел в фильмах. Но этот (я был убеждён!) был из тех, кто чистил и обувь, и одежду. Почему я так решил, едва увидев его, и почему был готов к тому, что он со мной заговорит, а я ему отвечу? И главное: почему и зачем я остановился? Ведь я не видел и не хотел видеть ничего и никого вокруг. Мысли мои были тогда не со мной, а летели вперёд — к белокудрой Рае, с которой познакомился я на открытии танцевального сезона в городском парке в последний день весны. Мысли, а вслед за ними и чувства мчали меня к её дому, где она назначила мне встречу в первый день лета. Вот поворот, и вон, где-то там за ним, её дом. Там у ворот Рая. Я был уверен, что она ждёт меня. Сидит на скамеечке с веточкой сирени или стоит у палисадника.

А я взял и остановился возле странной будки, возле человека в чёрных брюках и белой рубашке.

— На свидание торопитесь, юноша? — спросил чистильщик, когда я с ним поравнялся.

— Да вы знаете... я тут двадцать третий дом ищу... — едва слышно произнёс я, глядя на него.

Лицо его было мужественным, но не суровым, а едва заметная улыбка располагала к доверию. Серые зрачки глаз смотрели уверенно. Уже в те годы мне приходилось замечать у окружающих меня людей нездоровый налёт на белках глаз: желтизну, блёклость — отражение внутренних заболеваний. У чистильщика белки были ясными, без тени желтизны и блёклости.

— Да считайте, что вы уже пришли. Через три дома, по правой стороне, — пояснил он. — Вон, где сирень через палисадник свисает. Видите?

— Спасибо, — поблагодарил я, готовый было уже ринуться к дому с сиренью в палисаднике.

— Брючки, обувь перед визитом к даме подновить не желаете? — остановил он мою готовую уже вырваться наружу прыть. —

Беру немного: гривенник за чистку ваших брючек и гривенник за обработку ваших туфель хорошим сапожным бесцветным кремом. Зайдёте?

До того не опускавший головы, летевший без оглядки за своей фантазией, предвкушая романтическую встречу с Раей, я глянул себе под ноги и заметил густой налёт пыли на моих тёмно-коричневых туфлях и пыльцу на гачах новых вельветовых светло-коричневых, в мелкую полосочку, брюк.

— Можно...— кивнул я.

— Сейчас, сейчас, молодой человек, мы уберём огрешки с вас, а с вашего одеяния пыль земных, пока не дальних, дорог,— заговорил он, улыбаясь, открывая дверь своего заведения.— У молодых людей вашего возраста — только огрешки. Грешками обрастают люди постарше, когда судьба начинает их испытывать жёстче, и многие справляются сами: борются, противостоят... В грехах же тонут безвольные, часто жаждущие лёгкой добычи, чего-то чужого, не способные устоять перед страстями... Тех уже щётками вроде этих не очистишь...

Заведение чистильщика оказалось просторнее, чем виделось снаружи. Наверное, в четыре телефонных будки, составленных вместе. Столик, два табурета, полочка со щётками и кремами в баночках, в углу небольшая тумбочка.

— Ставьте правую ногу на полочку, я сейчас.

Едва я поставил ногу, как длинная щётка с рукояткой коснулась моего колена и начала крутиться в руках чистильщика, опускаясь по гаче от коленки к ступне. Чистильщик ловко крутил рукоятку, а щётка, переворачиваясь, снимала пыль с моих брюк. Щётка бегала по брюкам, скользила по моей голени. И сначала по голени, а потом и выше по телу стало разливаться, подниматься, растекаться приятное тёплое чувство. Когда чистильщик перешёл к чистке другой гачи, я физически почувствовал сияние моей улыбки и ощущение предполётного состояния. В эту минуту-другую я любил всех на свете: маму, сестёр, родных, близких друзей детства и далёких теперь армейских друзей, любил прохожих,

чистильщика и мою новую знакомую Раю. Мне казалось в тот момент, что Раю-Раюшку — больше всех остальных.

— Теперь пройдемся по обуви — и будет полный порядок. Почти что полное очищение с человека разных жизненных налётов, — закончив с чистой вельветок, даже не улыбаясь, а светясь то ли от упавшего на него через окошечко будки утреннего солнечного луча, то ли от своей собственной улыбки, сказал чистильщик, положив на полочку щётку с рукояткой и взяв две обувных. — Ставьте снова правую ногу. С неё начнём. Всегда надо начинать какое-либо дело с правой стороны. Брать правой рукой, входить правой ногой. И мы всё будем делать справа. Правда, молодой человек?

Я, не зная, что отвечать, кивнул. Мне и не хотелось ничего говорить. Я был согласен с чистильщиком. Согласен с тем, что он уже сказал мне, и с тем, что ещё скажет.

Минутка-другая — и мне показалось, что в подновлённых кремем туфлях моих я смогу увидеть и собственное отражение, и отражение чистильщика.

— Ну и прекрасно! — глаза чистильщика засветились ещё больше, когда я протянул ему двадцатикопеечную монету. — К вам теперь долго грязь не прилипнет.

— Спасибо... — поблагодарил я его.

Он первым подошёл к двери, открыл, но перед тем, как выпустить меня за порог, сказал, продолжая хранить улыбку на лице:

— Красивое имя у вашей новой знакомой. Располагающее. Да и сама она привлекательная: беленькая, синеглазая... Похожа на Мальвину... Сказку про Буратино же знаете?

Я кивнул.

Чистильщик продолжал улыбаться, но лучезарность в лице его пропала, а в глазах, я заметил, мелькнула грустинка.

— Тогда вы знаете и то, что у Мальвины должен быть Пьеро, — сказал он, как мне показалось, уже серьёзно. — А для вас в этой сказке-истории места нет. У вас другая история...

Мы были с ним одного роста, стояли друг против друга, глаза в глаза, и я вдруг почувствовал, что не в силах пошевелиться,

шагнуть за дверь. Радостное чувство в груди заглохло. «Зачем я сюда зашёл? — уже спрашивал я себя и тут же стал оправдываться: — Ну я же не сам... Это он меня позвал...»

— Не слушайте крика страсти, молодой человек,— произнёс чистильщик, продолжая смотреть мне в глаза.— Приглушите крик и прислушайтесь к шёпоту своего сердца.

— Ла-ладно...— сказал, едва выдавив, я.

Он отступил в сторону, и я шагнул за порог.

Рая сидела на скамеечке возле дома.

Давно или только что она вышла из ворот, я не мог знать, ибо из-за выступающего от окон дома палисадника, ограждающего сирень, ни ворот, ни скамеечки от поворота не было видно.

Рая была в белом платье с крупными красными розами и держала в руках ветку сирени. Белокурая, красивая, лёгкая. Её голос, как журчащий ручеёк, что протекает за городом возле Грибановой горы, заморозил меня в последний день мая, околдовал, заставил подчиниться.

Глядя на неё, танцую с ней, слушая её, я вчера потерял голову. Голова укатилась куда-то под ноги танцующих, а потом выкатилась за площадку, в ближайšie кусты. Я не поднял её, даже не стал искать, а ушёл домой. Там же, в городском парке, на исходе сумасшедшего вечера сердце моё, выпрыгнув из груди, спряталось в маленькую Раину сумочку, и она унесла его с собой. Я не спал ночь, видел и слышал только Раин голос, её шёпот, не понимая, то ли в полудрёме это, то ли наяву. А утром оставшаяся ещё со мной душа моя полетела впереди меня по названному Раей адресу.

Рая глядела на веточку сирени, поглаживала её и, конечно же, не видела, как я вышел из-за палисадника. А я, вынырнув из-за поворота, сам не зная почему, вдруг остановился и замер в пяти метрах от неё.

Я смотрел на неё, а она на сирень, легонько перебирая цветочки своими тоненькими пальчиками. Она не поднимала головы, а я, ещё секунду назад хотевший её окликнуть, назвать её имя,

вдруг онемел. Я почувствовал на физическом уровне, как возвращается на место потерянная мною голова, как тяжело она плюхается мне на плечи. Я увидел воочию, как выпорхнуло из сумочки, что была на коленях Раи, моё сердце и, как нож, вонзилось мне в грудь. Летавшая надо мною душа моя сначала замерла, а затем, закружив вихрем, накрыла лёгкой волной.

«Если ты сейчас произнесёшь её имя, если она поднимет глаза, то ты всю свою жизнь проведёшь возле неё, будешь жить в этом доме, в этом городе. А если...»

«Что если?!» — спросил я, выкрикнув беззвучно на выдохе, не понимая, откуда слышен голос. То ли говорит душа, то ли пророчествует сердце, то ли озвучиваются мысли из моей головы.

«А если ты не окликнешь её, а она не поднимет глаз, то всё в твоей жизни будет по-другому».

«По-другому...» — не то спросил, не то просто сказал я.

«По-другому», — услышал я снова.

«По-другому...» — повторил я, и мне, ещё несколько секунд назад хотевшему больше всего в жизни: видеть Раю, быть влюблённым в Раю, слышать её ангельский голосок, захотелось, нестерпимо захотелось, чтобы жизнь моя пошла по-другому.

И это самое «по-другому» уже решалось и решилось с моим и без моего участия одновременно. Ноги мои, развернув меня, пошли назад.

Я медленно, очень медленно дошёл до палисадника, давая возможность Рае поднять глаза. На углу остановился, прежде чем шагнул за поворот. А когда шагнул, то сразу же остановился снова, надеясь, что она вот-вот, сейчас, поднимет глаза, встанет, пройдёт пять метров до угла ограды, увидит меня и окликнет.

Может быть, она через секунду и подняла глаза, может, даже приподнялась со скамейки, но не дошла до угла, не заглянула за палисадник, не увидела меня и не окликнула...

А я не остановился, не вернулся. Я почему-то вдруг вспомнил соседку Весту, что писала мне письма, когда я служил в армии. Простые весточки из дому, о житье-бытье, без намёка на

любовные отношения. Письма были располагающие к дружбе, но когда я вернулся домой, Веста при встрече со мной скромно отводила глаза и говорила мне «вы», хотя была младше меня всего на три года. Веста, сама не зная, отвела и отняла меня тогда от Раи.

Мне показалось, что именно Веста окликнула меня, позвала из окна пятого этажа своего дома возле здания госбанка, что в другом районе города. Во всяком случае, я подумал тогда о Весте, зримо представил её фигурку, её лицо, её большие глаза с серо-зелёными зрачками и торопливо пошёл назад к своему дому, обратным маршрутом, теми же дорогами и улицами, какими шёл к Рае. Мимо «Тайги», мимо «Победы», через виадук и вокзал. Я даже не вспомнил тогда о чистильщике и не помню, как проходил мимо его будки. Подходя к пятиэтажке в районе госбанка, где прошли мои детство и юность, я заметил на скамеечке знакомую фигурку. Веста или не Веста? Да — она, Веста!

Я подошёл и сел рядом. Веста смутилась и, ответив на приветствие, опустила глаза.

— Я что-то сегодня вспомнил вдруг о твоих письмах, что писала мне в армию,— сказал я.— Подхожу к дому — и вдруг вижу тебя здесь... Совпадение?

— Да, совпадение,— сказала Веста, на секунду подняв на меня взгляд.— Я тоже подумала почему-то про вас сегодня, вышла во двор, села на скамейку, а тут и вы идёте...

Веста быстро соскочила, ринулась к подъезду, и через секунду дверь за ней захлопнулась. Я посидел ещё минут десять, а потом тоже поднялся и пошёл через пустой двор к госбанку. У газетного киоска, между пятиэтажкой и госбанком, я остановился и глянул на окна пятого этажа. Из одного из них, раскрытого на обе створки, смотрела на меня Веста.

Целый день я думал о Рае: правильно ли поступил и почему поступил так, а не по-другому? Ближе к ночи я успокоился, решив, что я поступил именно по-другому, а не так, как хотел с утра, что вчерашнее наваждение моё прошло и от судьбы мне не уйти. Сделав вывод, что я всё же не был влюблённым в Раю, я уснул

в кресле перед телевизором, не добравшись до постели. Я спал недолго. Как определил потом — минут двенадцать, но эти минуты в мире сна обернулись для меня долгим хождением среди цветущих белых яблонь. Я был во сне с Раей, влюблённым в Раю, и она водила меня по своему саду, по дорожкам среди деревьев и цветов. «Вот такой всегда, каждый день, будет наша жизнь...» — шептала мне она, и я соглашался, соглашался, соглашался...

Влюблённость в Раю растаяла с окончанием сна. Я понял это и старался не думать о ней.

Я не думал о ней всё лето, занимаясь своими, как мне казалось, неотложными делами, поглощавшими меня с утра до вечера. А осенью я встретил Любовь. Любовь закружила меня Восторгом и Желанием любить. Зимой Любовь стала моей женой, и я был счастлив с нею несколько лет. Однажды мы пошли с Любовью на дневной сеанс в кинотеатр «Победа», и пока моя Любовь стояла в очереди за билетами, я неожиданно встретился на крыльце кинотеатра с Раей. Она была с парнем примерно моего возраста. Он держал её под руку. Рая посмотрела на меня, я на Раю. Мы узнали друг друга. Сначала она, потом я.

— А ты... вы... почему тогда не пришли? — спросила Рая, отойдя от своего спутника и подойдя ко мне.

— Да знаешь... знаете... Я хотел, но не смог... Не получилось... Вернее, так получилось, что был занят... — врал я Рае и краснел, опуская глаза.

Я видел, что она понимает, что я обманываю её, и ещё больше смущался.

— А я ждала, — сказала она, стараясь поймать мои бегущие зрачки. — Я ждала, — повторила Рая, когда ей удалось перехватить мой взгляд, — я очень хотела прогуляться с вами по нашему саду. У нас в тот год как никогда обильно цвели ранетки... Так было красиво. Просто божественно. Так, наверное, цветут яблоки в раю.

— Я... я хотел прийти... — заикался я и снова прятал глаза, как провинившийся школьник.

— Вы правда жалеете, что не пришли, не смогли прийти? — спросила Рая.

От новой лжи меня спасла Любовь. Она подошла к нам с билетами и поздоровалась с Раей. Рая, ответив на приветствие, смущённо улыбнулась и вернулась к своему спутнику.

Больше мы с Раей не виделись. Я, конечно, вспоминал её время от времени, но без ностальгии, как эпизод из молодости. Мне было не до неё. Я был счастлив с Любовью и не думал ни о ком другом и ни о чём тоже. Я думал в ту пору, что так будет продолжаться всегда. Вечно! Но случилось, что Любовь ушла. Ушла туда, откуда не возвращаются в наш мир. Ушла неожиданно, и я не был готов к её уходу. «Всегда» и «вечно» разбились о действительность Времени. Я потерял Любовь и долго мотался по свету в поисках чего-то другого. Чего — думаю, не представлял сам. Где-то на перекрёстках Судьбы и Жизни, когда рана потери уже не кровоточила, а лишь болела, я встретил Надежду. Она подняла меня на ноги, сидевшего на расстанях, вдохнула в меня новый Смысл, помогла обрести другое понимание Бытия, и я некоторое время жил с Надеждой. Вернее, жил рядом с ней. Надежда не была только моей. Она была Надеждой и для других. Я благодарил её, как и те, другие, что она рядом. Я мотался по городам и странам, бывал на других континентах, а когда возвращался в родной город, то встречал иногда Весту. Она по-прежнему не была замужем и так же, встретив меня на улице, отводила глаза.

Жизнь закинула меня, уже почти сорокапятилетнего, в большой город на великой сибирской реке, где я во второй раз в жизни потерял голову. Именно там, в том городе, на набережной Енисея, я однажды летом увидел женщину с чёрной длинной косой. Смуглую красавицу Аду.

Влюблённый в Аду

В третий день третьего летнего месяца, в третий год уже наступившего третьего тысячелетия я шёл по набережной Енисея

с намерением пересечь реку по Коммунальному мосту и через остров Отдыха, а затем через Абаканскую протоку выйти на Предмостную площадь и дальше — на улицу Кольцевую, где в одном из панельных домов на девятом этаже жила женщина по имени Ада.

Специально не доехав на маршрутном автобусе до Предмостной, я сошёл на полпути к Аде, возле кинотеатра с названием «Луч», и, обогнув его, пересёк улицы имени революционеров Урицкого, Кирова и Дубровинского, а затем спустился вниз — к Енисею.

Я шёл по набережной мимо ярко-цветных палаток-кафе, мимо плывущих дымками в мою сторону ароматов: разливавшегося в бумажные и пластиковые стаканчики кофе, томлённого на мангалах мяса, обжаренных в чанах овощей и риса, разогретых на тарелочках гамбургеров и чизбургеров. Всё здесь было точно так, как и несколько дней назад, когда мы познакомились с Адой.

На закате дня по левому берегу Енисея лилась музыка и разлетались в разные стороны песни. Многие люди сидели за столиками в палатках и под открытым небом, при свете уже зажжённых электрических фонарей. Некоторые танцевали прямо на пешеходных дорожках и даже на лестницах, идущих вверх от набережной. Я обратил внимание на статную брюнетку, возрастом за тридцать, с длинной, по пояс, толстой косой, в коротком летнем приталенном лиловом платье.

— Молодой человек, не проходите мимо! — обратилась она ко мне, когда я, одурманенный вечерними ароматами, лавируя среди людей и столиков, неожиданно для себя попал в круг танцующих и приблизился к ней.— Потанцуйте же со мной.

Я остановился, принимая слова женщины за шутку, но уже через несколько мгновений левая рука брюнетки легла на моё плечо, а правая, откинув чёрную косу, подхватила и легко сжала мою ладонь.

Чувства мои выплеснулись через край, сердце заликовало, а душа, вострубив, улетела к выступавшим над Енисеем звёздам.

Я не помню, о чём мы говорили с Адой за столиком, когда закончили танцевать. Я купил две бутылки пива, а она представила

меня несколькими мужчинами и женщинами из своей компании, но я не запомнил имён. Память выхватила лишь фонари на Коммунальном мосту, остров Отдыха и скамейку на Предмостной площади, где мы, вначале робко, а в конце страстно, целовались и говорили друг другу нежные слова...

На рассвете мы расстались с Адой у подъезда девятиэтажки на улице Кольцевой. В моём мобильном запечатлелся номер её телефона, и я, едва начался день, позвонил ей. Мы говорили долго, вспоминая прошедший вечер. Я склонял её к свиданию, она соглашалась, но во время разговора несколько раз меняла дату и место встречи. Сошлись на том, что созвонимся и решим всё вечером. Я позвонил ей вечером, затем поздним вечером, а потом ранним утром. Потом снова днём и снова вечером. И наконец Ада сдалась и пригласила меня к себе.

Я не шёл, я плыл вдоль набережной, думая купить цветы на Предмостной площади и там же в супермаркете взять хороших конфет, коньяку и шампанского.

Полон чувств, желаний, надежд, я перешёл большую часть реки и, дойдя до острова Отдыха, решил спуститься к кассам стадиона, чтобы попутно узнать, продают ли билеты на ближайший матч чемпионата страны по футболу. Времени до назначенного свидания оставалось больше часа, и я, легко сбжав по ступенькам лестницы, нырнул под арку моста, устремляясь к стадиону. Навстречу мне шли несколько мужчин и женщин разного возраста, и я не сразу обратил внимание на седого человека в лёгком светлом плаще. По правде говоря, я его вообще не заметил. Дошёл до кассы, отстоял небольшую очередь и по совету кассирши купил два билета в шестом ряду сектора «Е», на западной трибуне. Конечно, я думал об Аде. Я был уверен, что ей понравится моё неожиданное предложение — пойти со мной на футбол. Я даже представил, как она вначале удивится, когда я ей скажу об этом, потом засмеётся громко, как она обычно это делает, и даже захлопает в ладоши. Представил, как мы будем кричать, поддерживая

своих с трибуны, и даже попробуем свистеть, реагируя на неправильные, на взгляд болельщиков, решения судьи.

Я шёл и радовался. Предвкушению близкой встречи с любимой мною женщиной, оригинальному решению пригласить её на стадион, лёгкому потоку мыслей.

Видимо, поток моих мыслей отражался на моём лице, потому как идущие мне навстречу люди, группами, парами, в одиночку спешившие кто к кассам стадиона, кто к берегу Енисея — к прокату лодок, водных велосипедов или просто к воде, глядя на меня, светились улыбками. Улыбался широко и даже дружески мне и человек в светлом плаще, с длинными, до плеч, седыми кудрями. Первое, что я подумал, увидев его шагов за пятнадцать от себя, — что он бывший футболист. Такие причёски в семидесятых – восьмидесятых годах двадцатого века были в моде у многих известных футболистов, и им с удовольствием подражали малоизвестные. Я и сам в то время, как и мои кумиры — кудесники мяча, носил кудряшки до плеч и пшеничного цвета усы. Некоторые мои сверстники и те, кто был постарше лет на пять-семь, оставались верными однажды выбранному имиджу и ходили длинноволосыми и в пятьдесят лет. Если, конечно, волосы к тому времени у них на голове ещё оставались. Человек в плаще, мне думалось, был из их числа и, скорее всего, тоже шёл за билетами на футбол.

По мере того как мы приближались друг к другу, я, вглядываясь в его лицо, находил знакомые мне черты. С каждым шагом я всё больше приходил к мысли, что знаю, вернее, видел раньше этого человека, но вспомнить, кто же он и почему его лицо мне так знакомо, никак не мог. А человек, не было сомнений, узнал меня сразу, издали, и шёл навстречу уверенно.

— Здравствуйте,— сказал он, когда мы сблизились до шага.

— Здравствуйте,— сказал я, колеблясь, надо ли протянуть ему руку для приветствия или подождать, когда это сделает он.

— Вы не узнаете меня? — спросил длинноволосый, чуть повернув голову, видимо, для того, чтобы я мог лучше разглядеть его в профиль.

Было видно, что он тоже готов протянуть мне руку, но не решается сделать это первым. Его лицо было удивительно молодым и свежим, улыбка отражала печать уверенности, глаза смотрели открыто ясными серыми зрачками на фоне чистых, без налёта блёклости, белков.

Взгляд его тоже был мне знаком. Где же я его мог видеть? При каких обстоятельствах?

Да это же!..

Я вспомнил эти глаза, этот взгляд, эту улыбку.

Чистильщик... Это же чистильщик! Тот, что встретился мне тогда в родном городе, когда я шёл на свидание к девушке по имени Рая! Я узнал его, узнал, несмотря на то, что прошло больше двадцати лет!

— Двадцать четыре года, — подсказал чистильщик. — Если точно, то двадцать четыре года, два месяца и два дня.

«Как он оказался здесь?» — то ли подумал, то ли не успел подумать я.

— А у меня тут рядом, у моста, такая будочка-павильончик. Работаю в этом месте не так давно, чищу обувь, брюки... — снова отгадав предполагаемый с моей стороны вопрос, сказал чистильщик. — Сегодня работы было много, я вышел подышать на воздух, смотрю — знакомый мне человек идёт, налёт лет на нём почти не отразился, только брючки и обувь запылились. Дай, думаю, поздороваюсь, приглашу по старой памяти почистить... Зайдёте?

Я поискал взглядом будку чистильщика.

— Тут рядом, к Дворцу спорта... — показал он рукой от стадиона на правую сторону от моста, туда, где стоял памятник легендарному борцу вольного стиля.

— Ну пойдёмте, — согласился я.

— Приведу в порядок ваши брючки, вашу обувь, — кивнул он, и мы пошли под арку моста.

Я был не то что удивлён — поражён! Чистильщик из прошлого!

Почти не изменившийся за четверть века человек вдруг встречает не то чтобы знакомого, а одного из случайных своих

клиентов, заходившего к нему двадцать с лишним лет назад на пятнадцать, от силы на двадцать минут, в другом городе, узнаёт его сразу и запросто заводит с ним беседу. Это что-то из разряда невероятного. Да, он почти не изменился, но я! Я-то изменился внешне, я знал это точно! И лицо стало суровее, и причёска полегче, и походка тяжелее. Даже в родном городе друзья моего детства не всегда узнают меня сразу. А он узнал. Неужели он случайно оказался сегодня здесь?

— А меня помотала судьба за эти годы,— сказал чистильщик, оторвав меня от моих размышлений.— И на Севере Крайнем жил, и на юге у моря, и даже за границей немного. А вот снова в Сибирь вернулся. Потянуло. Видимо, здесь моё место.

Мы прошли арку и вышли на площадь. Гранитный борец на фоне Дворца спорта стоял во весь рост на пьедестале-колонне и смотрел на нас.

— Вас, я вижу, тоже жизнь по городам-весям покатала,— продолжал говорить чистильщик.

— Да, покатала-помотала,— согласился я.

— Глядя на вас, не скажешь, что вы несчастны,— сбавил шаг чистильщик и показал на небольшой павильончик за проезжей частью, слева от памятника.— Нам сюда. Вот моя будочка.

— Ну а я несчастным никогда и не был...— попробовал убедить его я.— Не чувствовал себя и одиноким никогда. Вот и сейчас, кажется, влюбился...

— Влюбились или кажется? — спросил чистильщик, когда мы подошли к двери павильончика.

— Думаю, что влюбился...

— Подумать, конечно, стоит,— чистильщик открыл дверь, кивком предлагая мне войти.— Особенно стоит задуматься, когда женщина сама выбирает вас... Как бы ненавязчиво берёт за руку проходящего мимо мужчину и увлекает в танец...

Я остановился в растерянности. Нет, я даже оцепенел, словно меня облили холодной водой. Откуда он, чистильщик, мог знать, как я познакомился с Адой?

Но оцепенение длилось недолго. Память вернула меня на двадцать четыре года назад, к первой встрече с ним, и удивление ушло.

Я шагнул через порог.

Нынешнее рабочее место чистильщика было гораздо просторнее того, что я видел двадцать четыре года назад. Стол, электрочайник, кружки и блюдца, стул, небольшой диван, шкаф и две подставки для чистки обуви. У входа на стене висело большое круглое зеркало. Чистильщик снял плащ и повесил его на один из набитых в ряд гвоздей возле зеркала. В окно размером примерно два метра в длину и полтора в высоту смотрели молодые тополя, высаженные вдоль всей проезжей части. Ветки одного дерева касались стекла, стучались листьями в окно, словно просили разрешения войти.

— Может, чаю? — спросил чистильщик, когда я остановился у зеркала.

Он прошёл вперёд и встал у стола.

— Нет-нет, спасибо, — отказался я. — Мне ещё цветов купить надо, в магазин зайти. Для чая времени не остаётся.

— Ну, тогда к делу, — сказал чистильщик. — По нынешним расценкам — десять рублей за чистку брюк и десять за чистку обуви. Вас устраивает?

— По нынешним расценкам что-то уж совсем мало... — удивился было я, но тут же осёкся, осознавая, с кем имею дело.

— Если считаете, что мало, можете заплатить по своему усмотрению, — улыбнулся хозяин павильона.

Я подошёл к подставке и поставил на неё правую ногу.

Чистильщик кивнул. Через несколько секунд в руках его оказался прибор, напоминающий электробритву. Прибор зажужжал, потом загрохотал, а когда коснулся гачи моих брюк, запел.

— Техника усовершенствуется, — пояснил чистильщик.

Прибор забегал по моим брюкам от щиколотки к колену и обратно, массируя ногу, и я почувствовал, как расслабляется моё тело, как уходит с него тяжесть. Прибор для чистки брюк словно забирал накопленное мною напряжение. Когда на подставку

ступила моя вторая нога, я ощутил такую лёгкость, что готов был приподняться над полом и взлететь к потолку.

— Это чудо-прибор,— говорил чистильщик, не поднимая глаз и не отрываясь от своей работы.— Он и от дурных мыслей очищает, оставляет только хорошие.

Я не понял, шутил он или нет, но почувствовал, что в голове моей стало вдруг так ясно, будто какая-то тяжесть, доселе мною не ощущавшаяся, упала с меня.

— Ну вот и закончили чистку ваших модно-дорогих брюк,— услышал я как будто из потустороннего мира голос чистильщика.— Сейчас возьмёмся за туфли. Они тоже, видимо, итальянские?

— Да, и костюм, и туфли, и даже носки я купил в Италии,— подтвердил догадку чистильщика я и не узнал своего голоса.

Я понимал, что слова эти произносились мною, но они доносились до меня будто бы со стороны. Словно это сказал за окном тополь, стучавшийся ветками в стекло.

Чистильщик что-то говорил, втирая крем в мои туфли, я слышал его голос, но уже совсем не воспринимал смысл сказанного им. Слова будто то падали на меня с потолка, то летели от двери, то вылетали из-под стола, а то, казалось, из электрочайника.

— Ну вот и всё,— сказал вдруг чётко и отрывисто чистильщик, встав передо мною во весь рост.— Чистка закончена, теперь можно новую жизнь начинать. Как с чистого листа.

Он смотрел мне прямо в глаза, не мигая, так же, как и двадцать четыре года назад. А я смотрел на него, уже полностью потеряв ориентир, не понимая, где я нахожусь. Он предстал вдруг передо мной совсем помолодевшим — сорокалетним, в белой рубашке и чёрных брюках. Интерьер его комнатки вмиг переменился, и сама комнатка сжалась до размеров той будки чистильщика, в которой я был два с лишним десятилетия назад. Ещё мгновение, и я...

Я вдруг представил себя отброшенным назад, в двадцатое столетие, в первый день июня, за которым ещё двадцать лет и семь месяцев до третьего тысячелетия. Сейчас вот я выйду в эту дверь и увижу дом с палисадником и цветущей сиренью, чистильщик мне

укажет путь, и я пойду к девушке по имени Рая, ожидающей меня на скамеечке у ворот. Я увижу её, но не дойду ни до ворот Раи, ни до скамейки, где сидит она. Я увижу её, но не окликну, а поверну назад, за угол палисадника, и уйду не оглядываясь. А потом буду сидеть на скамеечке с застенчивой девушкой Вестой в районе госбанка, во дворе дома, где прошли мои детство и юность.

Я отчётливо услышал женский голос, назвавший меня по имени. Знакомый, очень знакомый... Голос назвал меня ещё раз по имени и добавил: «Иди, иди же...» И я узнал его. Это был голос Весты.

Я оглянулся и вышел из оцепенения. Оторвался от взгляда чистильщика, и время вернуло меня на прежний круг. Чистильщик помудрел на двадцать четыре года, комнатка раздвинулась: появились стол, чайник, зеркало у входа, окно, в которое стучал ветками и листьями молодой тополь.

— Ну что, я свою работу сделал,— окончательно вернул меня в настоящее чистильщик.— Будем прощаться с вами. Кто знает, когда теперь увидимся? Может, снова через двадцать с лишним лет, а может, если повезёт, то и через тридцать, а то, кто его знает, может, даже через сорок.

— Да, да, да...— забормотал я, понимая, что действительно пора уходить.

Я достал из бумажника сторублёвую бумажку, протянул чистильщику.

— Достаточно за работу?

— Вполне,— улыбнулся он, взял деньги и положил на стол рядом с чайником.— Вы — щедрый человек...

Лицо его снова засветилось добродушной улыбкой. Он кивнул мне на выход.

— До свидания,— сказал я и пошёл к двери.

— До свидания,— сказал он мне вслед.

Перед тем как выйти, я остановился и оглянулся. Чистильщик был уже в белом плаще и смотрел на меня просто, даже дружески.

— До свидания! — повторил он, снова улыбнувшись, и добавил: — Сделайте правильный выбор.

Я кивнул и вышел. Борец вольного стиля продолжал стоять на своём постаменте, мимо пронесли несколько иномарок. Я пошёл по пешеходной асфальтовой дорожке под арку, к лестнице. Поднялся на мост. Прямо над аркой была автобусная остановка, я вышел к ней и оглянулся. Бронзовый борец смотрел прямо на меня, мимо площади проезжали иномарки, уходя на дорогу за Дворцом спорта. Вдоль дороги стояли зелёные молодые тополя, помахивая ветками и листьями. Они стояли плотной стеной, как лесопосадки вдоль железной дороги, и я не смог разглядеть павильона чистильщика.

Асфальтовая дорожка была видна отчётливо, павильона не было видно.

Если я и удивился тогда, то не очень. Был вообще павильон или нет? Был ли чистильщик, и заходил ли я к нему? А может быть, всё это только игра моего воображения? Ведь и тогда, двадцать четыре года назад, я шёл на свидание к Рае перевозбуждённым от чувств и встретил его, чистильщика обуви и одежды, и теперь, думая только об Аде и больше ни о чём, снова вышел к нему. Может, и нет в реальности никакого чистильщика, и живёт он только в моём сознании? А как же тогда начищенная до блеска обувь?

Я глянул на свои туфли: они были начищены так, как никогда ещё.

А как же голос, зовущий меня по имени? Чей же голос? Весты или не Весты?

Подошёл автобус № 80. Раскрывшиеся предо мной двери его предлагали войти. И я вошёл. Автобус быстро преодолел Абаканскую протоку и остановился у касс «Аэрофлота». Передо мною расстилалась улица имени героя войны Александра Матросова, слева располагался подземный переход, ведущий к домам по другой стороне улицы, а за домами — нужная мне улица Кольцевая и нужный мне девятиэтажный дом, где ждала меня Ада.

«Она же меня ждёт, а я ещё не купил ни цветов, ни шампанского!»

Я встрепенулся, оглянулся и пошёл на зов яркой вывески супермаркета рядом с кассами «Аэрофлота». Встреча с

чистильщиком почти что выветрилась из моей головы, и мысли опять стала заполнять Ада. Предвкушение встречи с ней снова наполняло восторгом грудь. Я почувствовал, что улыбаюсь и снова лечу. Я стал замечать идущих мне навстречу людей с улыбками на лицах. Я вспомнил о билетах на футбол и воспарил ещё выше.

Я промчался мимо касс «Аэрофлота» по направлению к дверям супермаркета, но на ступеньках небольшой лестницы, метрах в пятнадцати от магазина, споткнулся и невольно остановился. Я удержался на ногах, попросил прощения у спускающейся по ступенькам пожилой парочки, несколько испуганной моей остановкой на лестнице. Пожилые люди в такт друг другу, глядя на меня, покачали головами («Осторожнее надо. Зачем же так спешить, не глядя под ноги?»). Я улыбнулся в ответ, соглашаясь с ними. Парочка пошла дальше, а я, собравшись снова взлететь, вдруг увидел Аду. Она выходила из магазина, как всегда красивая и неотразимая: в чёрном пиджачке с отливом и в чёрной, чуть ниже колена, юбке. Впереди она катила тележку, гружённую пакетами. За ней шёл пожилой мужчина с проседью и в белом плаще. Издали он был похож на чистильщика, но я присмотрелся и понял, что это не он. Мужчина показал рукой на чёрный автомобиль марки «Volvo», и Ада покатила тележку к машине.

Нет, я ни на секунду не допустил до себя даже мысли о ревности. Ада готовится к встрече со мной, пошла за продуктами, встретила знакомого или соседа, и тот решил помочь ей довести покупки до дому. Что в этом такого? Было бы странно, если бы у такой красивой, общительной женщины не было друзей среди мужчин и даже поклонников. Конечно же, были и будут, и с этим надо смириться и принять раз и навсегда.

Мне захотелось окликнуть Аду, подойти помочь сложить пакеты в багажник, но я по-прежнему был без цветов, без конфет, без шампанского. Появиться перед ней с пустыми руками я не мог. Поэтому повернулся и быстро спустился вниз по ступенькам. Надо пойти в другой магазин, а она пусть ждёт меня дома, как мы и условились. Обогнав пожилую парочку, я проскочил мимо касс

«Аэрофлота», мимо подземного перехода и пошёл вдоль улицы Матросова. Я шёл по правой стороне улицы, и мне почему-то не попадалось ни одного продовольственного магазина. «Обувь», «Одежда», «Хозтовары», две аптеки. Я пересёк улицу Семафорную, потом ещё одну — 60 лет Октября, зашёл в павильон, не отличающийся разнообразным ассортиментом, и, пройдя под железнодорожным мостом, вышел в район новостроек. Несколько красочных девятиэтажек стояли в ряд одна за другой. Я не сомневался: в одной из них есть если не супермаркет, то хотя бы приличный продовольственный магазин. До условленной встречи с Адой оставалось пятнадцать минут. Может, позвонить и сказать, что я попал в автомобильный затор? Нет, не стоит начинать наши отношения с обмана. А что сказать? Про чистильщика, про билеты на футбол или про то, что видел её у супермаркета? Складывалась какая-то нелепая ситуация. Я опаздывал на свидание и в этом опоздании был виноват и в то же время не виноват. Зачем я пошёл по Матросова? Не лучше было бы перейти по подземному переходу в район Предмостной площади? Там полно всяких магазинов. Вернуться назад? Надо вернуться. Ведь всё равно нужно идти к подземному переходу и в район Предмостной площади. Там дом Ады. Там она меня ждёт.

Недалеко от одного из домов, возле детской площадки, видимо, закладывалась новая аллея. Были высажены молодые деревца, выложена широкая пешеходная дорожка из брусчатки, по обе стороны которой стояли несколько новых скамеек. Я присел на одну из них. Время убистряло ход. До намеченной встречи с Адой оставалось десять минут. Я уже чисто физически не мог дойти до её дома во время. Даже если бы поехал на такси без цветов и без шампанского. Я почувствовал, что вспотел. Рубашка прилипла к спине. Я полез в карман пиджака за носовым платочком, чтобы вытереть испарину со лба. Рука наткнулась на мобильный телефон, и я с ужасом подумал о том, что если Ада позвонит, то я не найду что ей ответить. Телефон же словно уловил мои мысли, заиграв «Вальс цветов» Чайковского, и на экране появилась

фотография улыбающейся мне Ады. Мне нужно было только нажать кнопку с нарисованным телефоном и сказать: «Да». Звучал «Вальс цветов», улыбалась с фотографии Ада, мигала зелёной подсветкой кнопка с нарисованным телефоном, призывая нажать на неё, и мой большой палец правой руки висел в сантиметре над ней. Я понимал, что в эту минуту, в эти секунды решалась моя судьба. Если я нажму кнопку телефона, то дальнейшая моя жизнь пойдёт по сценарию, в котором будет Ада. Надолго или нет, но она будет в моей жизни. Ведь этого же я и хотел, к этому стремился изо всех сил ещё каких-то полчаса назад. А что, если не нажму я на кнопку телефона, что, если не отвечу,— неужели её больше не будет со мной и жизнь моя пойдёт по-другому? Снова в поисках любви? Но чем же нехороша Ада? Да всем хороша! Надо, надо ответить. Пока я решался, «Вальс цветов» умолк, и фотография Ады пропала с экрана. Телефон замолчал. Может, перезвонить? Сослаться всё-таки на то, что был в автобусе и не услышал её звонка? А как же цветы, шампанское? Но их ещё можно купить. Ещё не всё потеряно. Ещё не поздно. Ведь можно опоздать на свидание и извиниться. Я был уверен, что если сделаю так, то Ада меня поймёт. Даже не обидится. Мы же взрослые люди, кое-что уже повидавшие в жизни. Надо позвонить, предупредить, что приду чуть позже.

По брусчатке мимо меня прошли два парня с рюкзаками за спиной, проехал велосипедист, возле соседней скамейки остановилась женщина с детской коляской, постояв немного, присела. А я всё не решался набрать номер телефона Ады. Прошло пятнадцать минут с условленного времени. Пятнадцать минут назад я должен был быть у Ады, и если бы это сделал, то уже сидел бы с нею за столом или на диване перед телевизором. Но я сидел на скамейке примерно километрах в трёх от её дома и размышлял. Я не решался позвонить и боялся, что снова позвонит она. Надо позвонить мне. Но не посчитает ли она меня странным, когда я начну объяснять ей, почему опоздал? Да, Ада вполне может посчитать меня сегодня за странного человека, а завтра начнёт

присматриваться, потом держать дистанцию... А что делать? Не звонить совсем? Но и это странно. Добивался, назначал свидание, добился — и не пришёл.

Время шло, торопилось, бежало, а я всё думал и размышлял. Я понимал, что сам загнал себя в ситуацию, из которой уже не выберусь без моральных потерь и подрыва собственного авторитета. Мною всё больше овладевала мысль, что с Адой придётся расстаться. Я положил телефон в карман, решив, что если она позвонит, то отвечу и скажу всё как есть, а если не позвонит...

А если не позвонит, то не судьба нам быть вместе.

Я собирался пойти обратным путём к подземному переходу на улице Матросова, но увидел идущую от девятиэтажки женщину в синем платье и решил, что нужно дождаться, когда она пройдёт мимо меня.

Женщина приближалась. Её красивая фигура, походка невольно привлекли моё внимание. Туфли на высоких каблуках, эффектный бант с левой стороны платья, красиво уложенная причёска русых волос. Я глядел на неё не отрываясь и, видимо, слишком откровенно, потому что, поравнявшись со мной, она остановилась. Я, почувствовав неловкость, встал.

— Ну вот, сегодня ещё утром вдруг подумала о тебе, сейчас вышла из дому и почему-то, сама не знаю, пошла в эту сторону, а тут ты сидишь. Как будто меня поджидаешь... — сказала женщина.

Я оглянулся на всякий случай. За мною никто не стоял.

— Вы... вы мне? — спросил я, почувствовав, как язык прилипает к нёбу.

— Вам... Тебе... Ты что, меня не узнал?

Передо мной стояла красавица, примерно сорокалетнего возраста, совершенно мне не знакомая, и говорила со мной как с давним приятелем.

— Вы... вы, наверное, обознались. Я вообще живу на левом берегу, а тут оказался случайно... Я про...

Она назвала меня по имени, оборвав на полуслове.

Голос её мне был знаком. Я уже слышал этот голос. И не один раз. Набравшись смелости, я глянул ей в глаза и тут же замер от новой неожиданности.

Веста!

— Да, это я,— сказала она и присела на скамейку.— Садись, поговорим.

Веста! Я не видел её лет, наверное, двенадцать. Как она изменилась, похорошела! Стала солидной дамой.

— А я уже три года живу здесь,— кивнула Веста на девятиэтажку,— в доме, построенном по ипотеке. От железной дороги. А работаю уже семь лет в управлении инженером входного контроля.

— Да? — я присел рядом.— А я работаю два года в железнодорожной газете.

— Я знаю. Я читаю твои статьи. К нам в управление каждую пятницу газету приносят.

— А что не позвонила в редакцию? Не сказала, что ты здесь?

— Поначалу, как увидела твою подпись в газете, хотела, но потом подумала...

— О чём подумала? — спросил я и почувствовал, что совершенно спокоен.

Мысли про свидание с Адой отошли на дальний план.

— А как ты думаешь: о чём? — спросила она, глядя мне в глаза, а потом, чуть отведя взгляд, продолжила: — Ты правильно думаешь о чём: о том, что у тебя семья и тебе не до меня...

Боже мой! Это Веста! Вот как только она отвела глаза, у меня сразу отпали сомнения. Веста. Та же самая Веста, которая называла меня всё время на «вы» и боялась встретить мой взгляд. Вот это точно она. Опять скромная и застенчивая.

Да, это была Веста, та самая Веста и в то же время уже не та. Повзрослевшая, может быть, такая же скромная, но уже точно не застенчивая.

Она снова посмотрела на меня, уже без тени смущения.

— Ну, давай рассказывай, как жил эти годы.

— А что рассказывать? Живу один, без любви и ласки. Любовь всё мимо проходит. Кажется, вот она идёт тебе навстречу, вот сейчас возьму её за руку, прижму к сердцу, а она раз — и мимо...

— Красиво говоришь, образно,— улыбнулась Веста.— Да, ты всегда умел привлечь к себе внимание. С детских лет помню: если ты во дворе рассказывал про кино, полдома выходили тебя послушать. Даже те, кто ходил с тобой на фильм, заслушивались. Вроде вместе были в клубе, сидели рядом, а половину того, что ты рассказывал, пропустили как будто. Некоторые потом ходили фильмы пересматривать и всё равно приходили разочарованные, не увидели того, что было в твоих рассказах. Решили потом в кино больше не ходить, а тебя отправить, а потом послушать.

— Да, помню, помню! — рассмеялся я, почувствовав прилив радости.

Радости от встречи с Вестой. Выходит, не я, а судьба вела меня сегодня по улице Матросова.

— Ну а теперь ты, Весточка, расскажи мне про своё житие-бытие. Как живёшь?

— Хорошо живу,— сказала она, лицо её стало серьёзным.— Жаловаться не на что. Квартира хорошая, работа хорошая... Жизнь хорошая!

— Ну а любовь? — осмелился задать вопрос я и застыл в ожидании ответа, как замирают обвиняемые, прокуроры и адвокаты в ожидании приговора.

— Ну а любовь,— вздохнула она,— любовь у меня даже не мимо, а вообще на горизонте не появляется. Жди не жди — не идёт, не торопится.

— Неужели одна живёшь?

— Нет, не одна,— сказала Веста, ещё раз вздохнув, и я приготовился услышать: с другом, с сыном, с дочерью.

Меня не удивил бы ни один из предполагаемых мною вариантов её ответа.

— С мамой,— произнесла она, дождавшись, когда пот выступит у меня на лбу.— Мама сейчас уехала на недельку в город

нашего с тобой детства, сестру навестить, так что два последних дня я живу одна.

У меня отлегло от сердца.

Третий день третьего месяца лета и третий год третьего тысячелетия были в самом разгаре. Лето заходило на последний круг, новое тысячелетие брало разбег, и судьба моя делала новый жизненный оборот.

Где-то далеко, почти за пять сотен километров от Енисейграда, жила женщина по имени Рая. Может быть, в окружении мужа и детей, а может, одна или вместе с пожилыми родителями, в большом доме с палисадником и сиренью под окном. Жила, не думая, а скорее всего, уже не помня обо мне.

А в этом городе, за три тысячи шагов отсюда, из окна квартиры на девятом этаже время от времени выглядывала женщина по имени Ада. Может, ещё ожидающая, а может, уже и ждавшая меня.

Где-то на просторах Земли жил, а может, не жил, а лишь изредка появлялся из другого измерения мужчина, называвший себя чистильщиком и избравший меня своим постоянным клиентом в числе сотен, а может, даже тысяч таких, как я, людей.

А я в это время шёл под руку с прекраснейшей в мире женщиной по имени Веста, которую, я был уверен теперь, любил всегда.

И напрасно звонил на полную громкость мой мобильный телефон, призывая меня отвлечься от неё и вернуться в прошлое. Я не достал его из кармана и не нажал зелёную кнопку для ответа.

Июнь 2013 – ноябрь 2016

ПЯТЬДЕСЯТ НОЯБРЕЙ

Из цикла «Искринки памяти»

Красноярск. Четвёртое ноября 2017 года, суббота. Снежок, лёгкий морозец...

С утра тороплюсь на книжную ярмарку. Еду автобусом двадцать седьмого маршрута по улице Мичурина, через Октябрьский мост над Енисеем, к выставочному центру «Сибирь». На улице Авиаторов иду к шестиэтажному зданию. Невысокое крыльцо, стеклянная вертушка, холл, правый павильон, стенд Н-5. На столиках разложены литературные журналы и антологии, на полочках стоят книги.

Десять часов утра. Участники ярмарки ещё лениво рассаживаются за столы, раскладывают и перекладывают книги, а в проходах уже появляются потенциальные покупатели. Сегодня третий день продаж, середина ярмарки и первый из предстоящей череды нерабочий день для трудящихся страны. Народу ожидается много. Здравуюсь с подошедшими коллегами-литераторами.

— Как торговля?

— Нормально, больше смотрят, чем покупают.

— Ну, так и должно быть. У нас то же самое. Ярмарка...

— Ярмарка... — соглашаюсь я.

А народ всё прибывает. Некоторые останавливаются и у наших столиков, неторопливо листают журналы. Смотрю молча — не мешаю. Седовласый мужчина в очках отрывает взгляд от страницы, смотрит на меня. Видимо, узнал по авторской фотографии в журнале. Самое время вступить в разговор: объяснить, рассказать о нашем издании. Я рассказываю, поясняю. Завязывается диалог. Несколько человек подходят ближе, прислушиваются. У второго столика остановилась девушка в вязаной кофточке и джинсах. Понимаю, что нужно усилить её внимание хотя бы комментарием, но разговор с женщиной ещё не окончен. На помощь приходят соратники-авторы. Двое из них, только появившись у стенда, окружают девушку своим вниманием, третий наливает воду в электрочайник.

Мужчина уходит с последним номером журнала, девушка, сославшись на то, что ей надо сначала всё посмотреть, а потом уже решить, что купить, направляется дальше по проходу — к другим стендам. Соратники садятся пить чай. День начался.

К столикам подходят новые любители чтения и просто любопытные.

Я тоже наливаю в пластиковый стаканчик кипятку, опускаю чайный пакетик.

Суббота, четвёртое ноября. С утра, торопясь, как-то не подумал, а вот сейчас вспомнил, что четвёртое ноября — один из памятных дней моей жизни. Не всегда, не каждый год, но всё же вспоминается мне день четвёртого ноября 1967 года. Тогда тоже была суббота. Пятьдесят лет назад...

Уже ПЯТЬДЕСЯТ!

С нашим литературным журналом я участвую в книжных ярмарках в десятый раз. И каждый раз, когда утром прихожу к нашему стенду, кажется, что никуда отсюда не уходил, и новый день, и новая ярмарка каждого года — как продолжение дня прошлого, позапрошлого, пятилетней, семилетней давности.

Вот так у меня и с днём четвёртого ноября 1967 года. Когда наступает эта дата, я будто снова возвращаюсь на годы назад. Десять, пятнадцать, тридцать четыре — и вот пятьдесят...

День четвёртого ноября каждого года для меня — продолжение и начало одного бесконечного дня. Вот мне сорок девять... вот тридцать четыре... вот двадцать пять...

А на календаре всё то же — четвёртое ноября 1967 года. На улице кружит снежок, жжёт лёгкий морозец...

Пятьдесят лет назад мне было девять лет, я учился в третьем классе начальной железнодорожной школы номер сорок пять станции Тайшет и мечтал стать лётчиком-истребителем. На радость нам, четвёртого ноября на втором уроке учительница раздала всем табели успеваемости, объявила об окончании первой четверти и отпустила на каникулы до десятого ноября.

Мы жили метрах в трёхстах от школы, в большом (как казалось мне тогда) тринадцатиквартирном доме, и это расстояние я не пробежал — пролетел со скоростью стрижа.

«Ура! Ка-ни-ку-лы!!!»

Моя сестрёнка-первоклашка Ольга уже была дома и и не без удовольствия показывала свой табель отцу и бабушке.

— Ольга у нас ударница! — с гордостью сказала мне бабушка, помогая переодеть носки младшей сестре Лене.

— И я ударник! У меня ни одной тройки нет! — ещё радостнее закричал я, доставая из ранца-портфеля свой табель.

— Ну и молодцы, ударники! — похвалила нас бабушка. — Сейчас вот мать придёт, будем пельмени есть. Утром за ней приходили: вызвали в контору строительства. Наверное, насчёт демонстрации седьмого ноября.

Я с радостью подумал о предстоящей через три дня демонстрации. За нашей школой закрепили «Аврору» (автомобиль ГАЗ с надстроенными кормой, носом, трубами и даже пушкой), и за ней мы должны были идти всей нашей небольшой начальной школой. Мы гордились «Авророй», потому что у других городских школ были только «броневики», но всё же завидовали средней железнодорожной школе, учителя и отличники которой прибывали на митинг к перрону станции на бронепоезде «Варяг», украшенном стягами и красным знаменем. Всё дело было в шефах. Нашу школу опекал ремонтно-механический завод, а среднюю — локомотивное депо. Остальным школам помогали две автобазы и стройуправление. Стройуправленцы со своими подшефными вообще шли стройными рядами со стягами и транспарантами, не используя никакой передвижной техники и изображая революционные массы: солдат, матросов, красногвардейцев с красными бантами и лентами.

Пока я показывал отцу свой табель и думал о предстоящей демонстрации, напротив окон нашей квартиры остановился грузовик. Мы с сестрой бросились к окну, но добежать до него не успели, потому что в дверях показалась сияющая мать, в правой поднятой руке у неё была связка ключей.

— Нам дали квартиру! Благоустроенную! В новом доме! Переезжаем!

Лицо матери светилось от счастья.

— Когда? — спросила бабушка, уже стоявшая у плиты и готовая варить пельмени.

— Сегодня! Сейчас! Машину выделили!

— Ура! — закричали мы с сестрой и запрыгали, прихлопывая в ладоши.— Мы переезжаем в новую квартиру! Ура!

В доме началась радостная суматоха. Про пельмени забыли. Бабушка и мать стали доставать из шифоньера и шкафов одежду и связывать её в большие узлы. Отец выдвинул на середину стол. Сестрёнка стала складывать ложки, вилки и ножи в коробку из-под обуви, а я бросился к своей деревянной лошадке. Лошадку на колёсах мне купили на день рождения, когда мне исполнилось четыре года. С тех пор она пережила два переезда и несколько мест хранения. Бока её были потёрты, одно деревянное колёсико треснуло и уже не крутилось. Мать и бабушка несколько раз хотели выбросить лошадку, но я не давал и хранил её за диваном, на котором спал.

— Сергей, беги за дядей Игорем. Шифоньер без него не погрузим,— остановил меня отец.

— Мою лошадку не забудьте! — крикнул я, уже одеваясь.

— Да не забудем. Сам ещё её успеешь унести,— сказал отец.— Давай побыстрее. Машина ждёт.

Вместе с нами жила одна наша бабушка. «Мамина мама»,— говорила о ней иногда моя сестра Ольга. А я в тот день мчался по улице Партизанской к дому второй бабушки и деда («папиной маме» и «папиному папе»), где жил и брат отца — дядя Игорь. Вообще-то я никогда не звал его дядей и обращался к нему по имени.

Игорь, как и отец, работал в пункте технического осмотра вагонов, слесарем по ремонту подвижного состава.

Мне повезло: Игорь отбрасывал снег от ворот дома, расширяя пешеходную дорожку. Он не сразу понял, что от него требуется. Я рассказывал ему о нашем переезде эмоционально и сбивчиво.

— Стоп, стоп, стоп! — остановил меня дядька. — Я правильно понял: вы переезжаете и нужна моя помощь?

— Да...

— Хорошо, — сказал Игорь, открывая мне ворота. — Пойдём в дом, мне надо переодеться.

Я первым вбежал в дом сообщить новость деду с бабушкой.

Бабушка возилась возле печки, а дед сидел в комнате за столом с развёрнутой газетой.

— Переезжаете? — спросил дед в ответ на моё радостное сообщение, снимая очки и отодвигая от себя газету. — А куда? В каком доме дают квартиру?

Я замер на месте. Я не знал, куда и в какой дом мы переезжаем. От всплеска радостных чувств после известия о переезде я ни о чём не мог уже думать, как только о новой квартире, и даже не спросил у матери, где будет наш новый дом.

— Вот так, едешь и не знаешь куда, — сказала, улыбаясь, мне бабушка. — Где теперь искать вас будем?

Дед поднялся из-за стола.

— Пойду и я к вам, пока не уехали в неведомом от нас направлении, узнаю, что и как.

Игорь собрался раньше деда, и мы с ним пошли вперёд.

В детстве расстояние от бывшего нашего дома до дома деда мне казалось огромным, но, как известно, по мере взросления человека горизонты раздвигаются, а расстояния сокращаются. Несколько позже, будучи уже старшеклассником, я проходил это расстояние неторопливой походкой за пятнадцать минут.

А в тот день, четвёртого ноября 1967 года, мы с дядей Игорем быстрым шагом дошли от точки «А» до точки «Б» минут за десять.

Круживший с утра и в обед лёгкий снежок перестал падать, и чувствовалось, что немного потеплело. Возле машины, готовые к погрузке, уже стояли два стола — общий кухонный и наш с сестрой письменный, посудный шкаф-буфет, табуретки и стулья. На столах лежали связанные тюки. Отец с водителем вытаскивали из дома шифоньер. Игорь бросился им помогать.

— Куда едете-то, Николай? — спросил он у брата. — А то Серёжка ничего нам не говорит. Скрывает, видно...

— Да на Спортивной дом сдают — пятиэтажный. На углу Гагарина, — объяснил отец. — На третьем этаже жить будем...

— Высоко! — улыбнулся Игорь.

Не прошло и получаса, как почти вся наша мебель, включая диван и разобранные железные кровати, разместилась в кузове бортового «газика».

Когда все вещи, готовые к перевозке, оказались на машине, подошёл дед.

— Давай, батя, в кабину, поедем с нами, квартиру новую посмотришь, — сказал ему отец.

Отец с дядькой забрались в кузов — придержать шифоньер. Я с лошадкой в руках хотел было полезть следом, но отец остановил:

— Куда? Замёрзнешь здесь. Иди в кабину, если шофёр разрешит.

Я подошёл к открытой кабине, где рядом с водителем сидели дед и мать.

— Ну, что встал? — спросил меня водитель. — Залазь уж...

Я сел к матери на колени, а на своих коленках пристроил лошадку.

— Показывай, Валентина, шофёру, куда ехать! — крикнул нам весело из кузова Игорь.

— Да я дорогу знаю, — сказал шофёр по имени Володя, молодой, примерно лет двадцати пяти, парень. — Я сам к этому дому и шифер, и цемент всё лето возил.

Бабушка и Ольга провожали нас, стоя у калитки. Они оставались с младшей сестрёнкой Леной ждать нашего возвращения.

«Газик» поехал по улице Терешковой, свернул возле поликлиники на Гагарина и привёз нас к новому дому из красного кирпича, гордо возвышающемуся над мрачными чёрными деревянными бараками, построенными три десятка лет назад для спецпереселенцев.

Целый год ходил я с друзьями мимо огороженной забором стройки смотреть кино в клуб стройучастка и видел, как росли, поднимались этажи, но не мог и подумать, что буду жить в этом доме! В первой пятиэтажке в городе!

Мы ещё спорили с пацанами, строили догадки, сколько будет этажей. Три? Нет, вот четвёртый начали... Что, ещё выше? Неужели — пять? А может, больше — шесть или восемь? Но нет — уже крышу делают... Всё-таки — пять.

Наша машина остановилась у второго подъезда. Возле других подъездов суетились новосёлы, разгружали и заносили мебель.

Водитель Володя открыл задний борт «газика».

— Ну что, разгружаем? — сказал вопросительно он, кивнув на кузов, гружённый нашими вещами.

Дед остался возле машины — охранять наши вещи, а я, пока отец с Игорем, при помощи водителя Володи, поднимали шифоньер по лестнице, забежал на третий этаж и остановился возле квартиры с номером двадцать три.

— Я первый зайду, я первый! — кричал я матери, идущей за мной следом, подпрыгивая от нетерпения и прижимая к себе лошадку.

Мой восторг усилился и достиг своего зенита, когда дверь квартиры открылась и я вбежал сначала в прихожую, потом на кухню, затем обследовал одну комнату, другую, обнаружив небольшую кладовку, соединяющую обе комнаты.

Одно открытие за другим ждали меня в нашей новой квартире.

Батареи водяного отопления, водопроводный кран, ванная, балкон. Всё это удивляло меня, но больше всего поразил титан. Чёрный, круглый, вытянутый бак с маленькой топкой у пола и дымоходной трубой, уходящей в стену, у потолка.

Как я узнал потом, титан заполнялся холодной водой. Его нужно было растапливать маленькими короткими полешками. Когда вода нагревалась, можно было принимать ванну или стирать. Горячую воду в то время в благоустроенные дома нашего города ещё не подводили. Не было в нашем доме и электропечи. Вместо неё несколько лет стояла обыкновенная, привычная нам по старому дому кирпичная печка, с общими дымоходами со второго по пятый этажи. Она, конечно, давала какое-то тепло, но больше была предназначена не для обогрева квартиры, а для приготовления пищи. Поэтому жители нашего дома запасались дровами и углём.

И ещё одна особенность была у нашего дома. Первый этаж не предназначался под жилые квартиры. С одного торца располагалась парикмахерская, а с другого — кафетерий, куда мы, дети, часто бегали потом пить соки и газировку, покупали там пирожные и разную выпечку. Любили кафетерий и некоторые взрослые — там продавали вино на розлив. Но большую часть первого этажа всё-таки занимали два магазина — продуктовый и промтоварный, а также ателье мод под названием «Элегант». В ателье был большой пошивочный цех, и позже почти все подростки нашего дома ходили с родителями заказывать себе модные по тем временам брюки-клёш.

Но это было позже, через два или даже три года, когда все жители нашего дома уже знали друг друга по именам и фамилиям. Знали, кто в какой квартире, на каком этаже и в каком подъезде живёт. Кто где и кем работает. Много потом случилось разных историй с жителями нашей пятиэтажки — весёлых и грустных, печальных и даже скорбных, но всё это было потом, а тогда, в день четвёртого ноября 1967 года, в день, запомнившийся мне на всю жизнь, я был счастлив.

В тот день мы переехали в новый дом, в новую благоустроенную квартиру. Перевезли и перенесли всё наше имущество из квартиры старой. Поставили шифоньер, диван, столы, собрали во второй комнате-спальне большую бабушкину кровать. Целый день все мы были на ногах, но никто не чувствовал усталости. Отец к тому же ещё пошёл вечером на работу — во вторую смену, а мы с матерью, бабушкой и сёстрами раскладывали вещи и расставляли посуду на полки и в шкафы. Все вещи за один день разобрать не смогли, и несколько тюков так и остались не развязанными.

Уже ближе к полуночи бабушка с младшей сестрой Леной пошли спать на большую кровать. Мать расстелила два матраса на полу и легла с сестрой Ольгой в зале, недалеко от батареи и не развязанных тюков. Я хотел тоже пристроиться спать на полу, но мать отправила меня на неразборный диван с валиками, на котором я спал в старой квартире и который считался моим.

Я долго не мог уснуть. Чувство восторга всё клокотало и клокотало во мне. В предчувствии нового и хорошего будущего я

наконец заснул абсолютно счастливым и видел во сне синее небо и белые облака, наш новый дом и себя за штурвалом самолёта.

Ощущение счастья и предчувствие хорошего продолжались у меня и всех нас и на второй день, и на третий, и в день седьмого ноября, когда мы шли по заснеженным улицам города за крейсером «Аврора» и кричали «Ура!» приветствующим нас «красногвардейцам» и «красноармейцам». Мы кричали «Ура!» и «Да здравствует пятидесятая годовщина Октябрьской социалистической революции!» прибывающему к первому пути вокзала бронепоезду «Варяг».

Город тонул в красных стягах и транспарантах. Несмотря на морозец, по улицам ходили улыбающиеся, счастливые люди и поздравляли друг друга с праздником.

Это было пятьдесят ноябрёй назад. Мне было тогда девять лет, моей матери — двадцать девять, отцу — сорок два года, деду в тот год исполнилось семьдесят лет, а дяде Игорю — двадцать восемь.

Книжная ярмарка заканчивалась шестого ноября 2017 года, в понедельник. В стране этот день объявили нерабочим. Несмотря на это, пришли на ярмарку немногие. Некоторые из участников ещё вчера закончили свою работу, и их стенды пустовали.

После пятнадцати часов мы с коллегами тоже собрали книги и журналы и направились к выходу.

Отшумела очередная Красноярская ярмарка книжной культуры. Очередной ноябрь набирал ход. Заканчивалась его первая неделя.

А седьмой день ноября 2017 года не был красным днём календаря, он был обыкновенным рабочим днём. Не подъезжали к перрону в больших городах и маленьких станциях бронепоезда, не ходили по улицам «Авроры» и «броневики», не трепетали на ветру в большом количестве флаги и красные стяги. Страна уже четверть века не отмечала очередную годовщину Октябрьской революции. И погода, как бы подстраиваясь под новые веяния, уже много лет в этот день не жгла хорощим морозцем и не баловала обильным снежком.

Но некоторые люди всё же приносили красные флаги в день седьмого ноября 2017 года в городах России к памятникам вождю миро-

вого пролетариата. Энтузиасты вскрывали капсулы-послания молодёжи 2017-го из года 1967-го. Пятьдесят лет назад во многих городах на проходных крупных заводов, в городских мемориалах и скверах комсомольцы шестидесятых годов двадцатого века оставляли письма своим потомкам с наказом любить Родину. Молодёжь середины двадцатого века верила, что люди с планеты Земля в 2017-м будут летать к далёким планетам и строить города на Луне и Марсе.

Их смелые пророчества не осуществились. Жители планеты Земля второго десятилетия двадцать первого века редко теперь смотрят на звёзды. Молодые и люди среднего возраста чаще сидят у мониторов компьютеров или постоянно вглядываются в экраны своих смартфонов и айфонов. Многие из россиян мечтают о богатстве, крупногабаритных квартирах, дорогих автомобилях иностранного производства. Им не нужны звёзды и пыльные дороги далёких планет. А некоторые вообще предпочитают виртуальный мир миру реальному, они совершают свои «подвиги» и делают «открытия» внутри компьютерных программ. У них нет ни малейшего желания отправить послание тем, кто будет жить через пятьдесят нояблей. В далёком от нас 2067 году. Они даже и не думают об этом.

— А какой смысл? — сказал мне один семнадцатилетний паренёк, когда мы заговорили с ним об этом. — Через пятьдесят лет люди будут настолько продвинуты, что о нас, тех, кто жил в две тысячи семнадцатом, и не вспомнят. И наши послания им покажутся наивными и смешными.

А всё же интересно: будут ли через пятьдесят лет люди жить на Луне и Марсе?

Я верю: об этом точно узнает нынешний девятилетний мальчик, который ходит по утрам в третий класс своей школы. Всё равно какой — городской или сельской. Может, московской, может, красноярской, может, тайшетской.

Он, как и я в его годы, весел, беззаботен и счастлив. Впереди у него ещё пятьдесят нояблей.

В ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Десятого августа — день твоего рождения. В этот год тебе исполнилось бы тридцать, но вот уже семь с половиной лет тебя нет с нами. Я давно не был на кладбище и в этот год, оказавшись по стечению обстоятельств в родном городе, не мог не задержаться на денёк-другой и не сходить на могилку в день твоего рождения. Со мной засобирался сын — девятилетний аккуратный мальчик, все эти годы воспитывающийся у бабушек и здорово соскучившийся по редко навещающемуся к родительскому гнезду отцу. Тебя он не помнит совсем, меня знает плохо — бывало, не видел по полтора-два года, но узнаёт сразу и по моём приезде не отходит от меня, то и дело повторяя: «Папа, папа». Мамой он зовёт одну из бабушек — мою мать.

— Папа, а можно, я сам для молодой мамы цветы выберу? — спрашивает он меня, когда мы приходим на цветочный рынок, и, получив согласие, деловито спрашивает цветочниц: — Белые розы есть?

Белых роз нет, и мы покупаем красные.

— Ты бывал уже на кладбище, Саша? — задаю я вопрос сыну.

— Был. С мамой один раз и один раз с бабой Шурой, — утвердительно кивает он. — Мы сажали цветы на могилке молодой мамы, а я нарисовал маму в красном платье и папу-моряка и положил под камушек, но портрет папы унёс ветер, а маму размыло дождём.

«О Господи! — задумываюсь я. — Меня действительно носит, словно ветром, по свету, а тебя омывает дождём, забрасывает снегом, мимо тебя бегут весёлые журчащие ручьи, и расцветают цветы на могилке...»

— Когда ты, папа, был моряком, то, проезжая мимо нашего города, увидел на вокзале молодую маму и влюбился в неё, — продолжает говорить сын, и я с интересом слушаю его.

Я никогда не служил на флоте и не ходил на катерах и баржах, но тебя я действительно встретил на вокзале. Ты поджидала поезд, на котором должен был приехать твой приятель, а я со своим приятелем пытался достучаться в двери закрытого ресторана.

Своего приятеля ты не дождалась, а я не достучался в ресторан и потерял своего товарища, но зато мы познакомились. Правда, вначале ты была не в восторге от нашей встречи и моё настойчивое желание познакомиться приняла насторожённо. Даже попыталась убежать. Я же, преследуя тебя, споткнулся в темноте обо что-то лежащее на асфальтовой дорожке, упал и разорвал гачу брюк. Это тебя здорово рассмешило. Так мы познакомились.

— Потом, папа, ты уплыл в море, а мама тебя ждала...

Мне никогда наяву не приходилось видеть море, всё больше путешествовал по большим городам, тайге да степным просторам, но я помню, как мы с тобой собирались к морю, однако этой поездке не суждено было осуществиться...

А фантазия у сына всё разыгрывается...

— Корабль, на котором ты плыл, попал в бурю, и его разбило о скалы, а тебя выбросило на остров. Когда буря затихла, ты, папа, построил себе лодку, вместо паруса натянул тельняшку и поплыл обратно, а когда доплыл до берега, мама встречала тебя с цветами.

— А что было потом?

— А потом мама вышла за тебя замуж.

...На кладбище тихо и малоллюдно. За годы моего отсутствия в родном городе последняя обитель для бранных людских тел заметно расширилась. То и дело на крестах, памятниках, тумбах я встречаю фотографии знакомых мне ранее людей. Вот одноклассник Володька Рубахин. Боже! Похоронен два года назад! А вот фронтовик дядя Степан. Всю жизнь он работал вахтёром на заводе, любил выпить и с каждой получки

угощал ребятешек дорогими конфетами. А это кто? Неужели первая красавица нашего двора Любка-морковка?! На фото её и не узнать. Все мальчишки-подростки нашего двора в своё время были влюблены в тебя — весёлую и ветреную. Царство тебе Небесное. Спи спокойно. Никто теперь не потревожит тебя...

Вот и твоя могилка. Позолоченная оградка видна изда-лека. Заходим. Ты внимательно смотришь на нас с фотографии — на возмужавшего мужа и подросшего сына. В первый раз мы вместе пришли к тебе. Ах, Лена, Лена, ты мелькнула в этой жизни вспыхнувшей яркой, но быстро сгоревшей звездой...

Сын аккуратно кладёт к памятнику цветы и внимательно рассматривает фотографию.

— Папа, а мама смеётся? — спрашивает он меня.— Баба Шура говорит, что да, а тётя Лариса — что нет, не смеётся...

— Улыбается,— говорю я.

— И я тёте Ларисе сказал, что улыбается. Разве мама не будет улыбаться мне?

...По пути домой сын рассказывает о том, как он ездил с дедом на рыбалку и поймал огро-о-омную, как он говорит, ры-бину.

— Как акула. Во какая! — сын разводит руки, как заправ-ский рыбак.

Я улыбаюсь и ничего не говорю.

«Боже! Куда еду? Зачем? Куда и кто или что тянет меня снова в дорогу? Подальше от родительского дома, от сына, от матери, от родных и знакомых, от дорогих моему сердцу улиц, двори-ков, могил? Куда?»

...На вокзал идут меня провожать мать с Сашей.

— Когда теперь приедешь? — спрашивает мать.

— Даже не знаю,— вздыхаю я.— На следующее лето, на-верное...

— А ты возьмёшь меня к себе в гости, папа? — задает вопрос сын. — Насовсем я не хочу уезжать от мамы, а в гости бы поехал. Возьмёшь?

— Возьму, Саша...

— Правда?

— Правда...

— Мама, папа на следующее лето возьмёт меня к себе в гости. Ты меня отпустишь?

— Отпущу,— невесело говорит мать, и на её глаза наворачиваются слёзы.

...Поезд медленно отходит от платформы, и мать с сыном машут мне вслед. Я киваю им из окна, грустно улыбаясь, и думаю о том, что хорошо, что сын не чувствует себя сиротой.

Пока не чувствует...

1990

В РАЙЦЕНТР И ОБРАТНО

Небольшой, красного цвета, всё ещё новый совхозный «Курганец» отправляется из деревни в сторону райцентра в половине восьмого. И летом, и зимой он всегда переполнен. Причём все сидячие места пассажиры занимают ещё в деревне, и когда автобус прибывает на центральную усадьбу, чтобы забрать желающих уехать в районный центр и оттуда, то желающие эти, как правило, весь более чем тридцатикилометровый путь совершают, стоя на ногах в салоне автобуса, придерживаясь за поручни или сиденья. Конечно же, «центральцы» ропщут на деревенских и просят шофёра сначала забирать их, а потом уже ехать в деревню, на что деревенские отвечают: мол, они не виноваты, что деревня их географически расположена от райцентра дальше, чем центральная усадьба. С ними солидарен и водитель, который говорит, что не намерен катать «централов» туда и сюда, потому как дорога из деревни в районный центр лежит через село, и он всегда выезжал и будет выезжать из гаража в семь утра, заезжать в деревню и, забрав там пассажиров, подъезжать к остановке у конторы совхоза к восьми часам.

Перепалка эта длится уже не первый год, но ни к каким изменениям в расписании движения совхозного автобуса не приводит. «Курганец» изо дня в день, за редким исключением по причине профилактического ремонта, катит по холмистой таёжной трассе на районный центр поутру и обратно после обеда.

В райцентр автобус прибывает в начале десятого. Основная масса пассажиров выходит возле центральной столовой, и сельчане разбегаются по своим делам: в районную администрацию, райсобес или сбербанк, по магазинам или на рынок. Те же, кто приезжает в центральную районную больницу, едут дальше — в другой конец села. Ну а кто собирается улететь самолётом до краевого центра, тот едет до конечной — до аэропорта. Впрочем, если даже в автобусе не остаётся никого, водитель всё равно подъезжает к аэропорту, ибо там его могут поджидать прибывшие утренним авиарейсом воздушные пассажиры.

Всем, кто приехал автобусом и собирается в этот же день вернуться обратно, на всё и про всё даётся четыре с небольшим часа. За это время каждый должен сделать в райцентре свои дела и к половине второго стоять как штык возле столовой, куда в это время подкатывает совхозный транспорт. Иначе рискуешь задержаться в районе на целые сутки: другой автотранспорт, кроме молоковозок, ни до центральной усадьбы, ни до деревни не ходит. Все это знают, как знают и о том, что шофёр Николай Николаевич ждаться никого не любит и не будет. А потому пассажиры ведут себя дисциплинированно и уже к часу — часу пятнадцати пополудни «оккупируют» столики в столовой и выглядывают в окна в ожидании «Курганца».

Некоторые не тратят времени попусту: успевают отобедать либо прихваченными с собой съестными припасами, купив только горячего чаю, либо, решив потратиться, покупают сочные и аппетитные, приготовленные в столовой манты и всегда свежие шаньги. Обычно битком наполняется столовая в зимнее время. Вот тогда-то манты идут нарасхват: их берут сразу по десять-двадцать штук, часть съедают на месте, а остальные складывают в полиэтиленовые мешочки и везут домой гостинец из райцентра для родных и близких. Во время такого наплыва едоков повара истряпухи не успевают выставлять на противни и в мантоварки свою продукцию, а потому очередную партию мантов или шанег приходится ждать. Зато горячего чаю в столовой всегда с лихвой. Его кипятят в двух огромных электрочанах и разливают, что называется, рекой. Чаем также запасаются впрок: наливают его в термосы и банки, а затем пьют дорогой. Летом — чтобы утолить жажду, зимой — чтобы согреться.

Чем ближе назначенное время, тем нетерпеливее собравшиеся. Встают, выглядывают в окна, хлопают дверьми, выходят посмотреть на улицу. Наконец, увидев в промёрзшее окно автобус, кто-то из ожидающих даёт команду:

— Выходи!

И пассажиры, спешно схватив сумки, мешки, рюкзаки и покупки, устремляются гурьбой к проёму столовской двери, опрокидывая по пути стулья, сдвигая столы и выталкивая обратно на улицу тех, кто пытается в это время зайти в здание столовой.

Толпа подбегает к автобусу, послушно выстраивается в очередь (по старшинству: от пенсионеров до пионеров) и ждёт, когда же Николай Николаевич отворит входную дверцу. Николай Николаевич же отворять дверцу не торопится. Он, любящий чистоту, аккуратность и несуетность, вначале подметает веником салон, а затем, даже открыв дверь, никого не запуская, выметает мусор под ноги пассажиров, и только потом, усевшись на первое сиденье, начинает запускать в автобус по одному. Рассчитывая пассажира, водитель указывает ему место, внимательно осматривает багаж, и если, на его взгляд, поклажа тянет на крупногабаритную, заставляет доплачивать.

Усадив старших по местам и выстроив молодёжь вдоль салона, водитель громко объявляет о том, чтобы в автобусе не курили, не распивали спиртные напитки и не отвлекали водителя разговорами.

— Иначе,— говорит он в заключение монолога,— высажу.

Все молча кивают и соглашаются. Знают, что Николай Николаевич своему слову хозяин и посадить может запросто посреди дороги любого, что уже неоднократно случалось.

— Правильно, Николай Николаевич,— говорят старушки, кивая.— Неча, неча в общественном транспорте хулиганить.

Николаем Николаевичем водителя зовут все — от мала до велика. В своё время Николаевич работал главным механиком в совхозе, но когда в хозяйстве появился свой маршрутный автобус, то он попросил директора посадить его за руль новенького «Курганца» и, несмотря на сопротивление руководителя, своего добился. Вначале, правда, беспорядки, хамство и пьянство новый водитель в автобусе терпел, а потом решил взяться за воспитание у пассажиров культуры и быстренько навёл порядок и железную, как уже было упомянуто, дисциплину. Тех же, кто его пытался по первости звать Колей или просто Николаем, он игнорировал

вплоть до того, что не здоровался с ними на улице или делал вид, что не замечает, и очень быстро охотников разговаривать с водителем маршрутного автобуса на «ты» вначале заметно поубавилось, а затем и совсем не стало.

После монолога водителя автобус наконец отправляется от райцентровской столовой. В салоне минут десять-пятнадцать стоит тишина.

Разговоры же начинаются после того, как автобус, миновав районный центр и проехав мимо залива, переваливает за горку. Первым обычно начинает задавать вопросы бывший председатель сельсовета, инвалид Иван Захарович. Вернувшись в сорок втором с фронта по ранению, он до конца шестидесятых был сельским головой.

— Ну что, Константиновна, попала к зубнику-то? — спрашивает Иван Захарович семидесятипятилетнюю бабу Нюру, всю жизнь проработавшую телятницей на колхозной ферме.

— Ой, попала, Захарыч, попала,— отвечает с готовностью та.— Только вот врачиха там какая-то новая, молодая, худенькая: сил у неё совсем нет. Тянула мне зуб, тянула — так половину и оставила. И укол ставила — всё одно не помогло. А до того там мужик работал, здоро-овый такой, ручищи — как совковая лопата. Он как возьмётся за клещи — пикнуть не сумеешь: раз — и нет твоего зуба.

— Да, врачи щас такие пошли,— вступает в разговор Панкратиха, тоже пенсионерка, но ещё работающая техничкой в конторе правления.— Мишку Кочергина лечили от радикулита, а он от воспаления лёгких помер.

— Да сейчас не только врачи — никто работать не хочет, все деньги только любят получать,— махнула рукой почтальонка из деревни, женщина предпенсионного возраста по имени Варвара.— Учителя учить ребятишек не думают, только деньги собирают с родителей. Заводы закрывают. Маслозавод наш совсем чуть было не развалился... А молодёжь совсем обнаглела: каждый второй тряпками торгует. Как Витька Зеленцов...

— Тише ты, Варя. Витька-то с нами едет,— пытается одёрнуть соседку по сиденью бухгалтер Зина, ещё довольно молодая женщина.— Он там, сзади, сидит. Слышит ведь...

— Ну и пускай слышит,— не унимается почтальонка.— Я правду говорю.

— Правильно говоришь, Варвара,— подаёт голос сам коммерсант, развалившийся на спинку последнего сиденья и обнимающий за плечо незнакомую, очевидно из райцентра, молодуху.— Моя работа мне больше денег приносит, чем училке какой или врачихе. Я же вас товаром снабжаю. Всяким причём, по заказу. И домой, если надо, привезу. Вам и хлопот, и растраты меньше, ездить никуда не надо. Скажи мне — и я привезу, на крыльцо доставлю.

— Ага,— атакует Варвара,— на рубль привезёшь — на тройку нам, дуракам, продашь...

— Конечно, мне же навар полагается за работу, за доставку, на покрытие расходов.

— Какая ж у тебя это работа? Спекуляция это.

— Не спекуляция, а коммерция,— поправляет Витька.— Законом это теперь разрешено.

— Много вам теперь разрешено,— в сердцах машет рукой Варвара.— Чтоб вас волки всех поели...

— Ой, а волков-то нынче развелось...— говорит Люба, заведующая детским садиком, жена лесничего.— Муж говорит: облаву даже собираются делать, охотовед из города должен приехать...

— Не говори, Любаша. Мы ещё осенью забыли отвязать овцу в огороде. Чуть стемнело, я пошла, а от неё только копыта да верёвка остались — съели,— с сожалением сказала не работающая сейчас Лариса, многодетная молодая мать.

— Да какие сейчас волки? — подаёт голос доселе молчавший ровесник Ивана Захарыча дед Павлуша, известный в деревне своей скупостью.— Вот перед войной и в войну волков было... По деревне средь бела дня бродили...

— По деревне уж не ходили, не говори зря,— поправляет Павлушу Константиновна, забыв про свою зубную боль.— А по дорогам было не проехать. А по тракту в райцентр что делалось! Может, кто помнит: Клава у нас на Центральном жила, уборщицей в школе лет тридцать работала, сын у ней был ещё — Коля. Сейчас в городе живёт, на начальника выучился...

— Да помним,— сказал Иван Захарович.— Она всю жизнь одинокой и прожила...

— Знал и я её,— кивнул дед Павлуша.

— Так вот, до войны или в войну ли, она мужика к себе принимала, приезжего какого-то. Как-то с этим мужиком они поехали в райцентр на санях. Туда-то доехали ничего, а назад немного припозднились. Смеркаться стало, ну и километра за три до Центрального стая волков за ними привязалась. Этот-то мужик говорит Клаве: ты, мол, ребёнка брось волкам, пока они его шиньгают, мы, мол, от них оторвёмся. Чё ему ребёнок-то? Не родной, не жалко...

— Ничего себе — брось ребёнка! — зашумели бабы в автобусе.— Вот сволота-то, какой. У нас таких не было. Откуда такой паршивый взялся? Самого бы, гада, волкам!

— Клава же, видя такое дело,— продолжает рассказ Константиновна,— прижала парнишку к себе и клубочком с саней на снег выкатилась...

— Ой! — раздалось в глубине салона.

— А волки-то её и не тронули, дальше побежали, за мужиком за этим.

— Догнали? — вопрос повис в воздухе, и на минуту разговоры в автобусе прекратились.

— Догнали,— выдохнула Константиновна.— И его, и лошадь разодрали...

— Так и надо ему, гаду! — гул одобрения прокатился по сиденьям, где ехали женщины.

— Съели, и ни шапку, ни полушубок потом не нашли. А Клавдию с парнишкой машина райкомовская подобрала: ехал

секретарь на собрание в Центральный, видит — женщина на дороге с ребёнком, вот и подобрал, до самой деревни подвёз её, перепуганную... Бог всё видит: кого — казнить, а кого — миловать, — сделала заключение Константиновна.

— Да, да... Так оно и есть, — закивали бабы.

— Страшное дело, когда зверь человека рвёт, — сказал Иван Захарович. — Помню, Сила у нас, медвежатник, был. Сколько он медведей из берлог достал! Сколько на рогатину насадил! Рысь руками однажды придушил, а всё одно: попал под раненую медведицу — и каюк...

— Так он уж старый был, — повернулась к нему Панкратиха. — В шестьдесят первом, хорошо помню, под старый Новый год, медведица его и разодрала. Мужики не смогли ему помочь. Домой на полушубке принесли. В шестьдесят первом ему уже семьдесят два было. Я знаю, он родственник нам был. А кого ты сейчас из семидесятилетних в лес с ружьём выгонишь? Слепые все уже и глухие, а у того ни одного худого зуба не было, когда помер.

— Да, да, да, — снова закивали, соглашаясь, бабы.

— А я вот к тому, что филин-то тоже добычу свою в ключья рвёт, — продолжил Иван Захарович. — Это мы думаем, что он ночью только видит, а днём спит. Ан нет! Он для видимости только. Я как-то раз иду по лесной опушке. Это там, за Сенной падью. Смотрю, передо мной заяц выпрыгнул из кустов и — шмыг вперёд меня, а через некоторое время камнем с дерева на него — филин: вцепился одной лапой зайцу в шею, а второй старается за ветки зацепиться. А заяц, бедолага, скачет, старается вырваться, освободиться от хищника. Я хотел было отбить серого, но где там... Минут через пятнадцать вышел к осиннику, вижу: от зайки моего только клочки шерсти и остались. Филин, видать, за осину второй лапой зацепился, зайца к себе притянул и изодрал, и расклевал.

В салоне стало шумно. И в деревне, и в Центральном проживало много охотников-профессионалов, и каждый житель этих населённых пунктов самые невероятные охотничьи истории знал с малолетства, и даже не бравший в руки ружья мог рассказывать их часами.

После разговоров об охоте переключились на близкую всем огородную тему. Гадали, каков будет урожай, как пройдет уборочная и повысятся ли цены на хлеб. За разговорами незаметно подкатили к Центральному и, высаживаясь у конторы совхоза, «центральцы», что ругали утром деревенских за то, что им приходится ехать до райцентра стоя, а тем — сидя, теперь сердечно прощались со своими давнишними знакомыми и просили передавать в деревне приветы их родным и близким.

Когда автобус покидал Центральное, пассажиры, едущие до деревни, примолкли, погрустнели, и всю оставшуюся дорогу разговор не клеился.

...Добравшись до родного селения, деревенские путешественники душевно благодарят шофёра Николая Николаевича, желают ему и его семье здоровья, счастливого пути и всегда полных баков бензина, и хотя знают расписание движения не первый год, всё равно кто-нибудь из них обязательно задаёт водителю вопрос:

— Завтра снова полвосьмого поедете?

Шофёр привычно кивает и говорит:

— До свидания.

На сегодня его рабочий день заканчивается. Ему остаётся зайти в контору — сдать в бухгалтерию выручку за проезд, загнать автобус в гараж, вымыть пол в салоне, протереть сиденья и окна, проверить остаток ГСМ, а уж потом только Николай Николаевич отправится домой.

До завтрашнего утра.

ДВА ГОДА НА «СЕДЬМОМ НЕБЕ»

Москва, улица Добролюбова, 9/11

Москва, улица Добролюбова, дом № 9/11 — здание общежития Литературного института. Вид из окон верхних этажей, выходящих на улицу имени критика XIX века, отличный. Особенно ночью, когда освещён шпиль Останкинской телебашни. Да и днём легендарная телебашня впечатляет провинциальных литераторов. На телебашне до пожара 2001 года был ресторан «Седьмое небо». На самом верхнем этаже общежития — седьмом — живут и слушатели Высших литературных курсов. С седьмого этажа звёзды кажутся ближе, луна крупнее и обзор лучше. Два года провинциальные литераторы проводят на своём «седьмом небе»: готовят завтраки и ужины, сочиняют стихи и романы, спорят едва ли не до драки, бросают друг другу обвинения и говорят слова признания. На московском «седьмом небе» завязывается дружба на всю жизнь, рождается любовь — короткая и вечная. Большинство из жителей «седьмого неба» имеет писательские билеты, и, в отличие от проживающих внизу студентов, они могут не соглашаться на лекциях с профессорами, высказывать своё, личное отношение к писателям прошедших эпох, и им за это ничего не бывает.

А сколько их, писателей недалёкой эпохи, жило на этом этаже! Сколько классиков и лауреатов различных премий, редакторов известных журналов, председателей региональных писательских организаций и просто отличных, хороших, добротных писателей и поэтов прошло по коридору седьмого этажа литинститутовской общаги! Сколько кроватей, подушек, стульев и столов хранит энергетику их прикосновений! Сколько было задумано, воплощено, написано на этом «седьмом небе» стихов, рассказов, пьес, романов — за этими столами и на этих подоконниках! Сколько литров выпито водки, вина и пива в этих комнатах! Сколько тонн съедено каши и хлеба! Подумать — оторопь возьмёт даже флегматика, дыханье перехватит у сангвиника с холериком, а меланхолик зальёт коридор слезами.

Наш набор ВЛК 2003 года был особенным в истории курсов и Литературного института. Во-первых, по некоторым причинам тот учебный год начался не с первого сентября, а с первого октября; во-вторых, мы были последним бюджетным набором; в третьих, к концу первого года обучения мы увлеклись издательскими идеями и, как никакой набор ранее, к выпуску издали целых четыре коллективных сборника своего нетленного творчества.

Но о творчестве и учёбе — попутно. Об этом напишут другие, я же хочу сейчас рассказать о жизни в общежитии и обитателях «седьмого неба» 2003–2005 годов. Возможно, мои воспоминания выльются со временем в отдельную повесть, но сейчас я не ставлю такой задачи. Сейчас — короткие воспоминания о недалёком прошлом.

Направо от лифта

Итак, седьмой этаж. Лифт доходит до самого верха, останавливается, и из открытой двери его народ устремляется направо. Если подъёмник в ремонте, жильцы-слушатели делают восхождение по ступенькам. Некоторым это даётся нелегко, они останавливаются раза по два передохнуть-вздохнуть — и снова в путь, в родное правое крыло седьмого этажа. Вниз, конечно, полегче — все идут без остановок. В принципе, несколько наших живут и в левом крыле, но подавляющее большинство всё же — по левой стороне крыла правого. Нас расселяли по двое, потом переселяли некоторых, но многие с первого до последнего дня жили в тех комнатах, куда их направил заведующий общежитием. За два упомянутых года прошли через десять комнат (725–734) левой стороны правого от лифта крыла общежития посланцы Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Армении, Карачаево-Черкесии, Хакасии, Республики Алтай, Кубани, Нижнего и Верхнего Поволжья, Нечернозёмной зоны России, Русского Севера, Урала, Сибири. Жил там полтора года даже один коренной москвич, прописанный, правда, в Ивановской области. О некоторых из них нельзя не вспомнить.

Тюрин и Чернышев

Славик Тюрин с первого дня в общежитии был признан поэтом. Такое признание, вам любой в литинституте скажет, среди взэл-кашников заслужить непросто. Месяцы, а то и целый год надо доказывать — не руководителю семинара, нет, не известным поэтам и писателям на поэтических встречах, не преподавателям, которые не одного классика экзаменовали, а своим одноклассникам, что ты поэт, а не простой рифмоплёт, и что строки твои чего-то стоят. Славик это сделал без труда: просто стал читать стихи, и сомнений не возникло. На ВЛК он, как и многие из нас, попал случайно. Жил он в посёлке Лесогорск Иркутской области, печатался в районной и областной газетах, а однажды принял участие в литературном конкурсе «Илья-Премия», организованном газетой «Трибуна», и, что называется, с ходу стал лауреатом. Ему издали книгу стихов в столице, заметили в Иркутске. На Высшие литературные курсы Славу Тюриня благословил живший тогда в Иркутске поэт Анатолий Кобенков, районная администрация, как могла, помогла деньгами, и Слава отправился в Москву. Славик приехал с мамой, потому как в свои тридцать шесть был он человеком в быту беспомощным, да к тому же не совсем здоровым физически. Славикова мама поселилась в Подмосковье и навещалась к сыну по выходным дням. С вечера пятницы по утро понедельника самая крайняя комната № 734 (с двумя окнами) гудела жизнью с раннего утра до позднего вечера.

Раннее утро было по нутру другому поэту — кубанцу из Армавира Василию Чернышеву, а вот вечернее бодрствование он переносил безрадостно. Оно сбивало его с ритма привычной жизни. Василий был постарше соседа по комнате на восемнадцать лет, но, в отличие от Славы, не курил, по утрам совершал пробежки по близлежащему парку и находился в хорошей физической форме. Естественно, когда мама Славы Тюриня оставалась ночевать в комнате сына, Василий чувствовал себя неудобно. Вообще, Вася был человеком скромным, стихи свои публично старался не читать, и многие из нас даже не знали, что на учёбу он попал с благословения самого

Юрия Поликарповича Кузнецова (!), при жизни признанного классиком. И именно Юрий Поликарпович помог ему остаться на ВЛК, когда у Василия возникли дома непредвиденные трудности.

Вася Чернышев и Слава Тюрин первое время вместе ходили на занятия и возвращались обратно. Иногда их до самого Литературного института провожала Славикова мама. Когда я впервые увидел эту троицу выходящей из комнаты № 734: бодро шагающего с портфелем Василия, торопившего: «Славик, Славик, опоздать можем»,— за ним чуть поотставшего Славу: «Давай маму подождём»,— и закрывающую дверь на ключ маму: «Ну куда разогнались? На метро успеем»,— то сразу решил: «Во как! На ВЛК даже целыми семьями принимают. Интересно, они все поэты, или кто-то прозу пишет? Наверняка женщина — критик...»

Но Славикова мама оказалась геологом. Сам Славик получал денежное пособие по инвалидности, а Василий Чернышев, сменив по жизни не одну профессию, до поступления на ВЛК работал на заводе. Как наиболее старший товарищ, Вася взял опеку над Славиком: сопровождал его не только на занятия, но по мере возможности водил его по театрам и музеям столицы. Вначале Слава подчинялся безропотно, потом стал ссылаться на усталость, а освоившись среди братьев по перу, всё больше стал предпочитать прогулкам с Васей компанию с чтением стихов под бутылочку-другую пива или водки. Естественно, такое случалось в дни, когда мамы Славы не было рядом с сыном. Когда же мама навещала в конце очередной недели, то Славик снова становился шёлковым и слушался Василия. Но едва мама покидала в понедельник утром общежитие, Славик снова выходил из-под Васиного контроля. Видя такое дело, Василий пускался на хитрость: «А ты знаешь, Славик,— говорил он,— гулять пешком по столице полезно не только для здоровья. Я каждый день нахожу по рублю, а то по два, а бывает, что и по пять рублей... Я уже не говорю о мелочи — она чуть ли не тоннами по тротуарам валяется. Москва — город богатый, люди сорят деньгами. А мне, студенту, не грех поклониться рублик поднять. Ну, копейки я тоже не беру, а блестящие рублики складываю».

И Вася показывал Славику стеклянную литровую банку, на дне которой лежало несколько рублёвых и двухрублёвых монет. Славик внимательно разглядывал банку, доставал деньги, пересчитывал и аккуратно складывал обратно. Василий ставил банку на полочку так, чтобы Славику было видно с его кровати. Славик, вздохнув, ложился и долго глядел на банку с монетами, и почти каждый раз, глядя на монеты, он ловил момент посещения Музы — тогда он быстро вскакивал, садился за стол и начинал записывать только что подаренные Музой строчки. Несколько раз Славик соглашался прогуляться с Васей пешком от общежития хотя бы до станции метро «Савёловская». Он старательно смотрел по сторонам, но ни рубли, ни двушки ему не попадались. Зато Василий несколько раз замедлял шаг, наклонялся и с гордостью демонстрировал на ладони найденный рубль: «Вот, ещё рублик!» — «И как это у вас так получается, Василий Григорьевич? А я, наверное, ничего так и никогда не найду...» — говорил на это Слава и уходил в метро. Останавливать его было бесполезно.

Каждый день, вернувшись в общежитие, и обязательно поздним вечером, перед тем как ложиться спать, и непременно утром, собираясь на занятия, Слава подходил к банке с найденными Васей монетами и, покачивая головой, констатировал: «А у вас опять прибавилось, Василий Григорьевич... И как вам везёт! Везучий вы человек!..» — «А я, Славик, сейчас другой дорогой хожу,— говорил на это, улыбаясь, Василий,— там больше денег теряют. Видно, богатых больше ходит...» Глаза Славика загорались, и он начинал умолять: «Возьмите меня с собой, Василий Григорьевич, я от вас метра на три в стороне или сзади пойду; что вы найдёте, это ваше, а что я — то моё... Я тоже хочу в банке денег накопить...» Василий улыбался, кивал головой и говорил, что он специально деньги не ищет, ему нет пока в этом никакой надобности, просто любит ходить пешком и, если есть возможность, предпочитает ходьбу метро, а монеты ему попадают случайно, по ходу. И собирает он их не для того, чтобы накопить, а ради спортивного интереса — узнать, сколько рублей он сможет найти на тротуаре

за два года жизни в Москве. Похоже, Славик ему не верил. Ещё несколько раз они выходили вместе, но все Славиковы потуги отыскать на тротуаре хотя бы один рубль ни к чему не приводили. Василий, глядя на его томления, однажды пошёл на хитрость: незаметно бросил на тротуар в малолюдном месте бумажную десятку и одёрнул Славика: «Смотри, уже червонцами теряют!» Славик отреагировал быстро. Подцепил мгновенно десять рублей, аккуратно сложил и опустил в свой карман. «Ой, Василий Григорьевич, какой вы добрый человек, какой вы добрый... Вы даже сами не представляете какой...» — говорил Слава, быстро удаляясь от товарища по комнате в метро. Остановить его в тот момент тоже было невозможно. А вечером не только «седьмое небо» общежития Литературного института, но часть шестого и даже пятого знали: Славик сегодня нашёл десять рублей и, добавив ещё, купил себе две бутылки пива «Балтика № 3».

Больше Славик с Васей никуда не ходил. Так получилось, что Василий уехал на несколько недель в Армавир, а когда вернулся, Славик был уже другим. Тем самым признанным всеми поэтом. Его стихи взяли в журнал «Знамя», он выступил на вечере поэта Короткова в Центральном Доме литераторов. Казалось, карьера его в столице пошла в гору, но во втором полугодии мама Славы не смогла приехать вместе с ним, Василий влияние своё над Славой утратил, и бесконтрольный Славик поначалу стал бродить по этажам общежития, заходил в гости к студентам дневного и заочного отделений, читал им стихи. Нередко там его хорошо угощали, и он забывал обо всём на свете: ходить на занятия, закрыть на ключ свою комнату. В конце концов он попал под дурное влияние, не выдержал окружающей обстановки и в конце марта уехал домой, в Сибирь, к родителям. Провожать его пошли Василий Чернышев и Сергей Коротков. Первые месяцы после отъезда Слава Тюрин хорохорился, в письмах писал, что ни о чём не жалеет, но когда мы перешли на второй курс, откровенно стал хандрить и признавался, что был неправ.

Несколько Славиных стихотворных подборок были напечатаны в Иркутске, дважды я печатал его в альманахе «Новый

Енисейский литератор» и ещё, видимо, печатать буду. Поэт он и вправду хороший.

Василий окончил курсы успешно, и хотя после смерти Юрия Поликарповича Кузнецова он чувствовал себя не совсем уютно в группе, но именно в Москве он стал членом Союза писателей России и получил писательскую книжку из рук самого председателя Союза Валерия Ганичева.

За два года учёбы Василий собрал около сорока рублей монетами. Интересно, что на втором году рублики стали попадаться ему реже, чем на первом. Освоился в столице, видимо, и стал походить на москвичей — меньше смотреть под ноги. Сейчас он живёт в Армавире. Издал несколько поэтических сборников, печатается в альманахах «Московский Парнас» и «Новый Енисейский литератор».

Комната № 725

Самая первая на седьмом этаже по левой стороне правого крыла общежития комната № 725 вначале оказалась незанятой. Проскользнул слухок, что в 725-й собираются открыть музей. Одни говорили, что в этой комнате когда-то жил Чингиз Айтматов, другие — Виктор Астафьев. Слух не получил развития, а ближе к ноябрю в крайней от лифта комнате поселился новый слушатель ВЛК — поэт из Узбекистана по имени Вафо. Он был, наверное, первым в нашей группе, кто поступил на учёбу платно. Несколько раз я видел его возле аудитории ВЛК в начале учебного года, он ходил с какими-то бумагами к ректору и проректору и в конце концов объявился у нас на занятиях. Но ненадолго. После того, как был зачислен на Высшие литературные курсы, Вафо своим появлением в аудитории радовал нас мало. Володя Некрасов и Эдик Веркин, жившие с ним по соседству, говорили, что он работает ночами в каком-то узбекском кафе и несколько раз угощал их по утрам шашлыками. Днём, видимо, Вафо отсыпался и на занятия не успевал. Несколько раз посланец хлопковой республики выходил в коридор «седьмого неба» в национальном халате,

чем приводил в восторг некоторых наших девчонок. В середине ноября, когда стало по-настоящему холодать, Вафо слёг. Он жаловался на боли в сердце, подолгу лежал в своём тёплом халате на кровати и выходил из комнаты только по нужде. Ближе к декабрю Вафо решил оставить учёбу и стал собираться домой. В последние перед отъездом дни он ожил, охотно фотографировался с нами накануне отъезда, угощал зелёным чаем, дарил книжки своих стихов на узбекском языке. Подарил и мне. Я храню эту книжку. А фотографии, предназначенные ему, тоже у меня. Он уехал без фото, на другой день, как мы сфотографировались. Обещал написать письмо, но так и не написал. А может, написал, но оно затерялось по дороге и не дошло до общежития.

Комната № 725 оказалась свободной ненадолго. Одного посланца из республики бывшего СССР сменил другой. На этот раз из Армении. Звали его Рудик Геворкян, в литературной жизни — поэт Геворг Гиланц. Рудик был более общительным, чем его предшественник. По утрам и вечерам варил на кухне кофе, охотно приглашал к себе в гости и сам заходил «на огонёк» по первому зову. Рудик сразу же взялся за переустройство своего жилья: перебрал весь паркет, оборудовал стол под компьютер. Он одним из первых в общежитии «открыл» сам и показал другим канал выхода в Интернет через мобильный телефон. Правда, за полтора года мои интересы с его пересекались редко. Гораздо больше узнали друг друга уже после. Я, окончив ВЛК, полгода работал в газете «Московский железнодорожник», а Рудик продолжал учёбу. Тогда он увлёкся сборкой и модернизацией компьютеров и немало помог мне в освоении электронной почты и продвижении в Интернет. Так, с его лёгкой руки моя повесть ушла в издательство «Амадеус» и вышла там в виде мини-романа отдельной книжкой тиражом тридцать тысяч экземпляров. Естественно, с гонорара я угощал его коньяком и кофе.

Но и Рудик недолго был жителем комнаты № 735. Были у него перебои с оплатой учёбы, одно время он уезжал в Армению, а когда вернулся, его поселили в комнату № 734, к Василию Чернышеву. Но это уже другая история, не из жизни в комнате № 725. А в крайнюю

от лифта комнату потом поселилась Марина Кулакова, и больше в ней до окончания учёбы жильцы не менялись. Марина больше была известна как поэтесса, но на ВЛК училась на семинаре критики, у Владимира Ивановича Гусева. Но это тоже другая история.

А истории с Вафо и Рудиком навели меня на мысль, что ни одни посланник из СНГ так до конца и не прошёл путь ВЛК. Кроме них, с нами начинали учиться ещё Олег Ястребов из Казахстана и Нурлан из Киргизии. Ястребов сошёл с дистанции первым. До того он работал администратором в каком-то творческом коллективе, организовывал гастроли и имел немалый заработок. Конечно же, резкий переход на стипендию в четыреста рублей сказался сразу. Кроме, того, он считал себя бардом и собирался прийти на обсуждение к Ю. П. Кузнецову с гитарой, мастер этого не пожелал, сказав, что он имеет дело с поэтами, а не с бардами и менестрелями. Дело до обсуждения не дошло. Нурлан продержался дольше. Может быть, доучился бы Нурик и до самого конца, но как-то потерял паспорт, попал на милицейский патруль, был задержан и некоторое время ходил со справкой. В Москве паспорт ему так и не восстановили. Нурлан отправился после Нового года в Киргизию с намерением вернуться, но не вернулся...

Коротков — москвич из Юрьевца

Ещё один общепризнанный поэт на нашем наборе ВЛК — Сергей Коротков. Весь первый курс пятидесятипятилетний Коротков считался самым старшим. Коренной москвич, стихи писал и публиковался с юных лет. Его лично знало немало признанных в России поэтов, среди которых и Юрий Кузнецов, и Валентин Сорокин, а к Вадиму Кожинову Сергей не один год ходил на семинары. Жизнь распорядилась так, что Коротков долго работал официантом в московских ресторанах и уже в зрелом возрасте встал перед дилеммой, в прямом смысле: начал делить со взрослым сыном доставшуюся ему от матери московскую квартиру. Пока искал покупателя, пока продавал и подыскивал варианты, инфляция и

нечистые на руку дельцы часть денег его «съели», и оставшихся долларов хватило купить только одну однокомнатную квартирку для сына. Сам Сергей с женой Еленой (сейчас известная поэтесса Елена Сапрыкина) и малолетним сыном Ваней подались сначала в Иваново, а затем ещё дальше от столицы — в город Юрьевец.

Жизнь в провинции: новые, отличные от столичных люди, другой жизненный уклад, свежие впечатления вначале захватили коренных москвичей и даже привели в восторг. Сергей с Леной устроились на работу в сельскую школу, стали ходить в православный храм, печататься в районной газете. Перемены в жизни благотворно сказались на творчестве — стихи полились новым потоком. Особенно у Елены. Её стихи, раньше вроде бы мало востребованные, вдруг заметили в Москве, её вызвали на семинар и по его итогам рекомендовали в Союз писателей России. А вскоре в Москве вышла первая книжка стихов Лены — «Протуберанцы». Мелочи бытовой жизни в первое время, казалось, не сильно волновали переселенцев. К воде из колонки, удобствам на улице они привыкли быстро. Но так было только до прихода осени и первых холодов. Ну а потом... Потом наступила проза жизни в зимних условиях: колоть дрова, каждый день топить печь, которая имеет особенность по утрам плохо разгораться, а ещё убирать снег от крыльца и от калитки... Привыкшие к благоустроенному житию столичные жители вначале храбро бились с обстоятельствами, но обстоятельства брали верх, и они в конце концов сникли. Стали правдами-неправдами находить причины и почаще выезжать в Москву. Однажды, вернувшись, они нашли свой дом не только без стёкол на окнах, но и без рам. Видимо, кто-то из соседей посчитал, что Коротковы подались на зимовку в столицу и рамы им не так нужны, как остающимся зимовать в Юрьевце. Рамы, вернее, их отсутствие, окончательно переменяли отношение москвичей к провинциальной жизни, и Серёга Коротков, вспомнив слова известного поэта: «Настоящий писатель должен жить в Москве», — уже больше не сомневался в истинности мудрых слов. Возвращение в Москву проходило тяжело. Елена с двумя детьми стала жить у своих родителей в двухкомнатной

квартире, а Коротков — у старшего сына в однокомнатной. Ну а когда Серёга поступил на ВЛК, то, как имеющий юрьевецкую прописку, переселился в общежитие. Там и свела нас с ним судьба.

Поначалу Коротков жил в комнате № 733, вместе с прозаиком из Пензы Романом Волковым, и приходил ко мне смотреть телевизор. Вообще, как говорил Серёга, телевизор он не любил. Но, несмотря на такое утверждение, глядел во все глаза все программы подряд, даже футбол, когда в комнате собиралось до десяти и более болельщиков. Особенно когда играла сборная России или шли турниры еврокубков. Порой Коротков, увлѣкшись просмотром, не обращая внимания на других, садился на мою кровать, облокачивался на стенку и, жалуясь на боли в спине, подкладывал под спину мою подушку. Ёрзая на ней, примерно через полчаса он уже забирался на кровать с ногами. Понимая, что Коротков — настоящий поэт, я смотрел на его выходы спокойно, тем более часто мне было не до него: я в это время либо писал материал в газету «Гудок», где подрабатывал нештатным корреспондентом, либо выходил-заходил, приготавливая ужин. То, что Коротков ведѣт себя «как настоящий поэт», я убедился довольно скоро: к Роме приехала молодая жена, и Коротков переселился в мою комнату. Пришѣл он теперь со своей подушкой и, сразу же улѣгшись уже на свою кровать, стал смотреть телевизор. Теперь он только лёжа переживал за героев сериалов или футбольный «Локомотив». Однажды, под впечатлением победы «Локо» над итальянцами, Коротков за один присест написал целую поэму и попросил меня на другой же день увезти её в редакцию «Гудка». Я увѣз, её там почитали, похвалили, но не напечатали...

В принципе, за присест-два Коротков писал не только поэму, стихи, но и посвящения многим нашим преподавателям. У меня до сих пор хранятся его стихотворные строки, адресованные Александру Александровичу Зиновьеву, Юрию Ивановичу Минералову, Сергею Николаевичу Есину, Татьяне Александровне Архиповой, Марии Валерьевне Ивановой, Ольге Вячеславовне Зайцевой (прошу прощения у тех, кого не назвал)... Почему строки посвящений Короткова хранятся у меня? Да потому, что я их сам и набирал на

своём стареньком компьютере под диктовку поэта Сергея Короткова. Вообще, надо сказать, во втором полугодии акции поздравлений мы с Коротковым проводили часто вдвоём. Когда он публично читал стихи женщинам-преподавателям, я подносил им цветы, и оба мы могли рассчитывать на благосклонность наших наставниц на зачётах и экзаменах. Не мы одни, конечно, были такие умные и предприимчивые: и до нас, и (уверен) после нас посвящения преподавателям на ВЛК писали. Но мы в данном случае (больше Коротков) делали это ради литературного процесса. Порой мы спорили, когда Серёга откровенно халтурил. Я старался задеть его самолюбие, говорил, что простенькие рифмовочки уже в детском саду слагают, и получивший «удар» Коротков сначала ложился на свою кровать, думал, а потом соскакивал и смело переписывал строки, и иногда у него действительно получались шедевры, которые (тоже уверен) время обязательно оценит. На том же втором году обучения к Короткову на «седьмое небо» стали подниматься студенты и даже студентки с просьбой сочинить несколько строк, посвящённых кому-нибудь из преподавателей. И Серёга иногда бескорыстно брался и за эти задания.

«Слушай, Серёга, давай кооператив откроем „Сочиняем-поздравляем“, — предлагал я ему в шутку. — На фига студенты будут читать и выдавать твои строки за свои? Мы с тобой сами обслужим кого хочешь, по полной программе. Пусть они оформляют у нас заказ, оплачивают, а мы с цветами и стихами от их имени приходим в Литинститут, ты читаешь, я дарю цветы, целую ручку, и пошли дальше — выполнять другой заказ...» — «Эх, нам бы за это дело взяться надо было бы на первом курсе... Я бы тогда и дворником не работал...» — отвечал, вздыхая, Коротков. Он, как многие москвичи, не улавливал порой в подобных предложениях ни юмора, ни иронии.

А дворником Серёга действительно поработал на славу. Научившись в Юрьевце пользоваться лопатой для уборки снега, Коротков, посчитав, что дворничать теперь он сможет, устроился на работу.

Сначала в бывший музей революции на Тверской... К этому музею у меня, да и, думаю, у Васи Чернышева осталось особое отношение. В конце ноября – начале декабря 2003 года в Москве

редкий день не падал снег. Серёга зашивался — не успевал до начала занятий убирать территорию и часто опаздывал на лекции. Однажды после обильного снегопада Коротков, посулив по сто рублей, уговорил меня и Чернышева выйти с ним на снегоборьбу. Мы отправились ранним утром, намереваясь попутно после работы заглянуть в редакции еженедельника «Литературная Россия» и альманаха «Московский Парнас». На метро быстро добрались до музея, сразу же взялись за лопаты, и поначалу дело пошло гладко. Мне достался угол, где стоял революционный броневик, Васе — где пушка, сам Коротков взял на себя середину. Откидав снежок от броневика и расчистив от него путь к воротам, я заметил командовавшему нами Короткову, что броневик уже можно выгонять и, в принципе, моя миссия могла бы на этом закончиться. Москвич Коротков, как с ним бывало часто, юмор сибиряка не оценил, как и сатиру кубанца Чернышева, расчистившего путь от пушки к другим воротам и напевавшего вслух слова из известного нам с детства стихотворения: «Рабочий тащит пулемёт, сейчас он вступит в бой...»

«Пока всё не уберём и не сгребём — будем работать», — сказал нам наш бригадир и, определив нам новые участки, ушёл за мётлами. Долго ли, коротко ли ходил Коротков, мы не замечали, не заметили и как рассвело. На середине площадки было сложнее: под снегом оказался лёд, к тому же лопаты и скребки, принесённые Коротковым, цеплялись за брусчатку, а кроме того, опасно было подходить к зданию, ибо с наступлением рассвета с крыши стали падать сосульки. Большие ледышки как будто только и ждали дневного света, чтобы начать свой ледопад. В общем, проявляя ловкость и прилагая усилия, к полудню мы были, что называется, «в мыле». Пока убирали снег, у здания образовался ледяной склад; то и дело поглядывая на крышу, стали убирать лёд. Часам к двум, мокрые от пота и уставшие, мы наконец получили «расчёт» у Короткова и, не помышляя больше ни о чём, нырнули в метро и поехали напрямик в общежитие — принять душ и переодеться. Больше планов у нас с Василием братья за лопаты на территории музея не было, хотя Коротков несколько раз намекал нам на «подработку».

Коротков работал в музее до Нового года, а после устроился дворником в общежитие. Жизнь для нас с ним настала другая. Теперь он разрешал смотреть телевизор только до двадцати трёх часов, вставал чуть свет, гремел чашками и кружками, громко топал и уходил, не помыв посуду и не заправив свою постель. Впрочем, посуду мыть он был не большой охотник и по возвращении, и в редкие для него выходные дни. Как и заправлять постель. Несколько раз заглядывавшая к нам на огонёк Шахриза Богатырёва, привыкшая к аккуратности, находила в поступках Короткова признаки поведения «настоящего поэта» и говорила мне: «Он никогда не научится постель заправлять, говорить ему об этом бесполезно...» А мыла посуду, заправляла постель и даже организовывала стирку жена Короткова Лена, появляющаяся иногда по субботам в общежитии вместе с сыном Ваней.

На втором году обучения Короткову предложили работу литературным консультантом в Международном сообществе писательских союзов на Поварской, и он оставил работу дворника. Несколько раз он брал нас с Васей Чернышевым на культурно-литературные мероприятия. В марте 2004 года в малом зале Центрального Дома литераторов прошёл большой творческий вечер Сергея Короткова. Мне, вместе с его женой Еленой, довелось быть ведущим. Вечер имел успех; во всяком случае, мест на всех не хватало, и люди несли стулья и занимали проход. Благодаря Серёге Короткову я познакомился с интересным композитором и исполнителем своих песен Владимиром Минеевым из Иваново, впоследствии на конкурсе патриотической песни ставшим лауреатом премии имени Игоря Талькова. В последнем полугодии Коротков с женой сняли квартиру в Звенигороде, и Серёга практически не появлялся в общежитии до самого последнего дня учёбы.

Я часто вспоминаю наши с ним споры и беседы, они, бесспорно, оказали большое творческое влияние на нас обоих. Именно благодаря Короткову я взялся за трилогию «Избранники Ангела», а Серёга опубликовал в нашем альманахе «На втором круге» цикл своих стихов «В пелёнках ресторана». Мы и сейчас

поддерживаем связь, созваниваемся. Несколько раз я печатал стихи Короткова и Лены в «Новом Енисейском литераторе».

Веркин и Некрасов

Эдик Веркин и Володя Некрасов были прозаики. Вернее, они ими стали. До этого Эдик работал преподавателем истории в Воркуте, а Володя числился (в хорошем смысле) в художниках. На ВЛК, как они оба признавались, попали случайно, и когда получили вызов, а особенно после, по приезде в Москву,— некоторое время относились ко всему со скрытым подозрением. Володька об этом даже повесть написал. Сполна хлебнувший в перестройку Володя Некрасов не сразу поверил, что в главном городе переобустроенной капитализмом России, в самом его центре — на Тверском бульваре, может существовать островок социализма: бюджетное обучение, чисто символическая плата за проживание в общежитии, бесплатные обеды,— это наводило Володю на подозрение. «А не готовят ли нас для какой-то миссии?» — задал он однажды вопрос соседу по комнате Эдику Веркину, и Эдик, как человек большой эрудиции и мастер развивать фантазии, тут же подхватил его мысль и высказал предположение о прослушке и просмотре комнат, а ещё о «тайной двери» в конце коридора «седьмого неба», в закуточке, на которой было написано «Запасный выход» и которая никогда не открывалась.

Володя даже установил на свой компьютер «видеоглаз», и все заходившие в комнату № 726 могли видеть себя на экране монитора. «А я тайно по всем комнатам такие „глазки“ поставил,— говорил Володя.— Вот, например, мы вчера наблюдали, как Лариса переодевалась, а сегодня — как к Гале кто-то ночью заходил...»

Такие признания в первое время шокировали некоторых приходивших в гости в 726-ю, особенно девчонок из глубинки. Они даже пытались искать «глазки» в своих комнатах и вечерами включали приглушённый свет настольных электrolамп.

Эдик отличался не только эрудицией, но и завидной трудоспособностью. За время учёбы он издал в «Эксмо» несколько

книжек с рассказами для детей, а сейчас, говорят, ведёт в этом издательстве свою серию.

Володя одно время ездил вместе с ещё одним прозаиком Андреем Минеевым на съёмки фильма с режиссёром А. Миттой, работал художником. Со съёмок он приехал с багажом впечатлений и написал несколько коротких рассказов. Поклонник Джойса, Володя к концу учёбы всё больше и больше стал тяготеть к русской традиции. Приходя ко мне, он просил рассказы И. Бунина и Л. Толстого и признавался: «В последнее время я не могу читать переводную литературу, хочется настоящей русской классики». Володя Некрасов был оригиналом весь учебный процесс и остался им до самого конца. Накануне выпускного дня он переоделся в новый костюм и почти всю ночь не снимал его, организовав у себя прощальный банкет. Но не рассчитал силы. Перед рассветом его сморил сон, а утром его едва добудились. Понимая, что опаздывает, Володя накинул на себя «спортивный вид» — футболку и шорты. Так и пришёл получать документ об окончании ВЛК. Ну а после выпускного, когда на территории Литературного института почти никого не осталось, вспомнив о том, что поэт Рубцов в своё время забирался на памятник А. С. Пушкину, Володя Некрасов забрался на памятник А. И. Герцену.

После учёбы Некрасов вернулся в родной Магнитогорск, выпустил новую книжку прозы. А я включил его в состав редсовета «Нового Енисейского литератора».

Девчонки

О девчонках ВЛК — поэтессах, критикессах и прозаиках (как говорили раньше — прозаистках) — рассказ особый. Они требуют к себе более пристального внимания, и, наверное, я однажды так и поступлю, пусть только пройдёт ещё немного времени на осмысление. Ну а пока в этих фрагментах я скажу о тех, кто жил в общежитии фрагментально. В общежитии девчонок с ВЛК в первое время, казалось, было немного, но когда наша группа понесла

кадровые потери (потери случились только среди лиц мужского пола), их стало меньше лишь вполовину.

О Марине Кулаковой я уже упоминал. В комнате № 727 жили Галина Яковлева, больше известная по публикациям как Дубинина, и Лариса Марданова. Галя приехала из Вологодской области и как-то сразу взяла на себя организационные вопросы, став старостой группы. Многие инициативы, возникающие среди вэ-элкашников, она поддерживала и, как могла, воздействовала на тех, от кого зависело продвижение этих инициатив. Спокойная Лариса писала прозу на русском и стихи на родном удмурдском. Кроме них, на «седьмом небе» проживали Инна Воскобойникова из Магнитогорска, Лена Хисамутдинова из Йошкар-Олы, Таня Маликова из Тамбова, Вика Можная из Новокузнецка. Одно время обитала там и Шахриза Богатырёва из Карачаевска.

Инна тоже обитала на «седьмом небе» недолго, но запомнилась всем способностью вовлечь в мероприятия практически любого. Однажды, загрустив ноябрьским вечером, мы организовали якобы её день рождения, пригласили гостей, заставили одеться по-парадному даже Короткова, и растроганный Серёга написал ей мадригал. Многие из собравшихся даже не поняли, что день рождения Инны — понарошку. Инициативу решили продолжить на следующий день, объявив его днём рождения Ларисы Мардановой. Коротков снова написал мадригал, а я специально по этому поводу сочинил пьеску в трёх действиях на четыре действующих лица под названием «Повороты судьбы, или Последняя любовь Короткова», героями её стали Инна, Лариса, Коротков и некий прозаик Сергей.

Инна вышла замуж после Нового года и переехала жить к мужу в Переделкино. Вышла замуж и осталась в Москве впоследствии и Таня Маликова. А Вика Можная уехала к суженому в Санкт-Петербург. Пожалуй, самой загадочной осталась в моём воспоминании Лена Хисамутдинова. Замуж она не вышла, а на «седьмом небе» жила тихо: писала стихи, занималась компьютером. В мае – июне 2005 года, перед экзаменами, из торцевого окна «седьмого неба» вечерами можно было запросто видеть необычно крупную Венеру. Мы как-то стояли

с ней у окна, говорили о звёздах и связи человека и космоса, и было это так хорошо и возвышенно, что, казалось, чувствовали и время, и Вселенную, понимая, что эти минуты не повторятся больше никогда ни в этой, ни в какой другой жизни.

Воспоминания о «седьмом небе»

Волшебно высвечивается огнями прожекторов Останкинская телевизионная башня. Вид её прекрасен в июне 2005-го так же, как в сентябре 2003-го. Как и в первый вечер моей жизни здесь, через окно на «седьмом небе» ко мне входит пространство столицы. За дверью в коридоре слышны голоса: по «седьмому небу» ходят мои одноклассники. Сегодня пришли в гости даже те, кто никогда в общежитии не был и, быть может, никогда не будет: Дмитрий Калина, Галина Переверзева, Антон Николаев, Владимир Сергеев, Карина Горбылёва.

Голоса всё громче и ближе. Вот, слышно, читает стихи Слава Тюрин, вот с кем-то спорит Коротков, вот проходит по коридору Саша Боев, сейчас постучит и заглянет ко мне «на футбол». О нём, а ещё о Жене Сидневе, Володе Кочеткове, Романе Волкове, Дмитрие Агалакове и всех наших, о ком не было речи в этих фрагментах, я, думаю, найду время рассказать.

Время «седьмого неба» живёт со мной, в моём сознании и моей памяти. Оно не уйдёт от меня никогда и никуда. Романтическое и по-бытовому неустроенное, оно не даёт покоя, заставляет браться за перо, садиться к компьютеру и просит, умоляет, приказывает, заставляет запечатлеть его: для нас — счастливых, живших когда-то на седьмом этаже легендарного общежития Литературного института, и для других — кому не суждено было жить и даже бывать на нашем «седьмом небе».

ИСКУШЕНИЕ

Из цикла «Криминальные истории»

Эта трагедия произошла в одном из пригородных районов Красноярска в январе 1994 года, в старинном сибирском селе, расположенном в километре от Московского тракта. Юля, о которой тоже пойдёт в рассказе речь, и сейчас живёт там с маленькой дочкой Ниночкой. Живёт как может. После всего произошедшего тогда она мало с кем общается, в основном лишь ходит к маме в гости да по воскресеньям посещает собрание верующих христиан-баптистов в новом молитвенном доме. Отношение к ней в селе сильно изменилось — сельчане никак не могут простить её мужа, а заодно многие искоса поглядывают и на неё: мол, привезла к нам убийцу. Некоторые из числа недавно обращённых верующих даже стараются на молитвенных собраниях сесть подальше от Юли. Она понимает, что оступилась в очередной раз, говорит, что обречена на многолетние страдания и готова терпеливо переносить их. Каждый день она встречает и заканчивает молитвой — молится за отбывающего наказание мужа, верит, что Господь вразумит его и поставит на правильный путь. Чтобы не сделать ей ещё больше и не вызвать нежелательных для неё разговоров, автор изменил имена героев рассказа и не называет населённого пункта, где это случилось.

1. Виталий

Виталий был на вершине счастья. Ещё бы, сбылась давняя его мечта: он купил автомобиль! И не какой-то там «жигуль» или даже «Волгу», а «Тойоту-Короллу», причём не подержанную и за негодность отправленную японцами из Страны восходящего солнца в Россию, а новенькую! На вершине счастья были и его друзья-новосибирцы, прибывшие в Приморье за автомобилями и, так же как и Виталий, автомобили

эти купившие. Конечно же, пришлось влезать в долги, и долги немалые, но, как считал Виталий, цель оправдывала средства. Машины они получали недалеко от Владивостока, там же и наняли ребят-спецназовцев (как те себя называли) для сопровождения и охраны. Впрочем, им ничего не оставалось делать, как согласиться на предложение крепких парнишек, которые им как бы ненавязчиво предложили свои услуги за вполне доступную цену, предупредив, что на дальневосточных дорогах может случиться всякое.

Никаких ЧП с эскортом из пяти «Тойот» по пути следования не произошло, если не считать что дважды пришлось делать незапланированные остановки, чтобы поставить запаски на место получивших проколы колёс. Спецназовцы проводили их до Хабаровска и передали дальше по радиосвязи, чтобы сибиряков не трогали. Успешно миновали они Забайкалье, трассы Бурятии, промелькнул за окнами прихваченный у самых берегов льдом Байкал, затем Иркутск и Ангара, и вот уже за Тайшетом началась территория Красноярского края: значит, и до родного Новосибирска осталось немного — рукой подать.

В Канске Виталий ночевать не остался: через два дня у него был день рождения, и он решил ехать без остановок. Заправил полные баки, попрощался с ребятами и поехал в ночь.

Когда позади остался Уярский пост ГАИ, Виталий вдруг почувствовал сильную усталость, глаза начали закрываться сами собой, и дважды водитель чуть было не потерял контроль над автомобилем. Необходимо было срочно остановиться и поспать хотя бы парочку часов. И вот фары автомашины высветили дорожный указатель, на котором были написаны название населённого пункта и расстояние до него — один километр. Из-за деревьев, стоящих вдоль трассы, самого населённого пункта видно не было, но Виталий знал, что если свернуть согласно указателю, то через пару минут можно подъехать к совхозной мастерской, на территории которой находится котельная и есть тёплый гараж. Виталий как-то

бывал в этом селе — приезжал с братом по коммерческим делам, был знаком с директором совхоза.

Ворота ремонтной мастерской, раскрытые нараспашку, приветливо зазывали его, из трубы котельной валил густой чёрный дым. Виталий подогнал «Тойоту» к котельной, глушить двигатель не стал и, выйдя из автомобиля, постучал в дверь. Открыл ему молодой парень, дежуривший в ночь. Выслушав водителя и войдя в его положение, кочегар позволил путнику загнать автомобиль в пристроенный к котельной гараж и пригласил почаёвничать. Виталий был не против. Познакомились. Оказалось, что паренька зовут Митей.

2. Митя и Юля

Митя мечтал стать шофёром. И, возможно, стал бы: технику он любил и с детства возился с велосипедами, пытался из старых деталей сконструировать мопед. Но зрение подвело, и в автошколу его не приняли. Решил освоить строительную профессию, поступил в городское ПТУ. Там, в училище, в краевом центре, он и увидел впервые Юлию. А увидев, потерял, как говорится, и покой, и сон. Скромная, всегда аккуратная, малоразговорчивая, Юля заметно отличалась от одноклассниц. Вскоре Митя узнал, что она из семьи верующих и дважды в неделю посещает собрания в доме молитвы.

Митя старался сделать всё возможное, чтобы Юля обратила на него внимание. Он караулил её после занятий и будто бы случайно оказывался на автобусной остановке в то время, когда там появлялась она. И хотя ему нужно было ехать к родственникам, у которых Митя проживал, совсем по другому маршруту, он садился в «её» автобус и сходил с ней на одной остановке.

Юля, конечно же, не могла этого не заметить, и однажды между ними произошёл разговор, в результате которого Юля пригласила Митю на собрание верующих, и в следующее воскресенье Митя на собрание пришёл.

Христианская молодёжь приняла его радушно. С ним были приветливы, подарили сборник христианских песен, Новый Завет, несколько брошюр и пригласили на молодёжное христианское общение. Митя пришёл и туда. Потом ещё раз и ещё. Юля теперь постоянно была рядом. Они привязались друг к другу и были уже не прочь соединить свои судьбы. Дело было, казалось, за малым: Мите необходимо было раскаяться в грехах своих, принять Господа в своё сердце и принять водное крещение. Митя был готов и к этому. Ему казалось, что готов. Но на дворе была зима, и братья посоветовали дожидаться июня, когда обычно начинаются протестантские водные крещения на Енисее, в районе острова Отдыха.

— Только, пожалуйста, держите ваши отношения в чистоте,— сказал им пресвитер церкви.— Потерпите, возрастайте в вере, и как только Митя примет крещение, на первом же общем собрании вас объявят женихом и невестой.

Они согласились с главой общины, и Юля решила по несколько раз в неделю поститься и усиленно молиться. Призвала к этому и Митю. Митя было попробовал, но больше одного дня в неделю без пищи он обходиться не смог и несколько раз пост нарушал.

Любой истинный христианин знает, что враг душ человеческих — сатана — неотступно следует по пятам за каждым верующим и ждёт случая, как бы выискать какой у него изъян и покрепче за него ухватиться, чтобы отворотить человека от пути истинного, закрыть ему дорогу в храм Божий и захомутать душу его в ловко расставленные дьявольские сети. Неотступно следовал лукавый и по пятам молодых влюблённых. И однажды...

И однажды Митя, оставшись ночевать в доме Юли, не вытерпел и пришёл к ней среди ночи в спальню. Слезы, причитания, мольбы Юлии не дали результата, и всё закончилось тем, что на следующее утро она проснулась женщиной.

После этого Юля на собраниях старалась как можно меньше общаться с молодёжью, избегала встреч с пресвитером. Несколько раз она порывалась поговорить откровенно с кем-нибудь из руководства церкви, но Митя её останавливал, угваривая подождать до лета.

— Расскажем всё перед самым крещением,— говорил он ей.— Решим всё за один день, расставим все точки. Поймут нас и простят, вот увидишь...

— Люди, может, и поймут, и простят. Господь простит ли?..— отвечала на это Юлия.

— Простит,— уверенно говорил Митя.

Однако дальнейшие события внесли существенные коррективы в жизнь молодых людей и во многом послужили закрутке сюжета для нашего повествования. В середине апреля Мите принесли повестку из военкомата, он досрочно сдал выпускные экзамены в ПТУ, и в начале мая его призвали в армию. Юля сильно переживала, плакала и после того, как проводила любимого на службу, пришла перед собранием к пресвитеру и рассказала, что ждёт ребёнка. На этом собрании её отлучили от церкви. Отлучение Юля перенесла, пожалуй, ещё тяжелее, чем грехопадение. На собрания она по-прежнему продолжала ходить, искренне молилась, но в общецерковных мероприятиях участия не принимала. Не имела права. Она ждала и продолжала верить, что наступит тот день, когда Митя всё-таки будет крещён по вере и они станут настоящей христианской семьёй.

Митя служил недалеко от Красноярска, в строительном батальоне, и частенько приезжал в город на воскресные собрания, где мог видеться с Юлей. Бывал он и в родном городке недалеко от Ачинска, где жила его мать-пенсионерка.

Ну а рожать Юля поехала к маме, в пригородный район. В то время там поселилась семья баптистского благовестника, который приложил все силы, чтобы в селе открылся дом молитвы, и Юля была рада, что может посещать теперь

христианские собрания и вдали от города. Родила она девочку, назвала Ниночкой. Митя, обрадованный появлению дочери, как бы непроизвольно впал в ещё один грех: на предложение сослуживцев и даже командира взвода «обмыть» это дело он, что называется, «раскрутился» и купил аж пять бутылок водки. В итоге же ушёл из части в долгосрочную командировку. Вернее, бессрочную, потому как однажды поздно вечером он постучал в окно Юлии и сказал, что всё, служба окончена, потому как командир отпустил его в связи с рождением ребёнка. Юлия ему поверила. Её даже не насторожило то, что ни на другой день, ни на третий, ни на четвёртый Митя не торопился становиться на воинский учёт, пытался найти временную работу в селе. Такая работёнка сроком на месяц-два подвернулась в котельной отделения совхоза, куда управляющий, не спросив никаких документов, отправил Митю вместо заболевшего штатного кочегара.

3. Испытание

Так вот наш герой Митя оказался на смене в ту январскую ночь, когда Виталий подогнал свою легковушку к дверям котельной и, решив немного отдохнуть, попросил у Мити временного приюта.

За чаепитием Виталий эмоционально рассказывал о своей машине: обо всех её достоинствах, о том, как она легка в управлении. Потом повёл кочегара в гараж, открыл дверцу автомобиля, показал приборную доску, переключатель скоростей, удобные сиденья.

— Ну ладно, браток, спасибо тебе за хлеб, за чай. Я покемарю часика два-три, а ты меня к шести толкни, ладно? К восьми до Красноярска доберусь, там подзаправлюсь — и на всех парах до дому, — сказал он Мите, укладываясь на топчан за котлом.

Митя согласно кивнул и занялся своими делами.

Примерно через полчаса после этого пришла Юля, принесла мужу поесть. Жили теперь молодые в своей квартире, недалеко от мастерской, а потому, несмотря на поздний час, Юля, уложив Ниночку, без боязни оставляя её одну, каждую Митину смену навещала мужа.

Проговорили молодые минут двадцать. Митя рассказал жене о визите Виталия, провёл её в гараж, показал машину.

— Вот бы нам такую,— сказал он,— к нашим бы ездили, в город, за грибами осенью, за орехами.

— Да ну её, машину эту,— махнула рукой Юля.— На одни запчасти только и будешь работать...

— Если аккуратно относиться к технике, то и поломок никаких не будет,— возразил Митя.

Проводив жену до самого дома, он, вернувшись, подброесил в топку уголька, присел на стул возле стола, взял было в руки газету, но читать не смог. Мысль о машине не оставляла его. Митя встал, прошёл за котёл. Виталий мирно сопел, повернувшись на правый бок.

«Счастливец! — подумал про него Митя и пошёл обратно к столу.— Ну ладно, пусть дрыхнет, пойду угля к топке подвезу».

Когда он подошёл к тачке, то взгляд его невольно упал на длинный металлический штырь, заточенный с одного конца. Этим штырём его сменщик Генка разрыхлял уплотнившийся уголь. Митя взял штырь в руки, тронул пальцем заточенный конец. «Нет! Нет! Только не это!» — отогнал он от себя дурную мысль. Митя знал от верующих, что в минуты искушений лукавый как никогда близко незримо подходит к человеку и толкает его на преступление. В таких случаях Юля советовала ему читать «Отче наш» или двадцать второй псалом из Псалтыря. Митя выбежал в гараж, встал на колени, но вдруг почувствовал, что напрочь забыл слова псалма. Он попробовал было «Отче наш», но слова путались, язык заплетался.

Неведомая сила заставила Митю подняться с колен и вернуться в котельную. С каждым шагом он обретал какую-то неведомую ему ранее решительность и уверенность в себе. Взяв снова в руки штырь, он быстрыми шагами направился к спящему Виталию. Владелец белоснежной «Короллы» мирно спал, лёжа на спине, сложив руки на груди и посапывая. Митя ещё раз попробовал ладонью остриё штыря, а затем приподнял его над спящим. «Давай!» — шепнул ему лукавый, и рука кочегара опустилась.

Штырь вошёл в тело человека, в самую середину его груди, в паз распахнутого пуховика. Виталий вскрикнул от боли, открыл глаза, чуть приподнялся. Митя выдернул штырь и уже более хладнокровно нанёс второй укол, целясь в горло. Однако рука его дрогнула, и штырь снова впился в середину грудной клетки. Виталий рванулся вперёд, почти сел, обхватил штырь двумя руками, пытаясь вырвать его из груди. Силы оставляли его. Убийца же, пятясь назад, споткнулся о лежавшую на полу кувалду и упал. Но быстро вскочил на ноги, уже не ведая, что творит, схватил эту самую кувалду и что было сил, наотмашь, опустил её на голову истекающего кровью человека.

Потом он выбежал на улицу, добежал до дома, разбудил стучком в окно Юлию. На её вопрос, что случилось, он сказал, что ничего. Быстро взяв из дому большую половую тряпку и стиральный порошок, он так же поспешно удалился обратно.

Виталий был уже мёртв. Он лежал возле топчана с размозжённым черепом, залитый с головы до ног кровью. Вытащив труп на мороз, Митя выгнал «Тойоту», открыл багажник, забросил покойника туда и, прихватив большую лопату, выехал на Московский тракт. Проехав примерно с километр, он оставил машину, вывалил труп из багажника, стянул его с проезжей части в кювет и потащил, волоча за ноги, в поле, по колёно утопая в снегу.

Мела позёмка, следы почти сразу заметало, и Митя решил не ходить далеко. Бросив труп метрах в пятнадцати от дороги, он несколько припорошил его с помощью лопаты снегом и отправился назад. Шёл третий час ночи.

Дальше, удивляясь себе самому, он делал всё хладнокровно. В котельной оттачил в сторону топчан, кровавую лужу забросал углём, тщательно перемешал — следов трагедии и здесь не осталось. Потом набрал в ведро горячей воды, развёл стиральный порошок и отмыл от крови топчан. После того как навёл порядок в багажнике автомобиля, набросал полную топку угля и пошёл домой.

Дома, не давая опомниться Юлии, он приказал ей собираться вместе с ребёнком, зайти к матери попросить денег и к семи утра прийти с вещами в котельную.

— Куда поедет, что ли? — спросила ничего не подозревавшая Юля. — Квартирант твой нас повезёт на новой машине? — она попробовала улыбнуться.

— Да, да, он, — закивал Митя и, захватив с собой чистую одежду, вышел из дому.

Был уже пятый час утра.

Вернувшись в котельную и перетаскав во двор золу от котла, Митя умылся и сбегал в центр села до сменщика. Разбудив того, он попросил его прийти на смену на час раньше.

— Мамаша заболела, телеграмму принесли, — солгал он. — А тут как раз мужик машину перегоняет, оставил её у меня, а сам до Красноярска мотанул. Попросил меня пригнать, адрес оставил. Вот до города на машине и доеду, а дальше автобусом или поездом доберусь...

Как и договорились, к семи пришла Юля с дочкой и большой сумкой с вещами и продуктами, следом за ней появился сменщик.

— А где шофёр-то? — спросила Юля, когда они усаживались в «Тойоту».

— Да за ним мужики заехали, он с ними и уехал, а меня попросил машину пригнать...— соврал и ей Митя.

— А сам что, не мог, что ли? — не понимала Юля.

— Потом всё объясню,— резко бросил Митя и завёл машину.

4. Побег

Обо всём Митя рассказал Юле, когда они выехали за село. Всю дорогу до Красноярска он её успокаивал, а она плакала, причитала, молилась. Юля сомневалась в том, что они смогут беспрепятственно проехать по городу и их не остановит ГАИ. Боялась и того, что Митя плохо водит машину и, не ровён час, всех их опрокинет.

В городе на одной АЗС они подзаправили автомобиль и, благополучно миновав Красноярск, направились в сторону Ачинска. Митя сказал, что первым делом им необходимо заехать к его матери и оставить там машину. Без проблем добрались они до Ачинска, без проблем выехали за город. А тормознули их гаишники уже на одной из улиц Митинового родного городка. Естественно, ни прав, ни документов на машину у них не было. Легенда Мити о мужике, перегонявшем с Дальнего Востока «Тойоту», попавшем в больницу в Красноярске и попросившем его, своего приятеля, поставить временно машину у себя, может, и была правдоподобной, однако работники госавтоинспекции всё-таки решили отогнать автомобиль на штрафную площадку, заявив водителю, что они намерены подождать, когда за ней явится сам хозяин и заплатит энную сумму денег в качестве штрафа.

Дальнейшее происходило в очень и очень стремительном темпе. К Митиной матери они заскочили буквально на полчасика. Митя выпросил денег и, строго наказав родительнице, чтобы она никому не говорила, что они были у неё, первым же

автобусом увёз Юлю с дочкой до Ачинска. Там они купили билет на поезд до Москвы, а прибыв в столицу, на удивление беспрепятственно приобрели билет до Тбилиси. В столице Грузии жили Митины родственники, и он резонно размышлял о том, что Грузии сейчас не до проблем России и вполне можно будет переждать там какое-то время.

Когда они проезжали Чечню, до полномасштабных военных действий на её территории оставалось ещё одиннадцать месяцев, но уже тогда чеченцы не подчинялись московским властям, и, дабы обезопасить пассажиров от частых налётов, ночами поезда, следовавшие по республике, загоняли в железнодорожные тупики.

Тбилиси встретил их уныло. Некогда красивые зелёные улочки и скверы, всегда аккуратно убранные, были теперь запущены до предела. Как всегда, юркие тбилисские таксисты ещё на вокзале сразу признали в них русских, и за довольно умеренную плату вежливый водитель «Волги» доставил их по названному адресу. Как выяснилось потом, в Грузии ценятся российские деньги, на них что хочешь можно приобрести на рынках и в магазинах, а потому, пока в кармане имеется русская «валюта», вход везде открыт.

В Тбилиси они прожили больше недели. Устроиться на работу Мите не удалось. Во всяком случае, на такую работу, какую он хотел. У родственников оставаться тоже не имело смысла. Те жили в большеквартирном доме семьёй из пяти человек, без горячей и холодной воды и практически без электроэнергии (свет включали на три часа в сутки). Митя решил ехать обратно в Россию. На этот раз он наметил путь до Новгорода. Там жил его двоюродный брат, и он надеялся, что брательник поспособствует беглецам.

На обратном пути через Чечню их поезд всё-таки остановили. В вагон вошли несколько бородачей в шерстяных спортивных шапочках и с автоматами наперевес. Потребовав по сто тысяч (по курсу 1994 года) с обычных пассажиров и по

пятьсот с богатеньких, бородачи отобрали у богатеньких и золотые украшения. Юлю с Митей они не тронули. Проверив их скудные денежные запасы, один из грабителей вернул Юле кошелек и, очевидно, пожалев ребёнка, достал из вещмешка две банки сгущённого молока и поставил на стол перед ней. Зато соседа-мужчину, который пытался боевиков обмануть, те «нагрели» изрядно: забрали не только все деньги, но и документы, не забыв прихватить новую меховую куртку.

Юля к сгущённому молоку не притронулась, всю дорогу она молилась, а перед прибытием в Москву стала уговаривать Митю вернуться домой.

— Я буду ждать тебя, Митенька, сколько бы тебе ни дали! — говорила она, плача и причитая, и Митя, после долгих тяжёлых раздумий, согласился.

5. Наказание

Тем временем в Новосибирске родственники Виталия, не дождавшись его ко дню рождения и обзвонив всех его друзей, с которыми он отправлялся в дальний путь за машиной, подняли тревогу. Во все гор- и райотделы милиции от Новосибирска до Канска были разосланы фотографии Виталия и до мельчайших подробностей описана его белая машина.

Позёмка же, сокрывшая в ту ночь следы преступления, следы эти вновь и открыла. Один из проезжавших по трассе водителей заметил в поле что-то подозрительно чернеющее и сообщил об этом в райотдел милиции. Местные сыщики, откопав из снега изуродованное тело, обнаружили в карманах пуховика паспорт и документы на автомобиль «Тойота-Королла». За считанные часы допросив жителей старинного села, в том числе и сменщика Мити, начальник местного угрозыска выстроил близкую к истине версию, и районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту умышленного убийства с целью завладения имуществом.

...В Красноярске Юля стала уговаривать Митю сразу же отправиться в районный центр и явиться в милицию с повинной. Однако тот убедил её в том, что ему необходимо собрать нужные вещи, морально настроиться, а уже утром ехать до райцентра.

— Утро вечера мудренее,— сказал он, и Юля с ним согласилась.

К дому подходили с тревогой в душе. Но когда увидели, что свет в окнах их квартиры не горит, немного успокоились. Однако, когда Митя, стоя на крыльце, зажёл спичку, чтобы осветить Юле, открывавшей замок, кто-то осторожно взял его за плечо.

— Не торопись,— сказал ему голос из темноты.— Сегодня ночевать будешь не здесь...

Районный прокурор, за неимением в штате следователя, провёл лишь один допрос подозреваемого, на котором Митя рассказал всё без утайки. Ну а когда выяснилось, что преступник ещё и дезертир Российской армии, дело тут же было передано в военную прокуратуру Сибирского округа, и на другой день обвиняемого увезли в город. Юля через дежурного милиционера смогла передать мужу только лишь Библию и кое-что из еды.

Суд состоялся спустя полгода после совершённого преступления, уже во второй половине лета. Процесс шёл два дня. По настоянию родственников убитого обвинитель запросил у военных судей высшей меры наказания. А адвокат, беря во внимание все смягчающие факторы, сбивал наказание до двенадцати лет лишения свободы. Мите дали четырнадцать с отбыванием срока в колонии усиленного режима.

Эпилог

Жизнь в неволе Митя переносит болезненно. Как в прямом, так и в переносном смысле. Ездившая по весне к нему на

свидание Юля нашла его сильно похудевшим и побледневшим. Снова плакала, снова причитала, снова убеждала его каждый день читать Библию, постоянно молиться, искать верующих. Митя кивал, соглашался, хотя было видно, что он думает о чём-то своём.

— Не знаю, насколько меня хватит,— сказал он ей на прощание.— Может, и не вытяну весь срок. Ведь за всё содеянное в этом мире нужно платить, и платить не только лишением свободы...

Юля снова плакала. Когда её вывели из комнаты свиданий, она долго сидела на скамейке возле конторы учреждения, а потом медленно пошла к автобусной остановке. Дома ждала её Ниночка, ждала мама, ждала Библия. После всего случившегося Юлия ещё больше и искренней поверила в Бога. Она знает, что Господь даст ей столько сил, сколько необходимо для того, чтобы не сломаться и воспитать дочь, чтобы помогать матери и самой зарабатывать на жизнь. Она верит, что у неё хватит сил дожидаться окончания Митинога срока, вот только не уверена в том, хватит ли сил на это у Мити...

1995–1996

КРЕМАТОРИЙ БАБУШКИ ПРАСКОВЬИ

Из цикла «Криминальные истории»

Стас повалил её на кухонный стол и сдавил горло мёртвой хваткой. Людмила пыталась кричать, разжать его руки, силы оставляли её, перед глазами замелькали круги и тёмные пятна, яркая электрическая лампочка, висевшая под низким потолком, медленно угасла.

— Ма... ма... ма... — беззвучно, едва шевеля сухими губами, пыталась позвать она на помощь.

Неожиданно руки Стаса ослабли, он разжал пальцы, низко наклонился над ней, его тело скользнуло по краю стола и, словно куль с картошкой, плюхнулось на пол. Людмила пришла в себя и, откашлявшись, увидела лежащего на полу в луже крови Стаса с пробитой головой и стоящую над ним мать с топором в руке.

— Ма... мама... что... что теперь? — тихо спросила она.

— Ничего, дочка, я сделаю так, что его никто не найдёт, — уверенно сказала старуха.

1.

Личная жизнь у Людмилы сложилась неудачно. Симпатичная, без комплексов, немного озорная девчонка выскочила замуж в неполных семнадцать, на другой день после выпускного школьного бала, за возвратившегося по весне из армии Володю. Прожили молодые недолго: во второй половине сентября того же года Володю убили на утиной охоте. Следствие установило, что убили случайно, по неосторожности. Зиму Люда отработала нормировщицей в леспромхозе, а ближе к лету уехала в город и поступила на учёбу в торговый техникум. В техникуме ей учёбу завершить не удалось, вернулась через год, но уже не одна, а с маленькой дочуркой на руках. Об отце ребёнка она никому ничего не говорила.

— Не нужен он нам, я сама Верочку выращу, сделаю из неё человека, а об этой гадине, клянусь, она ничего никогда не узнает, — только и сказала она матери.

Работать пошла снова нормировщицей на участок ЛПХ: подсчитывала вывезенные и заготовленные кубометры древесины,

учитывала норму вывозки леса каждого из водителей. Там же, на участке, и познакомилась она с Алексеем из посёлка Дальний. Алексей несколько раз подвозил её после работы до дома на лесовозе, заходил к ней попить чайку, дважды оставался с ночевой. Ну а потом на горизонте появилась Лёшина жена. Она закатила в конторе леспромхоза грандиозный скандал, оттаскала Людмилу за волосы, побила окна в квартире соперницы, пообещав, что если ещё раз Люда позарится на её мужа, то она вообще сожжёт дом вместе со всеми постройками и хозяйкой в том числе.

2.

Стас шёл по жизни, казалось, легко и непринуждённо. Родился он в Прибалтике, от матери-эстонки унаследовал стремление быть всегда первым и добиваться поставленной перед собой цели любыми способами и путями, а от русского отца — желание время от времени расслабиться с бутылочкой-другой спиртного в компании, иногда уйти пусть в непродолжительный, но всё же запой.

После службы в Вооружённых силах Стас решил остаться в Сибири. Несколько лет работал на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Больших денег не скопил, постоянного жилья не получил, семьёй не обзавёлся. Более того — чуть не угодил под следствие в результате пьяной стычки, как принято говорить, с лицами кавказской национальности. Дело, правда, тогда замяли, но Стасу пришлось рассчитаться и в срочном порядке покинуть «стройку века». В таёжном же посёлке, где жила Людмила, он появился за год-полтора до описываемых событий, поселился в общежитии леспромхоза, стал работать в бригаде вальщиков леса. С Людмилой они познакомились по весне в конторе ЛПХ, когда возле лесхозовской кассы скопилось в ожидании полочки большое количество народа и Стас пропустил Людмилу вперёд под неодобрительные выкрики работников лесозаготовительного участка. Затем, встретив Люду в сельпо, он помог ей донести до дому сумку с продуктами, а спустя неделю пришёл к ней в гости, прихватив коньяк, шампанское и коробку конфет. Пришёл и остался.

Нельзя сказать, что с самого начала жили они в ладу да в миру, а уж затем стали выяснять отношения. Нет. Разногласия у них появились едва ли не с первого дня совместной жизни. Уже через неделю Стас приревновал Людмилу к водителю лесовоза из посёлка Дальний, а примерно через месяц приложил ей свою «печать» кулаком под левый глаз. Когда же Людмила выставила его вещи за дверь, Стас стал раскаиваться, просить прощения, купил Людмиле дорогие духи, а Верочке новый портфель. И Люда его простила. Ну а коль один раз, то уж, как повелось, уступит и во второй, и в третий...

Во второй раз, когда Людмила допоздна задержалась у подружки, Стас, уже привычно врезав ей под глаз, не стал покупать в качестве примирения и компенсации ни духов, ни нового портфеля, а, отоварившись бутылкой водки, демонстративно выпил её один в присутствии Людмилы. Закусил салом и улёгся спать.

В третий раз инцидент с рукоприкладством возник в результате того, что Людмила пришла с работы, по мнению Стаса, слишком поздно и к тому же с запахом спиртного, объяснив, что они отметили после смены день рождения бригадира. Тогда Стас поколотил её основательно: Людмила встала на другой день не только с синяками, но и с распухшими губами и следами крови на одежде. Конечно же, она пыталась кричать и указывала сожителю на дверь, но тот молча сгрёб её большими ручищами и повалил на кровать. Затем он сходил за бутылкой, приказал Людмиле выпить целый стакан и снова уложил её в постель.

Глядя на такую жизнь дочери с новоиспечённым зятем, пьянство и бесцеремонность в отношениях, бабка Прасковья забрала Верочку к себе, а в доме Людмилы всё чаще происходили стычки и разного рода потасовки, звенела побитая посуда и разлетались вдребезги оконные стёкла. Несколько раз дочь убегала из собственного дома, ночевала у матери. Стас пытался за ней приходить, но Прасковья ему не открывала, а вынести оконные рамы в доме тёщи зятёк не решался.

3.

В тот день, двадцать третьего февраля, ссора вновь вспыхнула на пустом месте. Практически из-за ничего. Стас отдыхал,

лёжа на диване, и смотрел телевизор. К этому времени он был уже уволен с предприятия за прогулы по тридцать третьей статье КЗОТ и не имел ни копейки денег. Людмила хлопотала на кухне за приготовлением ужина и словно невзначай сказала о том, что к девяти часам вечера её пригласили на торжественное собрание, посвящённое Дню защитников Отечества.

— Мужиков поздравлять будем. Подарки дарить.

— А мне что подаришь? — спросил её Стас.

— Что я тебе могу подарить? Так перебежься. Бутылку взяла, и хватит. Сиди да пей. Закуски хватит.

— Подари хоть поцелуй, — попросил бывший защитник Отечества.

— Ещё чего! С рюмкой целуйся. Ты водку больше, чем меня, любишь.

Слово за слово. Первыми нервы не выдержали у Стаса, и он запустил в Людмилу Верочкиной куклой. Та отправила куклу обратно, и она угодила Стасу в лоб. Сожитель рассвирепел и набросился на хозяйку с кулаками. Людмила вывернулась и, в чём была одета, убежала на улицу. Стас — следом. Преследуемая побежала к дому матери (благо дом находился напротив). Преследователь не отставал. Он догнал её уже на кухне у бабки Прасковьи, повалил на стол и начал душить. Старуха, естественно, не могла спокойно смотреть на то, как убивают её дочь, а потому схватила лежавший за печкой топор и со всего размаха хладнокровно ударила Стаса обухом по загривку. Тот обмяк и, словно куль с картошкой, тяжело плюхнулся на пол...

4.

Вдвоём с Людмилой они вытащили труп на улицу. Было уже совсем темно, и старуха зажгла свет над входом на веранду, затем поставила в наклон к крыше веранды две толстые доски, привязала верёвку за брючный ремень покойника, с помощью лестницы забралась на веранду и, потягивая за верёвку, стала затягивать труп Стаса по доскам на крышу. Людмила, как могла, помогала ей снизу. Не без труда они затащили тело на чердак. Затем Прасковья

затёрла следы убийства в кухне половой тряпкой, а тряпку забросила в горящую печь.

— По частям гада жечь буду,— сказала она дочери.— Через месяц и следа не останется. А тебя кто спросит — скажи: уехал, мол, работу искать. Никому он не нужен, и разыскивать его никто не будет. Так что не бойся... Делай вид, что ничего не произошло.

На следующее утро едва только рассвело, как бабушка Прасковья, закрыв ворота на все запоры, взяла в руки остро наточенный топор, забралась на чердак и отсекала окоченевшему покойнику руку по локоть. Потом она положила руку вместе с дровами в печь, облила соляркой и подожгла. Когда огонь в печи хорошо разгорелся, бабулька подбросила в топку уголька. Появившийся было запах палёного мяса и костей перебил запах угольный, и когда в печи сгорели все дрова и уголь, вместе с золой Прасковья выгребла останки обугленной кости. Всё это она сложила в ведро и вынесла на огород, решив по весне закопать в землю.

Ближе к вечеру бабка Прасковья разожгла печку ещё раз и спалила в огне вторую руку дочкиного тирана. На следующий день она принялась за ноги, затем за бёдра, ягодичы, туловище. Голову мучителя она решила оставить напоследок. За время работы своего домашнего крематория бабушка Прасковья настолько привыкла к запаху палёного мяса, что практически его не ощущала. Ей казалось, что солярка и уголь полностью его перебивают, но зашедшая как-то к ней соседка убеждённость её рассеяла.

— Да у тебя никак, Прасковья, мясо подгорело? — спросила она едва ли не с порога.

Прасковья согласилась: да, недоглядела,— и нашла причину, чтобы поспешно выйти из дому вместе с соседкой.

С того времени она начала разжигать свой «крематорий» лишь по вечерам, предварительно закрывшись на несколько запоров и спустив собаку с цепи во двор.

Казалось, что дело шло к завершению и, по плану бабки Прасковьи, к середине марта должно было быть завершено. Однако...

Однако после праздника Восьмого марта Прасковья приболела и обратилась в участковую больницу. Оттуда её направили

в больницу районную, а оттуда — в краевую. Там, в Красноярске, деревенская пожилая женщина, переходя по неосторожности улицу на красный свет, попала под колёса иномарки. Её доставили в городскую больницу скорой медицинской помощи, где она и скончалась, не приходя в сознание.

Бабушку Прасковью похоронили двенадцатого марта, и Людмила, забрав собаку и поросёнка к себе в хозяйство, с того дня ни разу не заходила во двор материнного дома. Про Стаса никто её не спрашивал, но чувство страха никак не оставляло её. Теперь она одна оставалась свидетельницей той февральской трагедии и знала, где находятся останки её бывшего сожителя. Впрочем, насчёт останков она не была точно уверена, потому как не знала, закончила мать сожжение трупа или нет.

Наступила весна, затем лето. Бесхозный, заброшенный дом бабушки Прасковьи, казалось, не только погрузнел, но и как-то ссутулится. Изгородь его покосилась, а кто-то из сельчан, выбрав удобное время, вытащил в доме оконные рамы и поотрывал двери в сарае. Когда приблизилась пора сенокоса, во дворе Прасковьиного дома стали собираться стаями деревенские бродячие собаки и как-то странно лаять и выть. Это привлекло внимание жившего по соседству фронтовика, деда Тимофеева, и он, как бывалый разведчик, обследовал сарай, дом, веранду. Забрался и на чердак, где и обнаружил засиженный мухами уже разложившийся бюст человека и море засохшей крови. Вызвали участкового и сотрудников райотдела милиции. Первым делом, конечно же, в число подозреваемых попала Людмила. Её вызвали на допрос, и она, перепуганная до смерти, сразу всё рассказала.

В отношении Людмилы было возбуждено уголовное дело за сокрытие преступления. Дело даже дошло до суда, который состоялся в конце сентября. Суд продолжался менее часа. Взвесив все «за» и «против», выслушав свидетелей, он вынес приговор, по которому наказание, определённое Людмиле, не было связано с лишением свободы.

ЗАХВАТ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Из цикла «Криминальные истории»

В селе эту историю вспоминают неохотно. Одни считают, что трагедия произошла по глупости деда Павла, и если бы не его выходки, то Виктор никогда бы не решился на столь отчаянный штурм. Другие говорят, что не надо было реагировать на ультиматум старика, поднимать лишний шум, а просто-напросто проигнорировать требования. «До вечера бы посидел на почте да домой ушёл — спать...» — уверенно утверждают они. Третьи, умудрённые жизненным опытом пенсионеры-ветераны, тяжело вздыхая, констатируют, что если бы не эта почтовая акция с захватом, проведённая их односельчанином и закончившаяся трагично, то кто знает, насколько бы ещё задержали им выдачу пенсии, а теперь вот вовремя выдавать стали... По строго утверждённому графику...

Вот именно с неё то, с этой самой не выданной вовремя и задержанной более чем на полмесяца пенсии, и началась вроде бы сначала шутливая затея с угрозами, впоследствии принявшая серьёзный оборот и закончившаяся похоронами и открытием уголовного дела...

К задержкам пенсии в селе привыкли. Российские пенсионеры в большинстве своём народ запасливый и экономный, а потому, разок-другой «проколовшись» на невыплатах денежных пособий, ветераны быстро приловчились выданные пособия экономить, растягивая полученные за один месяц тыщи на две, три, а то и четыре тридцатидневки.

Экономными были и дед Павел с бабушкой Алёной. Несмотря на почтенный возраст, старики содержали большой огород, кур, цыплят и ежегодно покупали в совхозе по льготной цене парочку поросят. Так что сальце-мясце своё имели и не голодали. Ну а накануне же нижеописанных событий решил дед Павел, что называется, с помпой отметить день своего рождения. И не просто очередной день рождения, а юбилей.

— Семьдесят пять лет от роду один раз в жизни бывает,— сказал он бабке Алёне.— Закачу я пир на зависть всем соседям, так что, старуха, вари хлебного самогону, да такого, какой с матерью твоей, покойницей, вы на нашу свадьбу в сорок седьмом варили. Не разучилась ещё?..

Бабка Алёна не разучилась. Науку самогонварения, передающуюся из поколения в поколение и на ней, скорее всего, заканчивающуюся, она знала крепко и забыть её не могла, лишись даже дара речи или зрения. В общем, дело это она знала, и дело это её не один раз выручало. Особенно в послевоенные годы и годы перестройки, когда за пол-литра хлебной им с дедом Пашей не то чтобы помогли с сенокосом и заготовкой дров, не то чтобы крышу починить взялись — дом бы новый выстроили...

В общем, баба Алёна нагнала десятилитровую бутылку самогона, наварила большущий чугунок пельменей, нажарила сотни котлет, наготовила разного рода салатиков-винегретиков и пригласила на именины мужа жителей двух близлежащих улиц, родственников и близких знакомых. Гуляли и поздравляли юбиляра два дня — субботу и воскресенье. Имениннику подарили несколько рубашек, маек и настенные часы. Зам. главы районной администрации торжественно преподнёс юбиляру свидетельство о передаче в личное пользование закреплённого за ним земельного надела и пообещал поспособствовать в том, чтобы дед Павел получал пенсию без задержек и одним из первых в населённом пункте. Сам виновник торжества развлекал гостей игрой на гармошке и исполнением самолично сочинённых частушек. Попробовал он было пуститься и в пляс, но это оказалось ему уже не под силу. Всё-таки семьдесят пять — далеко не юношеские годы...

В общем, за два дня гости ухлопали за столом все мясные, овощные и спиртные запасы, и самые стойкие из них разошлись по домам уже в ночь на понедельник. В первый же день новой недели дед Павел, проснувшись с большой головой, подался в

почтовое отделение, где ему заведующая почтой, родная сестра бабки Алёны Полина, сообщила, что денег нет и в ближайшие дни не предвидится.

— Пойду в сельсовет,— сказал ей бывший именник.— Мне заместитель пообещал без задержек пенсию выдавать, пускай обещание выполняет...

Однако зама на месте не оказалось. Как выяснилось, они с сельским головой уехали в город по каким-то там районным делам. Этот факт, видимо, сыграл не последнюю роль в том, что произошло впоследствии. Заместитель главы сельской администрации, бывший директор местной неполной средней школы, пользовался в селе большим авторитетом и был уважаем, в том числе и дедом Павлом, и будь он в то время в селе, наверняка бы ветеран нашёл с ним общий язык. Но...

Но уважаемого человека в селе накануне события местного масштаба и во время его действия не оказалось...

Вечером на ужин баба Алёна поставила перед мужем пресную похлёбку, каковой он не едал уже добрых три десятка лет, и хлеб собственной выпечки из чёрной муки.

Дед Павел, пару раз окунув ложку в тарелку, отодвинул похлёбку в сторону и направился к дивану — «на боковую».

Перед программой «Время» посмотреть очередную серию латиноамериканского сериала пришла, закончив дела на почте, свояченица Полина. Сёстры по ходу фильма без умолку говорили, не обращая, казалось, внимания на телеэкран и действуя на нервы деду Паше, который не мог уснуть, ворочался с боку на бок и поскрипывал пружинами дивана. Поняв, что уснуть ему не удастся, перед самым началом информационной программы старик заварил крепкого чаю и, усевшись у телеэкрана, стал лицезреть последние новости.

Добрая половина теленовостей была посвящена сообщениям из горячих точек СНГ, Европы и мира. В одном месте снова объявили голодовку не собирающиеся выходить на поверхность шахтёры. В другом — бастовали педагоги и врачи-стоматологи.

В третьем — террористы взяли в здании посольства заложников и выдвинули властям ряд требований.

— Давай, бабка, я тебя в заложники возьму,— пошутил, прихлёбывая из фарфорового бокала горячий чай, дед Павел.— Потребую всю пенсию до конца года наперёд. Как думаешь, дадут?

— Да ну тебя, баламута! Наговоришь что попадая с большой головой,— отреагировала баба Алёна, снова пытаюсь включиться в разговор с сестрой, но гостя вдруг загорелась.

— Слушай, Паша, а ты меня в заложницы возьми, прямо на почте. Давай завтра закроемся там, и выдвигаю требования,— улыбнулась ещё моложавая, несмотря на свой пенсионный возраст, Полина, вспомнив, очевидно, свою озорную молодость.

— Да перестань ты, Поля! На старости лет отправишь деда в тюрьму.

— Да кто его посадит? С него уже песок сыплется...— засмеялась Полина.

— Это с кого песок сыплется? — не на шутку вскипел дед Паша.— Я вас сейчас обоих в подпол спроважу и закрою на недельку! Будете у меня!..

— Ну-ну-ну! Угомонись, тебе говорят! — взяла в руки скалку баба Алёна.— А ты, Полька, не возбуждай старика.

— А он что у тебя, ещё и возбуждению подлежит? — продолжала хохотать от души Полина.— Ну возбудись, Паша, возбудись! Возьми ружьё — и айда завтра на почту!..

Бабе Алёне пришлось приложить немало усилий, чтобы урезонить сестру с мужем и перевести разговор на другую тему, после чего сёстры проговорили ещё часа полтора. Дед же Павел, решив заняться делом, вынес в сарай корм поросётам, подмёл мусор на крыльце, а затем снова отправился на диван. Тема вооружённого захвата почты вроде бы забылась окончательно, однако, уходя, Полина заглянула в комнату, где отдыхал дед Павел.

— Ну, Паша, решайся — попугай начальство. А за себя не бойся — ничего тебе не будет. Как-никак ты же фронтовик. Зашевелятся, небось, с пенсией потом.

Дед Павел в ответ на её слова молча махнул рукой, а Полина снова громко захохотала и ушла. Но слова её всё же запали ветерану в душу.

На другой день с самого раннего утра дед Паша не мог найти себе места. Вычистил навоз в загоне у поросят, переложил во дворе поленницу дров, хлебнул горяченького чая, и уже ближе к полудню, надев на себя новенькую (из подаренных на день рождения) рубашку, пиджак с орденскими планками (фронтовик как-никак), нахлобучив на голову шляпу, направился к почте.

— Ты что без ружья-то? — спросила его скучающая без посетителей Полина.

— Да ещё вроде бы не совсем рехнулся по деревне с двустволкой ходить... — ответил дед Паша, усаживаясь в кресло у журнального столика.

— Ну ладно, у меня Витькино дома висит... Возьмёшь его, — сказала вполне серьёзно свояченица. — На авторучку, пиши требование.

— Какое ещё тебе требование?

— Пиши: «Требую выдачи пенсионного пособия по старости для себя лично и всех пенсионеров села». Понял? Нет, допиши: «законного пенсионного пособия». Положенного по закону. Внизу ещё допиши: «В случае невыполнения требования из почты не выйду и заложника не выпущу». И подпись поставь.

— Да брось ты. Засмеют потом...

— Никто не засмеёт. Наоборот, поддержат, — заверила Полина. — Ладно, я знала, что ты требование писать откажешься, — заранее на машинке напечатала. Сейчас я тебе ружьё принесу, закрою на ключ, и давай звони по телефону.

— Куда звонить?

— Как куда? В сельсовет, в район — пусть знают о требовании.

— Нет, нет, до добра это не доведёт! — замахал обеими руками дед Павел и направился было к выходу, но Полина резким окриком его остановила.

— Да мужик ты или не мужик?! — вскричала она. — Фронт-овик ещё называется! Небось, только по окопам от фрицев и прятался!..

— Ты, Полинка, не трожь душу мою! Не бери её. Сейчас не то время, не война!

— Хуже, чем война! Нельзя с таким безобразием мириться, действовать надо, понял?! Выпей сто граммов для храбрости и действуй, коль по-трезвому не можешь.

— А! — снова махнул рукой пришедший в возбуждение дед Павел, осушая поднесённую ему Полиной рюмку водки. — Тащи сюда ружьё.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Полина, не теряя времени, вначале позвонила в сельскую администрацию и сообщила участковому, что взята в заложники. Участковый ей не поверил и призвал прекратить глупые шутки. В районной администрации тоже не сразу поняли, к чему работница почты клонит.

Видя такое дело, Полина решила дозвониться до РОВД, где в госавтоинспекции работал её сын Виктор. Дежурный по отделу сообщил ей, что Виктор выехал на задание. Информацию же о взятии зав. сельской почтой в заложницы он понял по-своему и в докладе начальнику районной милиции сказал, что сельская почта захвачена вооружёнными преступниками. Начальник РОВД к этому сообщению отнёсся ещё более серьёзно и самолично выехал с группой вооружённых милиционеров на место захвата.

Примерно через час после этого, когда здание почты со всех сторон было обложено милиционерами, начальник РОВД позвонил на почту по телефону и предложил «террористу» сдаться, сложить оружие и выйти с поднятыми руками.

— Мы рассмотрим ваши требования, — сказал он. — Выходите. Разберёмся по-мирному.

Дед Павел, перепуганный не на шутку, собрался было выполнить требования милиции, но Полина осадила его, сказав, что с пенсией их обманут и никто ничего не получит.

— Держись до конца и требуй приезда на переговоры главы района. Требуй гарантий,— уверенно наставляла она свояка, подавая «для храбрости» террористу не по своей воле ещё одну стограммовую рюмку с водкой и солёный огурчик.

Хлопнув «сотку», «террорист» изложил дополнительные требования.

В ответ на это начальник милиции дал старику на размышление полтора часа. По телефонному разговору с «захватчиком» майор понял, что тот немного подвыпивши и наверняка держит при себе бутылку, и вполне резонно рассчитал, что бутылку эту, как истинно русский человек с широкой натурой, дед Паша за час-полтора приговорит и, скорее всего, либо сдастся развесёлым, либо уляжется спать на почтовом диване.

Однако случилось непредвиденное. Сын неугомонной Полины, инспектор дорожно-патрульной службы Виктор, вернувшись с задания и узнав от дежурного о захвате почты в его родном селе, не сдав табельного оружия, не сняв бронежилета и не поставив никого в известность, помчался на милицейских «Жигулях» на выручку матери.

Не задумываясь о том, кто мог захватить почту и сколько захватчиков держат его мать под прицелом огнестрельного оружия, Виктор решил действовать неожиданно и мгновенно. Почта находилась в одном здании с квартирой, где проживала мать и где он провёл не один год своей жизни. Естественно, знал он о потайной двери, соединяющей почту с квартирой. С одной стороны дверь эта была завешена ковром и заставлена кроватью, а с другой, почтовой, заклеена большущим сбербанковским плакатом, у которого стоял полутораметровый сейф.

Поставив машину за огородом, Виктор незаметно для находившихся в засаде и уже ослабивших наблюдение милиционеров пробрался к дому, успокоил ринувшегося к нему, приветливо виляющего хвостом пса, бесшумно открыл входную дверь. Затем он на цыпочках прошёл в комнату, снял ковёр, тихонько отодвинул кровать и так же тихонько попробовал приоткрыть

дверь, ведущую в почтовое отделение. Не открывавшаяся годами разошедшаяся дверь, скрипнув, поддалась, Виктор, резко потянув её на себя, в одно мгновение разорвал сбербанковский плакат, отделявший его от матери и террориста, перевернул сейф и, вскинув двумя руками пистолет, профессионально всадил пулю в лоб повернувшемуся на шум, сидевшему за столом и допивавшему поллитровку дядюшке...

В селе предпочитают эту историю не вспоминать. Во всяком случае, вслух говорят о ней не очень охотно. Сразу после всего случившегося бабка Алёна обвинила во всех грехах Полину и написала на сестру заявление, которое подала в сельский совет. «За подстрекательство», — как говорила она местному голове. Однако после похорон мужа бабулька заявление из сельского совета со словами: «Пашу всё равно не вернёшь...» — забрала. Что касается Виктора, то районная прокуратура возбудила против него уголовное дело, его отстранили от работы и вручили до решения суда подписку о невыезде за пределы района. Полина же после этого случая сдала дела на почте более молодой коллеге и ушла, как говорили раньше, на заслуженный отдых. А пенсию, как уже было сказано выше, теперь в посёлке выдают без задержек.

Красноярск, 1997

НАЛЁТЧИКИ

Из цикла «Криминальные истории»

Коммерсанта пытали четыре часа без передыху. Пытали на глазах жены и пятилетней дочери. Когда горячий утюг прикладывали к плечам, груди и коленям, Борис стонал и мычал от боли. Кричать он не мог, ибо рот его был плотно заклеен большим пластом клейкого материала, похожего на лейкопластырь. Всё это время Борис стоял в дверном проёме, разделяющем зал и спальню, привязанным бельевой верёвкой за руки и ноги к прочно забитым в косяки дюбелям.

Супруга его Люся сидела в углу зала в кресле, всхлипывая и прижимая к груди лежавшую у неё на коленях перепуганную дочурку. Рядом с ней на полу, подложив под голову подушку, возлежал здоровяк Мерин с милицейской дубинкой в руках. Он следил за тем, чтобы Люся вела себя спокойно, и, по необходимости, сопровождал её до туалета и на кухню.

Допрос и пытки над новым русским производил Петюня, восседавший на стуле напротив жертвы и через каждые пять минут повторявший:

— Добром просим, поделись с народом.

Чуть в стороне от него, устроившись на широком подоконнике, дремал Наркоша, то и дело открывающий глаза и спрашивающий:

— Ну что, Гвоздь, может, кончать будем?

Но, не получив ответа, вновь смыкал веки.

Сам Гвоздь всё это время молчал. Развалившись на диване, он крутил по видуку по второму разу «Основной инстинкт» и попивал мелкими глотками портвейн из горлышка литровой бутылки. Время от времени Петюня подходил к журнальному столику, стоявшему у телевизора, открывал бутылку с коньяком, наливал спиртное в пятидесятиграммовую рюмочку, осушал её, а затем, наполнив вновь, подносил поочерёдно Мерину и Наркоше.

Примерно каждые полчаса погреться коньяком заходил в особняк стоявший на стрёме Мизгирь. Он докладывал о том, что

вокруг всё спокойно, выпивал причитающиеся ему сто граммов и, взяв из вазы горсть конфет, снова удалялся на пост.

Когда Гвоздь досмотрел фильм до конца, часы показывали начало шестого.

— Решай, пахан, что делать. Пора уж и до берлоги двигать,— снова проговорил с подоконника Наркоша.

Гвоздь молча поднялся, выключил видик, сделал очередной плоток из бутылки, достал из пачки сигарету «Мальборо». Подскочивший к нему Петюня услужливо поднёс зажигалку. Гвоздь одобрительно кивнул, прикурил, с наслаждением вдохнул полной грудью дым, тут же выпустил его стайкой колечек и подошёл к распятому Борису.

По его сигналу Петюня освободил жертве рот.

— Ну как, Борис Васильевич, по-хорошему «зелёные» отдашь или помирать будешь? — медленно произнося каждое слово, проговорил пахан.

— Нету их у меня,— тяжело выдохнул коммерсант и застонал.

— Значит, говоришь, в недвижимость всё вложил? — Гвоздь снова плотнул из бутылки и затянулся дымом от сигареты.— Ну, раз нет живых бабок, превратим тебя в недвижимость.

Бориса придушили прямо в комнате, телефонным шнуром. Сделал это за какую-то минуту Мерин, предварительно сопроводив в подвальное помещение и закрыв там на несколько запоров жену и дочь коммерсанта. Пока загружали заднее сиденье и багажник «Москвича» ценными, на взгляд Гвоздя, вещами — видеоаппаратурой, норковыми шубами, флягами с мёдом и коробками с коньяком,— пахан сложил в сумку несколько золотых украшений, обнаруженных им при обыске дома, и четыре «лимона» неденоминированной налички. Наркоша в это время выгнал из гаража пятисотый «Мерседес», и вместе с Петюней они забросили труп в багажник иномарки.

— Что с бабой и пацанкой делать будем?— спросил Мерин, когда все были готовы к отъезду.

— Пусть поживут пока в подвале,— сказал, пытаясь добродушно улыбнуться, Гвоздь,— подарим им жизнь. Мы же ведь не изверги какие. Запасов солений и варений им на недельку хватит, а там, может, кто и отыщет их. Ну а про нас бабёнке говорить не резон. Жить-то, небось, охота.

Мерин махнул рукой: мол, тебе виднее,— и полез в «Мерседес».

Первым выехал из ворот особняка «Москвич», управляемый Петюней и руководимый Гвоздём. Держа интервал метров в семь-восемь, за ним следовал «мерс». Когда миновали особняки и спустились с холмистой дороги на одну из улиц города, Гвоздь приказал Петюне остановиться и, выйдя из машины, собрал всех вокруг себя и посвятил в дальнейшие планы.

— Значит, так: рисковать всем незачем. Мы с Мизгирём доберёмся сейчас до автовокзала и в деревню поедем автобусом. Вы же катите до Берёзовки, там постарайтесь объехать пост ГАИ и добраться до рощи за посёлком. В роще обольёте бензином «мерс» и спалите его вместе с трупом. До берлоги доберётесь на «Москвиче» вместе с товаром. По пути не пить. Гулять будем на месте. Скажите матери, чтобы приготовила хорошей закуски. Пьём два дня. Потом день на подготовку, а в среду нужно быть всем в форме.

Гвоздь щелчком отбросил в сторону остатки докуренной почти до фильтра сигареты и ткнул указательным пальцем в грудь Наркоши:

— А ты чтобы у меня не ширялся. К понедельнику, край — ко вторнику, чистым нужен. В город поедешь раньше нас.

— Да что ты, Гвоздь, у меня и наркоты-то нет. Травку даже не курю. На спиртное давно перешёл. Сам ведь знаешь,— задёргав руками и плечами, стал оправдываться Наркоша.

— Ладно, по коням — и вперёд,— благословил поделщиков главарь.— Отчаливайте, пока только начало светать. Мы с Мизгирём пошли на автобусную остановку.

Было раннее воскресное утро, когда два легковых автомобиля взяли курс из краевого центра в направлении одного из таёжных поселков, стоявших в стороне от Московского тракта. К этому же посёлку спешили более безопасным путём еще два участника бандитской группы — главарь Гвоздь и преданный ему личный шнырь и телохранитель Мизгирь.

Банда налётчиков после очередного дела возвращалась в свою берлогу. Возвращалась, чтобы затаиться на время, отдохнуть и подготовиться к дальнейшему путешествию и новым делам.

На протяжении неполных двенадцати лет Гвоздь совершил четыре ходки на зону. Первые две из них были, по нынешним понятиям, ерундовые и пустяковые и наверняка не стоили и выеденного яйца.

В советское время, в начале восьмидесятых, Лёня Корин, ещё не будучи Гвоздём и рецидивистом, преспокойненько работал себе вальщиком в передовой бригаде лесозаготовителей и не думал, не гадал, что ждёт его судьба незавидная. Работал хорошо, был даже передовиком и нередко получал премии за перевыполнение плана. Зарабатывал он неплохие деньги и как охотник-заготовитель, уходя ежегодно на пару недель, а то и на месяц в тайгу за соболем. Выполняя договор, заключённый с охотобществом, сдавал определённое количество шкурок пушных зверьков в заготконтору. Имел зарегистрированное ружьишко, которое потом и оказалось прямой и косвенной причиной его первого срока.

Может быть, и остался бы Лёня до сих пор мужиком-работягой, каковых и сейчас живёт немало в манских посёлках, если бы не тот случай.

А вышло вот что. Как-то раз в канун Нового года пришёл к Корину слегка подвыпивший сосед и попросил помочь ему завалить борова.

— Мать, понимаешь, к сестре уехала, в город, а мне к Новому году и фаршу накрутить надо, и сала насолить,— говорил

сосед.— Помочь некому. Давай из твоего ружья кабана замочим, свежинкой угощу.

Упрашивать Лёню долго не надо было: взял он ружьё, зашёл в стайку к соседу и хряка пристрелил. Вместе с соседом они осмолили поросёнка, разделали тушу, нажарили мяса и печёнки. Сердобольный сосед достал из подполья банку самогона, солёных помидоров и огурцов, и они дуэтом помянули кабана.

Естественно, осилить вдвоём в течение дня трёхлитровую банку первача, даже под хорошую закуску, заготовителям свинины было явно не под силу, и они, немного отдохнув, продолжили кушание с питием весь вечер и всю ночь. Ну а наутро застала их спящими на полу у стола, в одежде и обуви, вернувшаяся из города хозяйка. Смекнув, в чём дело, она подняла крик и вой на всю улицу, оплакивая погибшего поросёнка, которого, как говорила, собиралась держать до февраля и никакого разрешения на убийство не давала. Пришедший в себя первым её сын свалил всё на спавшего Лёню, сказав, что тот пришёл к нему пьяным, с ружьём и нечаянно пристрелил кабана. Недолго думая, хозяйка побежала в сельский совет и накатала заявление на Корина местному участковому. Участковый же, решив прояснить ситуацию, поспешил на место происшествия, где и втолковал ещё не совсем протрезвевшему охотнику, в чём тот, собственно, обвиняется. Уяснив наконец, какое обвинение на него пытаются навесить, и видя, с каким упорством сосед пытается огородить себя от участия в убиении поросёнка и свалить всё на него, Лёня не нашёл ничего лучшего, как взяться за ружьё и пригрозить собутыльнику в присутствии представителя закона смертельной расправой за клевету. Видя такое дело, участковый ружьё у охотника отобрал и, дабы успокоить его окончательно, вызвал из районного центра милицейский наряд. Когда же опергруппа прибыла в посёлок, Лёня на добровольную сдачу властям не пошёл и при задержании оказал милиционерам некоторое сопротивление. В результате вместо детальной разборки на месте и, в худшем случае, уплаты денежного штрафа на Лёню были заведены два уголовных дела:

за убийство соседского поросёнка и угрозу жизни соседа. Хотели было приписать ему ещё и сопротивление властям, но по просьбе участкового ограничились двумя статьями уголовного кодекса. Суд приговорил передового вальщика к полутора годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии общего режима.

За полтора года, проведённых в местах лишения свободы, насмотрелся Лёня на всякое. Увидел жизнь в таких неожиданных ракурсах, о существовании которых никогда и не подозревал. Вернулся он в посёлок уже совсем другим человеком: раздражённым, порой несдержанным и даже злым. На прежнее место работы — в орденоносный леспромхоз — его, естественно, не взяли. Устроился разнорабочим в совхоз. Работал на мехтоку, помогал разгружать корма на ферме и загружать на машины фляги с молоком. На МТФ второго отделения и познакомился он с доярочкой Галкой. Небольшого росточка, подвижная, рыжеволосая тридцатилетняя бабёнка, оставив двоих ребятишек на воспитание старухи-матери, вскоре перебралась в дом к Лёне.

И всё было бы оно ничего, если бы примерно месяцев через семь совместной их жизни не стал Леонид замечать, что приходит иногда с работы Галина слегка пьяненькой, что не брезгует она порой и мужскими компаниями, где её и тискают, и хлопают по тем местам женской фигуры, каковые скромная женщина должна надёжно прикрывать, а при необходимости защищать.

Однажды Лёня не выдержал и после эмоционального словесного внушения сделал сожительнице внушение действием. Наставив ей синяков и шишек, выгнал в лёгкой одежонке из дому на мороз. Мать Галины потребовала от дочери срочно написать заявление в милицию, та сначала артачилась, но когда пришла на ферму и вместо сочувствия услышала от подруг насмешки, тут же помчалась в сельский совет.

Новый, молоденький, из городских, участковый долго разговаривать с Лёней не стал. Был судим, с потерпевшей не расписан, а значит, никаких семейных разборок, грозящих

пятнадцатисуточным арестом, быть не может. И оформил Корину «хулиганку». На сей раз дали бедному Леониду уже два года и, как повторно судимого, отправили в зону строгого режима.

За второй срок Лёня Корин ещё более углубил свои познания в уголовном праве. Когда же освободился, решил больше не испытывать судьбу в родном посёлке и подался в Красноярск, где устроился слесарем-сантехником в ЖКО одного из крупных предприятий города. Поселился в общежитии и вскоре, в процессе жития и работы, познал все преимущества городской жизни над сельской. Помимо месячного оклада в сто пятьдесят рублей, Лёня почти ежедневно получал приработок то в шелестящем, то в жидком, то в продуктовом виде.

За каких-то полгода сантехнической деятельности он чётко усвоил, какая работа что стоит, какой из клиентов более престижный и понятливый и на какой вызов нужно идти в первую очередь, оставив все остальные на потом. Нельзя сказать, что бывший сельский житель и новоиспечённый горожанин в рабочее время не пил совсем. Пил, когда его угощали сердобольные клиенты, и порой не ограничивался ста граммами водки, однако головы, что называется, не терял. Как-никак два срока, проведённых за колючкой, научили его осторожности. Но однажды... Однажды слабинку он всё же дал, за что и поплатился.

Мастер токарного участка одного из цехов завода, вернувшийся из командировки в Японию, попросил его поставить в ванной японский смеситель и заменить прокладки в кухонном кране. Мастер торопился по делам и доверил ему с напарником ключи от квартиры, наказав после выполненной работы заглянуть в холодильник и достать оттуда подкрашенный японский питьевой спирт крепостью в семьдесят градусов, а на закуску — хлеб, ветчину, балычок горбуши и баночку томатов в собственном соку. С работой они справились быстро и так же быстро накрыли на стол. Приняв по сто пятьдесят граммов не разведённой водой, а потому не испорченной японской продукции, они сделали вывод, что такого напитка им ещё ни разу в жизни не приходилось

употреблять. Наспех закусив деликатесами, сантехники налили себе ещё по сто пятьдесят.

Ну а дальше всё было как в игре в жмурки. Как они вышли из квартиры мастера, куда подевался его напарник и как он сам оказался в каптёрке ЖКО, а с ним импортный магнитофон, зимняя куртка и кусок ветчины, Лёня не помнил. Мастер нашёл его спящим на пыльном диване, растолкал и потребовал вернуть ключи от входной двери и двести рублей деньгами. Ни ключей, ни денег у Леонида не оказалось, о напарнике он тоже ничего не мог сказать. Мастер вызвал милицию, и прибывший наряд доставил ещё пьяного сантехника в КПЗ, называемую теперь, в силу новых веяний, ИВС — изолятором временного содержания. На другой день Лёню повели к следователю на допрос, но ничего вразумительного задержанный сказать там не смог, уяснив лишь то, что на сей раз ему «шьётся» дело о квартирной краже с проникновением в жилое помещение. К вечеру в его камеру «зашла» записка, в которой от имени напарника излагалась просьба взять кражу на себя, не выдавая приятеля, «потому как одному дадут меньше, а двоим могут приписать сговор и групповуху». Лёня взял всё на себя и отправился снова «топтать зону», на сей раз на четыре года.

Человеку, ни разу не «отдыхавшему» в неволе, четыре года могут показаться наказанием ерундовым, но тот, кто хоть однажды «погостил» у «хозяина», скажет вам уверенно, что четырёхлетка — это всё-таки срок, и ни в какое сравнение с полутора- и даже двухгодичным пребыванием в неволе он не идёт. Четыре зимы и четыре лета не проживёшь абы как, с бухты-баракхты, тут уж нужно готовиться к жизни в заключении серьёзно и основательно, думая о днях грядущих.

Лёня отбыл четырёхлетку от звонка и до звонка, и далась она ему ой как нелегко. Не один раз пытались завербовать его в свои ряды и отказники из числа блатных, и активные помощники администрации, каковых называют в колониях ментами. Но Лёня не поддался ни тем, ни другим и весь срок прожил

мужиком-работягой, однажды, правда, чуть не раскрутившись на срок новый. Не на жизнь, а на смерть схватился он на промзоне с одним из «шестёрку» и, защищая себя, проткнул тому брюхо большим гвоздём. Дело замяли сами блатные, подбившие «шестёрку» на конфликт. Раненого перебинтовали и отходили без уведомления об этом санчасти и администрации колонии. Лёню оставили в покое, но с той поры за ним основательно закрепились кличка Гвоздь.

К концу срока нервишки у Корина расшатались совсем, и чем ближе подходил день его освобождения, тем больше Лёнечке «катила измена». Он опасался разного рода провокаций, ни с кем близко не общался, а ложась спать, клал под подушку остро заточенный штырь — на всякий случай. Естественно, это не могло остаться незамеченным в большом, на шестьдесят человек, спальном помещении, и однажды Леонида кто-то взял и попросту «вложил». Как говорят на зоне — «не в кипиш». Примерно за две недели до выхода на свободу, среди ночи, в спальное помещение вдруг нагрянули два оперативника и несколько прапоров. Пришедшие явно по наводке, они сразу же направились к Лёниной постели и извлекли из-под подушки вышеупомянутый штырь.

Остатки срока Леонид провёл в штрафном изоляторе. Из ШИЗО он и освободился с документами, приписывающими следовать ему в родной посёлок и в течение года находиться под строгим надзором милиции, отмечаясь в РОВД в определённые дни недели.

Надзор и стал причиной четвёртой «командировки» Лёни Корина на зону. Двух нарушений (отметился не вовремя) вполне хватило, чтобы получить ещё один год «строгача».

Этот год стал для Гвоздя переломным. Он много читал, много размышлял. За двенадцать месяцев в стране произошли ощутимые перемены экономического характера, из неволи стали «пачками» освобождать фарцовщиков, и Лёня решил по освобождении заняться коммерческой деятельностью.

Во время отбывания последнего срока познакомился Гвоздь с Мизгирём, без роду и племени, умеющим всем угождать человеком, и решил взять его в компаньоны.

Первое дело у них не выгорело. Закупив на рынке в Красноярске по оптовой цене два ящика спирта «Рояль», они попробовали реализовать его с двойной накруткой в соседней Иркутской области. Оптом, как рассчитывали, не получилось, а поштучная продажа оказалась делом весьма утомительным и нудным. В один из неудачных в смысле торговли вечеров Гвоздь решил дать слабину и успокоить нервы с помощью ста пятидесяти граммов спиртного. Ну а, как известно, где у русского мужика сто пятьдесят, там... На следующий день Гвоздь пошёл вразнос и стал угощать спиртом знакомых и незнакомых, и через неделю новопечённые коммерсанты оказались «на бобах».

В деревню они вернулись с одной бутылкой «Рояля» и несколько дней переводили дух, питаясь свежей редиской с огорода и промывая организм парным молоком. После же того, как немного оклемались и пришли в норму, Гвоздь решил прогуляться в город, чтобы узнать, как он сказал, конъюнктуру рынка: посмотреть, чем и почём торгуют сейчас на базарах Красноярска.

На рынке КрасТЭЦ они случайно встретили односельчанина по прозвищу Мерин — здорового сорокапятилетнего мужика, который сбывал там краденые совхозные фляги.

— Слушай, Лёня, ты машину водить умеешь? — спросил Мерин Гвоздя. — Мне два десятка фляг из деревни в город срочно доставить надо. Машина есть — совхозный «зиллок». Гараж не охраняется, ключ от него у меня имеется. Мы бы за ночьку фляжки в город по надёжному адресу увезли, а к утру машину на место поставили. Никто б и не заметил. Выручку пополам. Как? Годится?

— Годится, — согласился Гвоздь. — Вечерком, часиков в девять, загляни ко мне, обсудим детали.

Вечером, когда Мерин пришёл в дом Гвоздя, там его поджидали трое. Сам хозяин, Мизгирь и дальний родственничек

Гвоздь — Петюня, которого Гвоздь называл племянником. Племянник полгода назад пришёл из армии, нигде не работал, болтался между городом и деревней и, говорят, приторговывал наркотической травкой. До службы в Вооружённых силах Петюня закончил шофёрские курсы, в армии гонял на бэтэрах, а потому водительские права и практический опыт имел. Его-то в качестве водителя и решил привлечь Гвоздь к делу.

Порешили так: Мерин отдаёт ключ от гаража Петюне, тот после двенадцати ночи выгоняет её оттуда и едет к заимке, где его ожидают остальные. Там загружают фляги и всей группой направляются в город.

Петюня подъехал к заимке в половине первого. Когда стали грузить алюминиевую тару, то в кузове под брезентом обнаружили ещё пятнадцать наполненных молоком фляг.

— Свежее молоко, с вечерней дойки, не выгрузили,— определил Мерин.— Что теперь с ними делать?

— Ну да и хрен с ними! — сказал Гвоздь.— И эти сбавим. С молоком они дороже пойдут.

— Молоко я сам готов продавать,— поддержал приятеля Мизгирь.— Разливуха в городе за милую душу катит.

В кабину забрались все четверо. В тесноте, да не в обиде домчались до Берёзовского милицейского поста.

Недалеко от логова гаишников притормозили, и Гвоздь с Мизгирём, перебравшись в кузов, спрятались под брезентом. Мерин же стал показывать Петюне дорогу на левый берег Енисея.

В нужный двор, немного поблудив по городу, они въехали уже в пятом часу утра. Мерин сразу же ушёл за покупателями, и пока его ждали, решили перекусить хлебом и молоком из фляги. Минут через сорок Мерин вернулся в окружении двух кавказцев. Те осмотрели товар и согласились взять всё.

Пустые фляги пошли по сотне, с молоком — по полторы. Ещё через полчаса во двор въехал грузовичок иностранного производства, и фляги перегрузили в его кузов. Выручка составила четыре

с лишним «лимона». Два из них Гвоздь, рассчитывавшийся с покупателями, отдал Мерину, остальные оставил у себя.

Пока обдeldывали дело, совсем рассвело. Часы показывали начало седьмого, и Мерин высказал предположение о том, что поставить машину в гараж к началу рабочего дня они уже не успеют.

— А зачем её ставить? — сказал вдруг Петюня. — Машина — зверь, движок отличный. Я позвоню сейчас своему городскому корешу, он в своё время перепродажей краденых машин занимался, наверняка связи остались, и толкнём «зиллок» «лимонов» за тридцать.

Петюня позвонил приятелю с телефона-автомата, тот попросил час времени и запросил их координаты. Решили остаться в том же дворе, где толкнули фляги. Мизгирь сбегал в ларёк, купил две литровые бутылки портвейна, четыре пачки куриных сосисок, сигарет, и квартет деревенских барыг, устроившись в детской беседке, слегка отметил первую удачную сделку. Как и договаривались, приятель Петюни по прозвищу Наркоша прибыл через час. Прибыл на большегрузном КАМАЗе с деревянным кузовом, с огромного роста здоровенным мужиком. Мужик внимательно исследовал машину, сел за руль, попробовал завести, сделал круг по двору.

— Двадцать пять, больше она не тянет, — сделал он вывод.

— Давай за тридцать уж, — вступил с ним в торг Гвоздь.

После небольших дебатов сговорились за двадцать семь.

— Снимите номера, — приказал уже по-хозяйски мужик и, открыв задний борт КАМАЗа, попросил Наркошу с Петюней опустить с кузова на землю мощный брусовой трап.

Пока Мизгирь откручивал номера, дорожка в кузов КАМАЗа была смонтирована. Покупатель уселся за руль ЗИЛа и лихо загнал совхозный автомобиль в кузов большегруза. Потом Петюня, Наркоша и Мизгирь помогли ему укрепить «зиллок», привязав его проволокой к бортам кузова, и мужик отбыл восвояси. Гвоздь, пересчитав ещё раз деньги, отдал семь миллионов Наркоше, пять — Мерину, три — Петюне, два — Мизгирию.

— Остальные — на обшак,— сказал он, укладывая «лимоны» в большие внутренние карманы своей куртки.

— Ну что вам сейчас в деревне делать? — спросил их довольный сделкой Наркоша.— Поехали ко мне. Отдохнём, расслабимся, по видуку порнушку посмотрим. У меня родичи на даче сейчас живут... До октября укатали, я им продукты раз в неделю отвожу.

Предложение все приняли с энтузиазмом и, сев в маршрутный автобус, отправились на правый берег. Там в одном из баров Гвоздь взял для себя бутылку французского коньяку, шампанского, для остальных — по литровой бутылке водки на брата и ящик пива. У Наркоши гуляли три дня. Пили по-чёрному и бегали за добавкой. Сам хозяин регулярно куда-то пропадал часа на два-три и возвращался с порцией наркотического зелья. Пил он мало, закуривал часто. Раза два-три, забив косячок, к нему присоединялся Петюня. Попробовал было сделать пару затяжек и Мерин, но его так пробрало, до кашля, слёз и соплей, что он, прокашлявшись и высморкавшись, затею эту бросил и сразу пошёл в магазин за «Кедровой» и пивом.

— Слушай, мужики,— сказал Наркоша, когда все устали от пьянки и засобирались в деревню.— Я вижу, коллектив у нас получился сбитый и спитый — все с полуслова друг друга понимает. Тут дельце одно есть... Нужно одного подранка убраться...

— Нет, нет! На мокруху я не пойду,— отрезал Гвоздь.— Не хочу больше на нары.

— Да какие там нары? Его, козла, можно тихо кончить,— попробовал убедить Наркоша.— Он, гад, моих родичей кинул. Купил у них, лопухов, квартиру за бесценок, да ещё одну у сестры своей отсудил, с дачей в придачу. Ментяра бывший. Сейчас коммерцией занялся.

— Ты что! За мента под «вышку» сразу подведут,— продолжал упорствовать Гвоздь.

— За такого не подведут. Он не одного из своих бывших дружков «кинул», жлоб вонючий,— проговорил Наркоша со

злостью.— А сейчас момент удобный: он дачу продаёт. Дал объявление в газету. И дома один сейчас. Жена с пацанкой в Таиланд на две недели улетела.

— Давай я этого фраера замочу! — высказал пожелание Мерин.— Я его одним ударом кулака убью.

— Нужно ему позвонить, сказать, что дачей интересуемся, посмотреть хотим,— делился уже подготовленным планом Наркоша — А там, на даче, его можно в гараже или погребу удавкой тихо придавить.

Гвоздь задумался. Ближе к вечеру он собрал всех и объявил, что за дело они берутся. Исполнителями назначили Мерина и Петюню. Остальные должны страховать их на расстоянии.

— Давай три «лимона», Гвоздь,— сказал Наркоша, когда всё было решено и расписано.— Я пистоль с глушаком напрокат возьму. Чуть что — кончать будем.

В тот же вечер Наркоша притащил пистолет и манекен. Манекен, реквизированный, видимо, в магазине одежды, был установлен посреди зала, и Мерин до двух часов ночи обучался искусству удушения, набрасывая на бедную статую удавку.

Утром созвонились с бывшим ментом. Тот назначил им встречу возле дачного посёлка, на автобусной остановке, в полдень.

С утра Петюня и Мерин приоделись, как выразился Гвоздь, по-цивильному, «чтобы прокатить под уважаемых», наняли частного и отправились в посёлок. Гвоздь, Мизгирь и Наркоша последовали туда на рейсовом автобусе. Сошли они, не доезжая до посёлка, забрались на преддачный холм и заняли наблюдательную позицию, поочерёдно прицеливаясь на остановку через бинокль. В двенадцать десять к остановке подкатила чёрная «Волга». Мерин и Петюня направились к ней и минут через пять уселись на заднее сиденье автомобиля. Видя это, Гвоздь сделал вывод, что хозяин дачи приехал не один. Дело усложнилось, и Гвоздя посетило жуткое предчувствие: пальбы из пистолета им сегодня не избежать. «Отступить поздно, придётся идти на

мокруху», — подумал он. Его немного согрела мысль о том, что Наркоша имел предварительную договорённость сбыть «Волжанку» за сорок миллионов. «Только бы эти два дятла правильно сориентировались и не напороли горячки...»

Кратким путём тройка подельников добралась до дачи бывшего мента. На крыльце дома они увидели четверых мужиков, двое из которых были их сообщники. Сам хозяин, в голубенькой рубашке (как пояснил Наркоша), что-то оживлённо, размахивая руками, объяснял «покупателям», а его приятель, одетый в красный пиджак, кивал головой в такт его словам.

«Перекрывать гланды придётся обоим», — решил руководитель операции и, обойдя дачку, махнул с тыльной её стороны через заборчик, укрывшись за теплицей. Теперь ему хорошо было видно весь дачный домик и стоявших на крыльце людей. Тем временем продавец с другом и мнимые покупатели вошли в помещение. Видя это, Гвоздь, низко пригибаясь, нырнул под боковое окно дома, снял пистолет с предохранителя, затем проскользнул к крылечку, бесшумно поднялся по ступенькам и юркнул в открытую дверь.

Когда Гвоздь ворвался в дом, мужчины поднимались вверх по лестнице, ведущей на второй этаж, и хотя главарь банды не наделал никакого шума, все четверо почему-то почти одновременно повернулись в его сторону. Не теряя драгоценных секунд, Гвоздь вскинул пистолет и дважды выстрелил в друга хозяина дачи. Мерин, на ходу сообразив, что нужно делать, выхватил из кармана брюк удавку и попытался накинуть её на бывшего мента. Но тот, стоя на ступеньку ниже, сориентировался ещё раньше и, ударив Мерина локтем в живот, прыгнул на Гвоздя. Гвоздь успел юркнуть в сторону, и отчаянное пике хозяина с лестницы закончилось ударом головой о дверь. Не дав ему прийти в себя, Гвоздь хладнокровно всадил ему поочерёдно в затылок и между лопаток две пули. Бывший мент обмяк и вытянулся на полу. Пока всё это происходило, друг хозяина, сражённый пулями, упал на присевшего на лестнице Петюню, не на шутку перепугав того. Петюня

буквально взревел от страха и, оттолкнув от себя труп, спрыгнул с лестницы. Лицо его было блее накрахмаленной скатерти.

— Обыщите обоих и пока спрячьте трупы в подполье,— приказал Гвоздь и, прокашлявшись, вышел на крыльцо.

У калитки маячили Мизгирь и Наркоша. В округе было тихо, и Гвоздь поманил приятелей рукой.

Мерин нашёл в карманах убитых две связки ключей, около трёх «лимонов» деньгами, несколько акций промышленных предприятий. Дачный домик они закрыли на замок и, усевшись в машину, направились к дому бывшего мента производить обыск.

— Ночью нужно будет вернуться и спалить дачку вместе с трупами,— сказал по дороге Гвоздь.

Пока в квартире бывшего мента Гвоздь, Мизгирь и Петюня вели тщательный осмотр, Наркоша занялся сбытом «Волги».

Однако дело на сей раз у него не пошло. Знакомые перекупщики машину купить вдруг отказались, сославшись на то, что в последнее время появилось немало проблем с краденными автомобилями, перегонять их стало небезопасно, и они пока не хотят рисковать.

Неудачу на авторынке несколько компенсировали результаты обыска. Мизгирь обнаружил под бельём в шифоньере полторы тысячи долларов, а Петюня в одном из карманов висящих там пальто — два золотых кольца и серёжки с драгоценными камнями. Были также найдены два миллиона рублей наличными и несколько акций Норильского комбината.

Сложив в две большие сумки несколько дорогих вещей, в основном одежду, и прихватив с собой видео- и радиоаппаратуру, Гвоздь дал команду уходить. Отправились снова на квартиру Наркоши. Наказав строго-настрою никому не пить ничего крепче кофе и чая, Гвоздь сразу же отправил Наркошу с Петюней на КрасТЭЦ — менять доллары на рубли, а сам завалился спать.

Хорошо знающему красноярский рынок Наркоше не составило большого труда разменять тысячу двести баксов (триста Гвоздь оставил «на чёрный день»). На это ему потребовалось

менее часа. По пути домой ловкий меняла купил травки и, приехав домой, первым делом забил было косячок, но совершенно неожиданно получил втык от пахана.

— Никаких наркотиков и пьянства,— грозно сказал руководитель шайки.— На неделю едем в деревню, будем отдыхать, сил набираться, по грибы ходить. Всё понятно?

Наркоша недовольно что-то пробурчал себе под нос, однако перечить Гвоздю не стал и в знак согласия с ним кивнул головой.

Дачу бывшего милиционера поехали палить в тёмное время суток. На это дело отправились на «Волге» вездесущие Наркоша с Петюней. В подмогу им был дан Мерин. Загнав автомобиль во двор дачи, Петюня облил бензином салон автомобиля и поджёл. В то же время Наркоша с Мерином сотворили пожар внутри дома. С места преступления убегали огородами и лесом. Лесом добрались и до шоссе, где попытались поймать попутку до города. Однако ни один водитель остановиться возле них не рискнул, и тройка бандитов двинула в Красноярск пешком.

Начав материться на шоссе, Мерин почти весь путь до города нервничал, ругал Гвоздя с Мизгирём, и когда они дошли до первого ночного бара, он подбил всех на выпивку. Выпили вначале по двести граммов водки, закусили бифштексами и рисом, потом заказали ещё по сто пятьдесят. Мерину этого показалось мало, и он попросил было бутылку с собой, но Наркоша его осадил.

— Хорошего помаленьку. Доберёмся до деревни, уговорим Гвоздя. Никуда он не денется. Расслабимся водчонкой...

— А потом чё?— повысив голос, спросил его захмелевший Мерин.— В совхозе небось машину уже с ментами ищут.

— Тебе-то что? — сказал Петюня.— Кто знал, что у тебя есть второй ключ от гаража?

— Никто, я сам его подобрал. Никому не говорил.

— Ну и всё,— заключил Наркоша.— Отдохнём, а потом снова за дела. У меня ещё тут кое-какие намётки имеются.

— Закончатся твои намётки за решёткой,— ударил кулаком по столу Мерин.

— Всё. Пошли, пошли,— Петюня помог Мерину встать.

Наркоша расплатился и извинился перед барменом.

По городу тоже пришлось идти пешком, так как автобусное движение ещё не было открыто. Когда перешли Коммунальный мост и вышли на Красраб, на востоке забрезжил августовский рассвет. Успокоившийся было Мерин снова начал «заводиться»: материться и просить выпивки. Недалеко от кинотеатра «Юбилейный» навстречу им попался паренёк, примерно доармейского возраста. Мерин вынул выданный ему Гвоздём (для подстраховки) пистолет с глушителем и заставил пацана снять с себя джинсы. Перепуганный паренёк, усевшись прямо на грязный и холодный асфальт, дрожащими руками содрал с себя штаны и протянул их Мерину.

— Свободен,— сказал ему грабитель.

Оставшись в плавках и футболке, парнишка дал дёру и скрылся за углом первого же дома.

Проверив карманы джинсов, Мерин нашёл там зажигалку, открытую пачку «Явы» и несколько монет. Свернув во двор пятиэтажки, он закинул брюки в мусорный контейнер и собрался было продолжить путь, но тут из подъезда дома вышли две девчушки. Увидев их и почувствовав в себе супермена, совхозный барыга решил поставить их к стенке. Когда девчонки попробовали закричать, он воткнул в пупок одной из них глушитель пистолета, и молодые дамы сразу же лишились дара речи.

Сняв с молодок кожаные куртки, юбчонки и кроссовки, Мерин приказал им бежать «отсюда подальше».

Видя, что новоиспечённый супермен разошёлся не на шутку и дело может закончиться плачевно, Петюня с Наркошей решили его разоружить. Петюня сзади схватил его за горло и повалил, а Наркоша выбил из рук пистолет.

— Суки! — закричал Мерин.— Сволочи! Поубиваю гадов!

Он попробовал подняться, но Петюня ударил его пяткой в лоб. Мерин упал на спину и застонал.

— Вставай, пошли,— сказал ему Петюня.— Небось, соплюшки эти уже в ментовку сообщили, уходить надо.

Мерин затих и поднялся. Они вышли на проспект и почти сразу остановили ранний маршрутный автобус.

— Петруха, ты только Гвоздю ничего не говори, ладно? — попросил Мерин, когда они поднимались по лестнице в квартиру Наркоши.

— Ладно,— Петюня похлопал Мерина по плечу.— С кем заскоков не бывает.

Выслушав подробный доклад о пожаре на даче, Гвоздь приказал всем собраться и следовать к рынку на КрасТЭЦ. Там он решил нанять частника и уговорить его доставить их до деревни.

Сборы были недолгие. Видеоаппаратуру Гвоздь уложил в сумки, взял всё необходимое.

— Слушай, Гвоздь, дай выпить,— жалобно попросил Мерин, когда все собрались к выходу.

— Не время сейчас, потерпи до вечера,— сказал Гвоздь.

— Не могу уже, колотит всего после этих сумасшедших дел,— Мерин был темнее ночи.

— Ладно, давайте по старорусскому обычаю по сто граммов перед дорогой,— сдался Гвоздь, достав из холодильника бутылку водки.

На рынке КрасТЭЦ Гвоздь купил шикарный сарафан и большой платок с яркими цветами — в подарок матери. Там же, в районе рынка, за полтора «лимона» договорились с частником — владельцем бежевой «Волги» — и, закупив коньяку, водки, фруктов и копчёной рыбы, отправились к берегам речки Маны. Спиртное купили по настоянию Петюни и Наркоши. Видя, как жалобно они просят его об этом, Гвоздь сдался и дал добро.

Когда за окнами «Волжанки» промелькнула Вознесенка, Мерин снова занервничал. Он вначале застонал и заскрипел зубами, а потом попросил у Гвоздя водки. Гвоздь призвал его к терпению. Мерин взвыл по-волчьи и, неожиданно схватив водителя за шею, начал душить. Водитель выпустил руль, машина вильнула

вправо, и только находчивость Гвоздя, сидевшего рядом с шофёром и вовремя нажавшего на тормоз, спасла пассажиров от аварии. Петюня набросился на Мерина, пытаясь оторвать его от владельца «Волги», но тот мёртвой хваткой держал водителя за горло. Тело хозяина «Волги» забилося в конвульсиях и обмякло. Мерин с рёвом выскочил из машины и побежал по трассе, Петюня с Наркошей бросились за ним. Шустрый Наркоша пнул его в зад и сбил с ног. Вдвоём с Петюней они набросились на Мерина и заломили ему руки за спину.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — орал Мерин.

— Вяжите его! — дал команду подошедший Гвоздь.

Наркоша снял с брюк ремень и связал руки лежащего.

— Быстро к машине! — скомандовал Гвоздь и, достав пистолет, ткнул глушителем в лоб Мерину: — Ещё одна выходка с твоей стороны — и ты покойник, понял?

— Понял, — прохрипел Мерин.

— Снимай свой ремень, — сказал Гвоздь Петюне, когда они подошли к «Волге». — Берите труп этого бедолаги и тащите его вон в ту рощицу. Накиньте ему ремень на шею и привяжите к дереву. Создайте вид, что он сам повесился. Только побыстрее, пока машин нет на трассе.

Когда дело было сделано, за руль «Волги» сел Петюня.

— Гони быстрее, — продолжал давать наставления Гвоздь. — Из-за козла Мерина план придётся несколько изменить. Едем теперь до райцентра, выгружаем товар и ждём втроём рейсовый автобус. Петюня, ты в это время угонишь машину за Ману и пустишь её с обрыва. Потом выйдешь на трассу и дождёшься автобуса. Всё понятно?

— Всё, — ответил за всех Петюня.

За полтора месяца группа Гвоздя совершила ещё три налёта на Красноярск. Действовали по хорошо накатанной схеме. Наркоша шевелил мозгами, вспоминал о знакомых коммерсантах и предлагал пути подхода к ним. Гвоздь доводил теоретические

соображения до совершенства и отправлял Петюню с Наркошей «уточнить детали» — просчитать наиболее удачное время для неожиданного налёта. Как правило, на новых русских они выходили без ажиотажа. Наводили справки, в чём нуждался владелец какого-нибудь магазина или нескольких торговых точек, устанавливали с ним контакт, предлагали помощь. На деловые переговоры шёл сам Гвоздь в сопровождении Петюни и Мизгиря. Если обстоятельства складывались удачно, то всё решалось сразу. По сигналу Гвоздя Петюня неожиданно наносил удар жертве по голове, в район виска, и пристёгивал терявшего сознание человека наручниками к батарее. Мизгирь выставлял в окно красную тряпку, и ждавшие сигнала Наркоша и Мерин спешили на место происшествия. Потом были допрос и грабёж. Хозяина в живых не оставляли в любом случае. Если же во время переговоров появлялись неожиданные люди, Гвоздь находил причины и быстро уходил, обещая встретиться несколько позже.

Естественно, на вторую встречу он уже не шёл. Три удачных налёта, не считая первого дачного дела, принесли шайке налётчиков неплохие деньги. Когда Наркоша реализовал по своим каналам ценные бумаги и доллары, счёт их неденоминированных рублей пошёл на сотни миллионов.

В середине сентября Гвоздю пришла в голову идея податься к морю — отдохнуть и набраться сил. Для начала решили ехать поездом до Адлера, билеты купили за две недели вперёд. Ни о каком деле уже не помышляли. Но неожиданно Наркоша познакомился в городе с коммерсантом Борисом, побывал у него в гостях, оценил обстановку и ситуацию. Борис жил в малонаселённом районе в новом коттедже, и под предлогом выгодной ему продажи долларов и был совершён бандой тот последний налёт, описанный в начале повествования.

В роще за Берёзовкой Петюня с Наркошей стали совещаться. Обоим было жалко уничтожать «Мерседес», и они решили спалить «Москвич».

— Попробуем уговорить Гвоздя. Я думаю, что «мерс» толкнуть можно быстро,— сказал Наркоша.— На море лишние деньги не помешают.

За пару минут изъятые из дома коммерсанта вещи из «Москвича» перенесли в иномарку. Труп самого же владельца «Мерседеса» бросили на первое сиденье отечественного автомобиля и подожгли машину.

Милицейский патруль остановил их там, где они не ожидали,— на железнодорожном переезде, по дороге в таёжный район. Переезд был закрыт, по «железке» шёл грузовой состав. Петюня притормозил иномарку и призвал всех к спокойствию. А что ещё оставалось делать, когда документов ни на право вождения автомобилем, ни на сам автомобиль у него не было?

— Приготовь пару «лимонов»,— сказал он Наркоше.— Придётся «на лапу» дать.

«На лапу» давать на дорогах в последнее время им приходилось не один раз, и обычно дело заканчивалось мирным расставанием с гаишниками. Некоторые из них после получения денег даже не пытались осматривать автомобиль.

Но на этот раз районные милиционеры первым делом попросили водителя открыть багажник иномарки. Ни водительские права, ни дорогая видеоаппаратура их, как показалось, поначалу не интересовали. Внимание сотрудников МВД привлекли бурые пятна в багажнике.

— Никак скот перевозили? — спросил Петюню прапорщик, делающий осмотр.

— Какой скот? Ты что, начальник? Мы в райцентр едем. Зубы вон у друга разболелись, везу его в поликлинику,— попробовал оправдаться Петюня.

— Да самый обыкновенный скот, что на лугах района пасётся,— продолжал наседавать прапорщик.— Забываете вы его, крадёте, а потом в городе на шашлыки мясо продаёте. Покажите водительские права.

— Понимаешь, командир, мы торопились, я права забыл, а это машина друга...— Петюня понял, что нынче отбрезхаться будет непросто.

— Ясно,— сказал прапорщик и обратился к сержанту: — Серёга, вызывай наряд, будем задерживать.

— Может, договоримся, товарищ прапорщик, а? — из машины вышел Наркоша.— По паре «лимонов» — и вы нас, а мы вас не видели.

— А ну все в машину! — прапорщик и ещё один милиционер вскинули автоматы наизготовку.— В машину!

Пока Серёга-мент вызывал по рации подмогу, прапорщик вынул ключи зажигания из приборной доски «Мерседеса».

— Влипли! — заскрипел зубами Мерин.

— Тише ты, может, обойдётся! — ткнул его локтем Наркоша.

Однако минут через пятнадцать, когда к переезду прибыли ещё человек пять милиционеров с оружием, и Наркоша, и Петюня поняли, что влипли окончательно.

Через час после того, как экипаж «Мерседеса» был доставлен в РОВД, по компьютерной системе сотрудники милиции установили, кому принадлежит автомобиль, и попросили коллег из краевого центра разыскать хозяина. Хозяина сразу не нашли, и это насторожило краевых сыщиков. Они копнули глубже — и на другой день в подвале коттеджа обнаружили жену и дочь убитого коммерсанта. Пришедшая в себя женщина рассказала всё, что знала, следователям, а позже опознала троих задержанных, описав внешность ещё двоих. Было возбуждено уголовное дело, и Мерин раскололся уже на первом допросе. Через пару дней кое-какую ясность внёс Петюня, и дело стало вырисовываться.

Приехав в деревню и не обнаружив там поделщиков, Гвоздь к вечеру почуял неладное. Дома ночевать они с Мизгирём не остались. Выйдя на трассу, поймали попутку, добрались до железнодорожной станции и на последней электричке вернулись обратно в город. Там сняли в одной из гостиниц двухместный номер и два дня не выходили из него, попивая коньяк и поглядывая

в телевизор. На третий день Гвоздь отправил Мизгиря на рынок КрасТЭЦ.

— Там часто наши деревенские бывают. Может, кого из знакомых увидишь, поспрашивай осторожно, не видел ли кто наших хмырей,— напутствовал он приятеля.

А приятель Мизгирь, чуя, что дело пахнет арестом, мотанул напрямик на железнодорожный вокзал, купил билет до Иркутска и первым же поездом уехал к берегам Ангары — погостить и переждать смутное время у тётки. И напрасно прождал его весь этот и следующий день осторожный главарь налётчиков. Ему самому пришлось податься на рынок. Потолкавшись там до обеда и никого из земляков не встретив, Гвоздь поехал на автовокзал, где ему повезло больше. Знакомый шофёр рейсового автобуса, ходившего до деревни, рассказал: прошёл слух, что Петюню и Мерины арестовали за угон машины.

— Они не то в райцентровской ментовке сидят, не то их в Красноярск увезли,— сказал он.— А в деревне всё спокойно, никаких ментов не было.

Это немного успокоило Гвоздя, и он спросил:

— А ты когда в деревню поедешь?

— Сегодня у меня до райцентра маршрут. А завтра вечером — до твоей деревни. Там ночую и утром послезавтра иду рейсом на Красноярск,— объяснил водитель.— Со мной хочешь прокатиться?

— Сегодня нет, а послезавтра, может быть, с тобой в город и поеду.

«Раз в деревне не было ментов, значит, у этих дятлов хватило ума не вложить меня,— размышлял Гвоздь.— Рискну сгонять в деревню, вытащу из заначки „зелёных“ и „деревянных“ и прокачусь всё-таки до моря, а потом к армейскому другу в Алтайский край. Перекантуюсь зиму, в общем, а там видно будет».

Переночевав ещё одну ночь в гостинице, Лёня-Гвоздь утром рассчитался с дежурной и поехал на лесобазу, куда возили круглый лес водители лесовозов родного Лёниного ЛПХ. Дождавшись

приезда водителя-односельчанина и подождав выгрузки, Гвоздь во второй половине дня отправился в деревню с водителем лесовоза на порожнем КАМАЗе.

Засаду в доме Гвоздя было решено организовать сразу после первых показаний задержанных и вдовы Бориса. Желание взять главаря банды лично изъявили начальник угрозыска района, где задержали преступников, и старший оперуполномоченный из района соседнего, на территории которого был сожжён «Москвич» и убит водитель «Волги». Они и ещё два милиционера поздним вечером высадились из патрульного милицейского экипажа на окраине деревни и пешком направились к дому Гвоздя. Ворота им открыла мать главаря бандитов — милейшая женщина Евдокия Михайловна. Она не удивилась появлению милиционеров, ибо, как сказала, давно ожидала, что сын её добром опять не кончит. Ждать пришлось около трёх суток. Спали по очереди. Добродушная старушка расстелила им перину на пустующей двухспальной кровати, угощала чаем, жареной картошкой и солёными огурцами. Милиционеры с благодарностью принимали хлеб-соль и пили, чтобы быть бодрыми, крепкий чай — почти чифир. Глядя на это, хозяйка качала головой и говорила:

— Нет, наверное, вы всё же не милиционеры. Милиционеры такой крепкий чай не пьют. Чифир пьют те, кто в тюрьме сидел. Вы, наверное, всё-таки дружки Лёнины, а меня обманываете.

Напрасно сотрудники МВД пытались разуверить её: хозяйка была непреклонна. Ну а задержание Гвоздя прошло более чем обыкновенно. Он постучал в ворота около двух часов ночи. И когда мать ему открыла, быстро прошёл в сенцы, где на него накинулись и заломили руки начальник угрозыска и один из милиционеров. Здесь же, в доме Гвоздя, и провели первый допрос. Начальник угрозыска ошарашил его знанием дачного дела и дела предпринимателя Бориса.

— Я так и знал, что эти козлы сразу расколются,— в сердцах выкрикнул Лёня-Гвоздь и попросил бумагу и ручку.— Давай,

начальник, я сам за себя напишу, а не то эти аборигены то, что было и не было, на меня накаатают. Пусть сами за себя расхлёбывают.

И Гвоздь начал подробно описывать свои похождения, прекрасно понимая, что на сей раз ждёт его очень долгая тюремная эпопея, возможно, даже камера смертников.

После первого же допроса он перестал чему-либо удивляться и был готов ко всему.

Следствие по делу налётчиков продолжалось всю зиму, и суд состоялся в конце апреля.

Сквозь решётку и стекло автозака, везущего его из СИЗО на судебное заседание, Лёня Корин видел голубое небо, оживающий после зимы город, улыбающихся людей. «Чему радуетесь, дурашки? — думал, глядя на всё это, Лёня.— Ещё одна весна наступает, а значит, снова придёт своим чередом осень, и всё, что теперь расцветает, увянет и исчезнет. Суета. Всё суета. Деньги, водка, автомобили, тряпки, бабы... Всё только на миг, на глоток... Раз — и уже ничего нет. Бессмысленна всё-таки жизнь человека. Бессмысленна и ничтожна...»

На душе его было пусто и серо. На суде он спокойно отвечал на вопросы, слушал показания свидетелей и речи адвокатов его сообщников (сам Гвоздь от защиты отказался), истерику Мерина и раскаяние Мизгира. Спокойно смотрел на бодрившихся Наркошу и Петюню. Со всеми подельниками он был немногословен, и когда огласили приговор, принял его как должное...

Красноярск, 1997

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ, или ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ КОРОТКОВА

Пьеска-пародия на российские телесериалы в трёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коротков — успешный бизнесмен, в прошлом поэт.

Инна — литературный критик и талантливая журналистка, сочиняющая романтические стихи.

Лариса — студентка Литинститута, приехавшая из провинции.

Сергей — бедный литератор, автор суровых прозаических книг.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира, которую Коротков снимает для Инны в престижном районе Москвы. Утро. Инна только что проснулась, подошла к окну, потянулась и смотрит на утреннюю столицу.

Инна. Неужели так бывает в жизни? Ещё, казалось, вчера я была в далёком металлургическом городе и не думала ни о какой Москве, ни о каких публикациях в столичной прессе. А сегодня — материалы на первых страницах лучших журналов и еженедельников. И всё это — он. Он помог мне познать себя. Самоутвердиться. Разбудил во мне дремавшие чувства. Милый. (*Берёт с подоконника портрет Короткова.*) Где тебя носило по свету? Почему ты не пришёл ко мне раньше и не увёз меня из провинции? Завтра наша помолвка. Я еду знакомиться с его родственниками... Немного волнуюсь... Но с ним я ничего не боюсь! Он сильный, уверенный в себе. Для него нет преград. Подумать только: он начинал в перестройку грузчиком в ресторане, а теперь он владелец сети престижных баров и «Макдональдсов», платных туалетов и саун! У него своё большое дело. Свой большой бизнес. Милый! Где ты сейчас? (*Берёт мобильник и набирает номер.*) Милый! Это я! Здравствуй... Ты скучал? Я тоже... Куда мы поедем сегодня? В Петербург? Завтра? В среду? Сегодня ты не можешь? У тебя дела? Нет-нет... Я не обиделась... С чего ты взял? Сейчас я поеду в супермаркет, куплю продуктов и сварю тебе твоих любимых пельменей марки «Богатырь». Ты же от них без ума... С луком, конечно же, с луком... С бульончиком и уксусом... Что? Сегодня не приедешь совсем? Почему? Сходка в «Метрополе»? А потом тебе нужно

лететь в Екатеринбург? Я тоже хочу в Екатеринбург... Там мужские дела? Сугубо мужские? Будь осторожен... И знаешь что: не заглядывайся на секретарш своих приятелей. Счастливо! Я тебя люблю! До вторника. *(Вздыхает и прижимает к груди телефон.)* Мы встретились с ним случайно. Был вечер в Центральном Доме литераторов. Наши места оказались рядом. Он громко аплодировал писателям-патриотам, кричал: «Браво!» Да так заразительно, что мне даже передалось его настроение. Мы вместе хлопали в ладоши. Потом он помог мне записать интервью с лауреатом Букеровской премии. А потом он пригласил меня в «Метрополь». Мы чудно провели вечер... Утром он подарил мне букет из тысяча одной розы и ключи от «Пежо». А какой романтической была наша поездка к морю! И вот теперь... Я думаю, что я его люблю... Люблю... Конечно же, люблю! Я жизни без него не представляю. Без него пусто... Любимый! *(Поёт.)* Мир без любимого... Год без любимого... Птица без крыла... Печка без тепла... День без любимого... Час без любимого...

Пение прерывает звонок в дверь. Инна идёт открывать. Входит С е р г е й .

С е р г е й . Извините, пожалуйста, но здесь когда-то жил мой приятель.

И н н а . Может, и жил. Но сейчас здесь живу я.

С е р г е й . Давно?

И н н а . Два месяца и семнадцать дней.

С е р г е й . Долго.

И н н а . Достаточно, чтобы привыкнуть к пейзажу за окном.

С е р г е й . Да... Пейзаж. Останкинская башня, Останкинский молочный комбинат, фабрика сувенирных баранок, колбасный цех, четыре трубы ТЭЦ... Это забыть невозможно. Давно я не был здесь. Можно, я взгляну в окно?

И н н а . Пожалуйста. Мне не жалко.

С е р г е й . Спасибо. Вы так добры. Впрочем, женщины вашего склада не могут быть злючками. *(Подходит к окну.)*

И н н а *(с интересом)*. А какого я склада?

С е р г е й . Доброго и романтического. Хорошего.

И н н а . С чего вы это взяли?

С е р г е й . Вижу. И чувствую. Взгляд, глаза говорят о многом.

И н н а . Вы поэт?

С е р г е й . Хуже. Бывший поэт, занимающийся бытовой прозой.

И н н а . Пойдите-пойдите. Где-то я вас видела. Сейчас вспомню. Да-да! Это ваша книжка о женщинах зрелого возраста. Скажу честно: каких вы там изображаете женщин — таких в природе не бывает. И все события, описываемые там,— примитивные. Однако я вас представляла другим.

С е р г е й . Меня все представляют другим. А ваше мнение о моей книге меня нисколько не интересует. Она для зрелых женщин, а вам про романтическую любовь читать надо.

И н н а (*про себя*). Странно. Мне нужно выгнать его после таких слов, но я не хочу. (*Громко*.) А вы смогли бы написать про романтическую любовь?

С е р г е й . Вся романтика у меня в прошлом. Теперь только суровая реальность.

И н н а . А всё-таки мне кажется, что вы в душе остались поэтом.

С е р г е й (*глядя в окно*). А пейзаж всё тот же. Даже ностальгия захватывает. Пойду, а то, пожалуй, точно на стихи потянет...

И н н а . Вы интересный человек.

С е р г е й . Я так не считаю.

И н н а . Вы себя не знаете.

С е р г е й . Может быть...

И н н а . А вы могли бы вот так, экспромтом, сочинить стихотворение и посвятить его женщине?

С е р г е й (*глядя на Инну*). Для вас смог бы...

И н н а . Попробуйте, у вас получится. Меня звать Инна.

С е р г е й . Инна... Хорошее имя. А я Сергей. Инна... Инночка... Пожалуй, рискну.

Инне

Была в жизни Марина,
Была в жизни Елена,
Была даже Ирина —
Все промчались мгновенно.
Промелькнула Наташа,
Стёрлась в памяти Нина,
Но разбитую чашу

Легко склеила Инна.
В жизни всё не случайно:
Чаша полна вина,
Чтоб познать его тайну —
Нужно выпить до дна.
А я верил—не верил:
У порога стоял
И в открытые двери
Очень долго стучал.
Сомневался, гадая,
В себе сдерживал жар:
Шутка дьявола злая
Иль божественный дар?
Кто послал тебя, Инна,
Для меня в трудный час?
Я в бреде твоё имя
Повторял сотни раз.
Судьба круто вильнула,
И я вновь в вираже.
Жизнь куда б ни свернула —
Удержусь я уже.
И заря на востоке
Ещё вспыхнет не раз,
И хорошие строки
Напишу я про нас.
Скоро кончатся муки,
И я, знаю, вернусь.
Я возьму твою руку
И губами коснусь.
И на рынках Свердловска
И других городов
Я куплю тебе броских,
Ярких красных цветов!

(Берёт руку Инны и целует.)

И н н а . Это стихотворение для меня?

С е р г е й . Для вас.

И н н а . Спасибо. Мне ещё никто не посвящал стихов.

С е р г е й . Ну хоть здесь я первый.

И н н а . Спасибо.

С е р г е й . Вам спасибо. Вы меня такие чувства пережить вновь заставили. Пойду, пожалуй, а то начну вас в кафе приглашать.

И н н а . Знаете, я хочу написать материал о вашем творчестве. Можно?

С е р г е й . Почему нельзя?

В это время открывается входная дверь и входит К о р о т к о в . Инна и Сергей его не замечают. Коротков останавливается у двери.

И н н а . Знаете, давайте завтра встретимся в семнадцать часов у ЦДЛ.

С е р г е й . Хорошо. Завтра в семнадцать в Центральном Доме литераторов.

И н н а . Спасибо вам. Давайте я вас поцелую.

Инна целует Сергея в щёку. К ним быстро подбегает Коротков.

К о р о т к о в . Вы бы хоть меня постеснялись.

Инна и Сергей замирают, держась за руки.

(На повышенном тоне.) Вы хотя бы другое место для свиданий выбрали. Обрадовались, что я уехал до вторника. А вот не уехал. Отменил поездку и сюда приехал. Как чувствовал. *(Обращается к Инне.)* Что-то мне твой голос сегодня по телефону не понравился. Предчувствие не обмануло. Где ты нашла этого ходока? В супермаркете? Да нет. Такие по порядочным магазинам не ходят. У пивнушки какой...

И н н а . Дорогой. Ты не так всё понял...

К о р о т к о в . Я понял всё, что мне нужно было понять! *(Берёт Сергея за грудки.)* Ну откуда ты взялся? Зачем она тебе? Что, других баб нет на свете? Что ты к чужим примеряешься?

С е р г е й . Я не примеряюсь.

К о р о т к о в . Не примеряешься? А зачем ты сюда тогда пришёл? Невмоготу стало?

И н н а . Дорогой, прекрати!

К о р о т к о в . Дорогой для тебя теперь он, а не я! Чем он тебя обворожил таким, этот оборванец?

С е р г е й . А поосторожнее можно?

Коротков. Это мне-то поосторожнее? Ну ты и наглец. Да я тебя сейчас пристрелю, как щенка! *(Достаёт из кармана пиджака кольт и тычет стволом в грудь Сергея.)* Боишься?

Сергей. Нет. Ты же не выстрелишь.

Инна. Прекрати, милый, прекрати!

Коротков *(не обращая на женщину внимания)*. Почему это я не выстрелю?

Сергей. Духу не хватит.

Коротков. Правильно. Я сидеть за тебя не собираюсь. Сейчас поедешь со мной за город. Там будем стреляться по-честному. Жребий бросим: кто первый. Убьёшь меня — она будет твоей. Нет — извини: там тебя и закопаю.

Инна. Прекрати!

Коротков. А ты молчи! Нет тебе прощения! *(Сергею.)* Пошли!

Коротков берёт Сергея за рукав и тянет к двери. Мужчины уходят. Инна бежит было следом, но возле двери останавливается, возвращается к окну, берёт мобильник, набирает номер.

Инна. Алло! Лариса? Лариса, ты можешь сейчас же приехать ко мне? Быстрее, я жду!

Та же комната некоторое время спустя. Инна и Лариса.

Инна. Теперь ты всё знаешь, Лариса. Он его убьёт. Что же делать?

Лариса. Ты знаешь, куда бы они могли поехать?

Инна. За городом есть дача Короткова. В Переделкино. Может быть, туда?

Лариса. Поехали.

Женщины поспешно выходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дачный посёлок. За домом на картофельном поле стоят Коротков и Сергей. В руках у них по кольту.

Коротков. Ну что? Всё честно. Первым стреляю я. Извини, соперник.

Сергей. Я тебе не соперник. Ты просто болван.

Коротков. А за болвана ответишь. Шагай на шесть метров вперёд.

Сергей отчитывает шесть шагов и поворачивается лицом к Короткову. В это время слышится скрежет автотормозов, лай собак. Коротков то-ропливо прицеливается и стреляет. Сергей хватается за плечо и падает.

Вбегают Инна и Лариса.

Инна. Ты убил! Убил человека! *(Пробегает мимо Короткова, направляясь к упавшему Сергею, старается поднять его. Сергей поднимает голову.)* Слава Богу! Жив! Вставай, Серёжа, вставай. Поедем в больницу.

Инна прикладывает носовой платочек к кровоточащей ране, помогает встать Сергею и уводит его. Слышен шум отъезжающего автомобиля.

Коротков садится на корточки и приставляет ствол пистолета к виску.

Лариса. Не делайте этого! Не надо!

Коротков поворачивается к ней. Опускает пистолет. Лариса подбегает к нему и забирает кольт.

Коротков. Зря вы мне не дали застрелиться, Лариса. Жизнь потеряла смысл.

Лариса. Перестаньте. Вы ещё такой молодой, красивый.

Коротков *(вздыхая)*. Брось... Брось меня успокаивать. Я был молодым двадцать лет назад. Стихи писал.

Среди миров, в созвездии светил
Одной звезды я повторяю имя.
Не потому, что я её любил,
А потому, что я томлюсь с другими...

Лариса. Как красиво!

Коротков. Это не я. Это Анненский.

Лариса. Я знаю, но в данном случае слышу от вас и чувствую: прекрасно!

Коротков. Лариса, а вы можете мне жизнь спасти?

Лариса. Я могу немного...

Коротков. Побудьте со мной сегодня. Я вас в кафе приглашаю.

Лариса. У меня два условия.
Коротков. Слушаю.
Лариса. Не напиваться и не приставать.
Коротков. Согласен.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Три года спустя. Двор на фоне небольшого московского храма. Запыхавшись, взявшись за руки, к храму бегут Сергей и Инна.

Инна. Серёжа, я всё-таки думаю, что мы могли обвенчаться спокойно и в Сан-Франциско, где тебе вручали литературную премию.

Сергей. Могли бы. И в Мюнхене могли тоже. Но я хочу, чтобы это произошло в России. Понимаешь?

Инна. Понимаю.

Они подбегают к дверям храма и останавливаются на пороге.

Что там?

Сергей. Идёт венчание другой пары. Нас просят подождать.

Инна. Сколько?

Сергей. Двадцать минут. Подождём?

Инна. Подождём... Двадцать минут — не три года.

Целуются. Сергей берёт Инну за руку. Дверь храма открывается, и из неё под ручку выходят Коротков и Лариса. Две пары встречаются на крыльце.

Немая сцена.

ЗАНАВЕС

Москва, 15 ноября 2003

ДЮМА-ВНУК И НАРОД ВОКРУГ

Ироническая повесть

Один на всех

Дюма-внук проснулся, как обычно, в семь сорок. По привычке минут десять он не торопился: смотрел на окно и в потолок. Вспомнил: во второй половине дня ему нужно сделать съёмку на левом берегу Енисей-града, а до того отвезти на дачу к теще с тестем два табурета и большую чугунную сковороду без ручки. Табуреты и сковорода были приготовлены с вечера. Табуреты ждали его, стоя в прихожей связанными, а большая сковорода лежала на одном из них, накрыв всю поверхность табурета и даже захватывая часть стоящего рядом.

Дюма-внук потянулся, с чувством зевнул и, откинув одеяло на лежавшую у стенки жену Маргариту, резво соскочил с постели. Минут десять он чистил зубы в ванной, напевая вполголоса:

Лепестками алых роз
Наше ложе застелю...

Потом четверть часа пил чай на кухне, сидя за столом с голым торсом и в спортивных трусах, разглядывая на экране ноутбука фотографии с последними дачными и очень удачными снимками, то и дело повторяя едва слышно:

Ты сними, сними меня, фотограф,
Так, чтоб рядом звонко пели птицы...

Когда надел спортивные брюки и стал натягивать футболку, зазвонил мобильный телефон, разбудив мелодией «Пластинчатая ворона» жену Маргариту, сразу же недовольно забурчавшую не по поводу громкой музыки, а потому что на ней опять два одеяла.

Звонил Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат, спрашивал: может ли Дюма-внук привезти коробки с книгами из типографии к нему домой? Дюма-внук, сославшись на сегодняшнюю

съёмку, предложил Без Пяти Минут Нобелевскому Лауреату позвонить ему послезавтра, объяснив попутно спокойным тоном, что завтра он тоже занят неотложными делами на даче и в фотостудии. Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат стал материться в трубку, и Дюма-внук понял, что разговор завершён.

В прихожей Дюма-внук, отодвинув сковородку, присел на свободный табурет и, кряхтя, напялил на себя кроссовки: сначала на левую ногу — наиболее сопротивляющуюся импортной некачественной обуви, а потом и на правую — привычную облачаться чаще при разного рода примерках в магазинах и на рынках. Сняв с вешалки за ремешки один прямоугольный футляр — с фотоаппаратом «Nikon» и один круглый — со сменным импортным объективом, Дюма-внук повесил их себе на шею и попробовал пристроить в руках сковороду и табуреты. Сковорода — в правой руке, а связка из табуретов — в левой. Вроде получалось, но он подумал, что так будет не совсем удобно открывать, а потом закрывать дверь, спускаться по узкой лестнице, выходить из подъезда, а потом ещё идти к гаражу с занятыми руками, да ещё с фотоаппаратом и футляром, колыхающимися у него на животе. Поставив табуреты снова на пол и положив на ближний к нему сковороду, Дюма-внук отодвинул обувную полочку под вешалкой и вытащил здоровенную мешковину, в которой лет десять назад, ещё до появления у него цифровой фототехники, он получал химикаты для редакционной фотолаборатории. Химикаты давно были частью использованы, частью выброшены за ненадобностью, а мешок остался. И пригодился: не так давно Дюма-внук возил в нём на ремонт компьютер. Вот и сейчас туда без труда вошли связанные табуреты и многодюймовая сковорода.

Перехватив левой рукой мешковину чуть выше середины, в горловину, Дюма-внук оторвал мешок от пола, толкнул плечом входную дверь, крикнул в спальню дремлющей жене:

— Марго! Маргушка, пока! Чикаго! Я поехал! — и вышел в коридор, не дожидаясь ответа, захлопнув за собой дверь.

Он легко сбежал по лестнице с третьего этажа на первый, выпорхнул из подъезда и быстрым шагом направился к гаражу, почти не ощущая колыханий фотоаппарата и футляра на животе и тяжести в руке. Оставив мешковину в стороне от ворот, Дюма-внук открыл гараж и выгнал оттуда свой белый двухдверный автомобиль «Suzuki». Небрежно бросив мешковину на заднее сиденье авто, Дюма-внук закрыл ворота гаража, уселся за руль, снял с себя фотоаппарат и объектив и аккуратненько, с любовью профессионального фотографа, положил их рядом на свободное сидение.

Путь его лежал от улицы имени газеты «Пионерская правда», где он жил, через Медицинский переулок к дачному посёлку, к Кристиной горе.

Кристина гора

Кристиной горой называют дачу на правом берегу Енисей-града. Вообще-то дач над Медицинским переулком полно, но эта — с домиком, огородом и баней во дворе, находившаяся ближе к вершине и принадлежавшая тётке Кристе, тёще известного всему Енисей-граду фотографа по прозвищу Дюма-внук, — особенная.

Сама её хозяйка — Кристя, или Кристина, — когда-то звалась Валентиной, но об этом помнят немногие. В числе их — пожилая девяностолетняя мать её Альбина Фёдоровна и тридцатилетняя дочь Маргарита, ну и сам Дюма пока не забыл, как звать по-настоящему его вторую маму. Ещё, правда, в паспортном столе Свердловского района Енисей-града данное от рождения имя этой женщины в официальных бумагах записано, но паспортистики меняются там часто, и не факт, что новая с ходу не назовёт Валентину, как все, Кристей-Кристиной.

Детство и юность Кристины-Валентины прошли на правом берегу Енисей-града, в бывшем спецпосёлке, среди длинных чёрных и серых барачков, оставшихся после расформирования

лагеря заключённых, в среде отбывших назначенные им сроки по политическим и уголовным делам мужчин и женщин, большой группой оставшихся на жительство по месту отсидки. С обеих сторон каждого из бараков, из старых почерневших и новых белоструганных досок, стояли понастроенные на скорую руку стачки-сараюшки, где держали бывшие подневольные и их жёны поросят и курей. Ходил меж бараков и сараев, пугая малышей, чей-то здоровенный смолянистый индюк, и паслись на лужайке за посёлком, ближе к Енисею, несколько беленьких козочек. Среди них была и коза Маруська, принадлежавшая родителям Валентины.

Росла Валечка вместе с детьми бывших эков, и тюремно-лагерный жаргон, на котором говаривали девяносто три процента окружающих её людей, по мере взросления девочки становился частью её повседневности. Как ежеутренние тарелка манной каши и кружка козьего молока.

За годы, проведённые в неволе, большинство жителей посёлка сделались склонными к словотворчеству. Немало было тут тех, кто за словом в карман не лез и отличался остротами. Своим устным словотворчеством выделялась и Валя. Она продвинулась дальше других потомков бывших невольников: большинство её сверстников ещё в детстве-отрочестве получили от будущей Кристи новые имена и клички, которые потом до старости и носили. И что удивительно: новые имена и прозвища часто отражались в лицах и движениях, проявлялись в поступках и в словах точностью определённого Валею образа. К примеру, сверстница Валентины соседка Тоня, когда Валя увлекалась чтением зарубежной литературы, сначала была названа на апеннино-пиренейский лад Тониэллой, потом Тонниель, а после — Спаниель. Окончательный вариант был не случаен, ибо Антонина, что по молодости, что с годами, своими манерами напоминала ласковую собачку, и будь у неё хвостик, наверняка беспрестанно бы виляла им и складывала трубочкой. Одноклассник Андрей, поступивший в ПТУ учиться на повара,

сначала был прозван Валей Коком, но вскоре стал просто Кокой. Слово «Коко» прилипло и стало именем человека, который и поваром-то после окончания училища ни дня не работал: ушёл в армию, после в локомотивном депо стал машинистом электровоза. Коко-машинист — звали его на работе, просто Коко — знакомые за глаза и в глаза, Кокушко — когда с любовью, когда иронично называла его жена. Кокушкин-молокушкин — дразнили его злые дети из подворотни, внуки бывших заключённых. И бесполезно было этому человеку, настоящее имя которого для окружающих забылось, а фамилия называлась только официально — на работе, выходить из себя, вытирать носовым платочком потеющую свою жёлто-блестящую яйцеобразную лысину, кричать и ругаться: для всех он стал Кокой. А сосед из барака напротив — Сарделькиным. Любил этот крепыш с пышными усами по утрам выходить с дымящимися сардельками на блюдечке и, поедая их с вилочки, глазеть на происходящее во дворе.

Мало кто из людей окружавшего её мира остался не переkreщённым Валентиной. Досталось и родителям. Мать её, санитарка правобережной городской больницы, по мере интеллектуального роста девочки называлась то Альбой, то Альбатросом, то Альбатросихой. А не доживший до старости её папа, бывший по малолетству вором-домушником, а потом исправившийся и прошедший трудовой путь от слесаря-сантехника до начальника конторы ЖКО, имеющий данное родителями имя Вася-Василий и весёлый по жизни нрав, часто был называем дочерью на кавказский лад — Васо, а более полно — Васо Веселошвили.

Папа Васо не остался в долгу перед дочуркой, и то, что его Валечка стала Кристинкой-Кристиной-Кристей, — заслуга его. С его логикой не поспоришь: раз даёшь всем имена-клички-прозвища, переkreщиваешь на свой лад, то и будешь Кристиной, или ещё проще — Кристей. Веселошвили как-то пару раз назвал дочь, вроде бы в шутку, Кристинкой-Переkreстинкой при большом скоплении народа, а однажды кликнул во дворе из-за

стола, играя в домино с мужиками: «Кристя, квасу принеси!» — и новое имя было тут же подхвачено.

Многие, уже перекрёщённые к тому времени Валентиной, с радостью ухватились за слова папы Веселошвили и с большим восторгом понесли их, активно внедряя новое имя своей обидчицы в посёлке и ближних дворах недавно выстроенных каменных двухэтажек.

Конечно же, не ожидающая подобного оборота Валя-Кристя некоторое время негодовала, злилась и даже несколько раз выходила из себя, публично называя родного папу Котом Котофеичем, Котярой и даже Кошкиным. Но Василий-Васо лишь громко смеялся и на всплески дочуркиного гнева отвечал разными небылицами про Кристинку-Перекрестинку, чем, собственно, и гасил её агрессию. Вспыхнувшая было Валентинка-Кристинка тушила свои вспышки обильными слезами, а то и громким рёвом, осознавая, что тягаться с собственным папашей, в совершенстве знающим язык лагерей и коммунальных работников, ей не хватит ни сил, ни опыта. Папа был признанным авторитетом во всей округе на житейском уровне, а уж на производственно-бытовом ему, пожалуй, не было равных во всём Енисей-граде.

Кристя схватки с отцом проигрывала, но не сдавалась. Перепалки с папой Веселошвили закаляли её, она напитывалась от родителя его энергетикой, перенимала манеру лёгкости в разговорах и, выйдя из дому, тут же применяла усвоенный словесно-духовный материал на соседях, одноклассниках, учителях. Доставалось даже знакомым её родителей, приезжавшим с другого берега Енисея в гости или по делам. Если гостившие приезжали с детьми, то редко кто из ребятишек оставался не переименованным Кристей и не уезжал со слезами и озлобленный.

Перекрёщённые и озлобленные дети с левого берега Енисея долго помнили свою обидчицу и старались больше не встречаться с ней. Это желание у многих сохранилось и по мере их взросления, и если представлялся случай увидеться им где-то

с Кристей мимолётно или близко, то некоторые делали вид, что с ней незнакомы. Кристя-Кристина отвечала тем же. Хотя не всегда. После школы она поступила в медицинское училище, где встретила некоторых повзрослевших детей левобережных знакомых, а потом, когда пришла работать в больницу, то стала встречать и узнавать ещё больше людей из категории когда-то гостивших у них и переименованных ею. Ни жить, ни работать это ей не мешало. Она будто бы и не помнила о своих шалостях. К тому времени папы Веселошвили уже не было в живых, часть его авторитета тут же автоматически перешла к его Кристине-Валентине, и многие, хорошо знавшие Василия-Васо, с почтением — а кто и с поклонением — относились к его дочери.

Да, с молодых лет Кристя была боевой и целеустремлённой. Не мать её Альбатросиха, а именно она, Валя-Кристя, унаследовала участок, выделенный папе под строительство дачи, у вершины горы, поставила домик недалеко от дорожки в гору и выстроила баню под молодой сосной. В общем-то, домик и баню пришлось строить её мужу — Николаю, или дяде Коле, как звал иногда тестя Дюма-внук.

Зять Дюма, пожалуй, был единственным, кто произносил настоящее имя мужа Кристины, все остальные звали его кто как горазд. Чаще от производных его фамилии. А фамилия у тестя Дюмы-внука была нераспространённой по городу, краю и даже по стране. Дядя Коля-Николай был — Решёткиным. Сама Кристя в хорошем настроении звала мужа — Ришелье, а в плохом — Решетулин; некоторые соседи по квартире и по даче называли его Зарешеченным, имея в виду, что находился он под руководством и гнётом жены; а бывало, нет-нет да проникало через забор во двор Кристиной дачи ещё одно прозвище Ришелье-Зарешеченного — Сильвер. И что самое интересное, Дюма-внук замечал: прозвище это не раздражало, как другие, тестя, а вызывало на его лице улыбку. По рассказам самого Ришелье-Решёткина, Сильвером прозвали его в детстве друзья по двум

причинам: пятиклассником он сломал ногу и долго хромал, а ещё потому, что одно время у него жил ворон, которого Николай учил разговаривать, но тот, выкаркивая что-то своё, никак не хотел произносить слово «пиастры», зато без страха садился на плечо хозяина. Хромой и с птицей на плече — ну чем не герой «Острова сокровищ» Роберта Стивенсона?

Вот этот Решёткин-Зарешеченный-Решетулин-Ришелье-Сильвер, или попросту дядя Коля, и приложил основные усилия, чтобы на участке у вершины горы, позже названной Кристиной, вырос домик. Домик, ограждённый штaketником, появился там в середине восьмидесятых, когда в целом по стране, и в окрестностях Енисей-града в частности, начали раздавать народу деляны под садово-огородные участки и выстроился на горе над Медицинским переулком целый дачный городок.

Дюма-внук, много сделавший для развития и укрепления Кристиного загородного хозяйства, как ни странно, к появлению домика на горе отношения не имел. Когда домик задумывался и начинался строиться, Дюма-внук ещё не числился зятем Кристи и Сильвера и даже не был знаком с их дочерью Маргаритой. Да и Дюмой в то время его ещё никто и не думал звать, а тем более с припиской «внук» или «внучок», как иногда иронично называли его некоторые приятели, о которых ещё пойдёт речь в этом повествовании. Тогда молодой фотограф-любитель, только отмучившись десять лет в борьбе со знаниями в школе, поступил учиться на фотографа-профессионала и ждал призыва в Вооружённые силы.

К Кристе, к Кристиной горе автор ещё вернётся, обязательно расскажет также об обитателях горы и гостях домика с банькой, а пока — снова о Дюме-внуке.

Дюма-внук

Что может показаться читателю странным: тёща Кристя не имела никакого отношения к прозвищу зятя. Дюмой, а после —

Дюмой-внуком его нарекли коллеги — фотографы и корреспонденты. Случилось это довольно обыденно, а не романтично, как может показаться на первый взгляд, вернее — на первый слух. Услышав обращение к человеку «Дюма» или «Дюма-внук», любой житель Енисей-града и даже приезжий или проезжающий через город с невольным почтением поднимет голову, чтобы взглянуть на обладателя такого имени-прозвища, и в девяноста случаях из девяноста одного подумает, что Дюма-внук как-то связан с литературным творчеством: на профессиональном или хотя бы на любительском уровне занят сочинительством. Но незнакомцев, желающих узнать историю появления этого имени-прозвища, ждёт, в принципе, бытовая история. На самом деле Дюма-внук за сорок своих жизненных лет не сочинил даже двух рифмованных строк. Нерифмованные сочинять пытался, когда работал в профсоюзной газете, где вредный редактор заставлял его подписывать фотографии, запланированные в номер. Но сколько ни пыжился Дюма-внук, у него ничего не получалось. Он ещё со школы не любил сочинений и изложений, а когда попал в газету, то часто обращался за помощью к Без Пяти Минут Нобелевскому Лауреату. Благо тот тогда был рядом: несколько лет они вместе пропагандировали профсоюзную жизнь в городе и по краю, частенько выезжая в командировки. Тогда, правда, этак лет пятнадцать-двенадцать назад, Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат не был лауреатом не то чтобы без пяти, а без десяти, без пятнадцати и более того — даже без двадцати минут. Он вообще был далёк от всякого рода премий, не имел званий и книг и строчил статьи сразу в четыре, а то и в пять енисей-градских газет, числясь во всех специальным корреспондентом (спецкором). Вот он-то без труда за минуту-полторы придумывал для Дюмы-внука текстовки и заголовки, чем сильно выручал товарища. Сам же Дюма бредил фотографиями и фотоаппаратами. Со школьных лет он ходил в кружки юных фотографов, кланчил деньги у матери на фотоаппараты, фотоплёнку и проявитель с закрепителем и был счастлив, когда у него получались

удачные фотографии. А они получались всё чаще и чаще, и всё явственнее и явственнее проявлялся его талант фотохудожника на снимках самых разных жанров: портретных, пейзажных, спортивных, производственных. Да, он явно был художником, хотя и с приставкой «фото», но никак не сочинителем, и, наверное, никто бы сильно не удивился, получи он прозвище Дали, Пикассо или Репин-Суриков, но...

Он стал Дюмой. Случилось это в начале девяностых годов, когда были колебания с заработной платой по всей стране и многие бросились на рынки и базары торговать своим и перепродавать чужое, используя любой случай, чтобы получить-добыть-заработать денюжку. Между делом появлялся на территории, приближенной к базару, и наш фотохудожник, уже тогда подрабатывавший редакционным фотоаппаратом на свадьбах и похоронах. Он предлагал книги из большой материнской библиотеки. Естественно, с разрешения мамы. Без особых усилий был продан Шекспир, не долго пришлось торговаться за Стендаля и за «Вечный зов» Анатолия Иванова, а вот книги Дюма — ни отца, ни сына — почему-то не раскупались. Ни в какую. Где-то за три-четыре месяца, после того как фотограф занялся сбытом литературы, библиотека его матушки, собранная за три десятилетия, похудела на Жюль Верна, Герберта Уэллса, Марка Твена, Михаила Пришвина и Алексея Толстого, а Дюма всё оставался. Отец и сын стояли нетронутыми в своём полном русскоязычном собрании сочинений. И напрасно начинающий коммерсант предлагал по выгодной цене книги великих французов на застольях, в кулуарах профсоюзных мероприятий, по телефону — все, как стоворившись, отвечали одинаково: «Нет, не надо, у меня есть уже».

Дело чуть не кончилось трагедией: фотокорреспондент лишился сна и аппетита, начинал каждый день со звонков, бормоча в трубку телефона: «Дюма, Дюма, вам Дюма не нужен?» — и однажды на планёрке потерял сознание, упав со стула.

Хорошо, что головой не на пол и не об стол, а на колени сидевшей рядом с ним молодой корреспондентки Ирочки. Редактор вызвал скорую, Ирочка и приятель-спецкорреспондент сопроводили бедного фотографа в стационар городской больницы и, дождавшись, когда его определяют в палату, оставили на попечение врачей, медсестёр и санитарок.

Никто, кроме него самого, не знает, предлагал ли фотохудожник в стационаре другим больным и медперсоналу собрание сочинений клана Дюма (поговаривали, что он всё же сбаврил за полцены все книги отца и сына какому-то больничному светлому духом коллекционеру редкой литературы), но Дюмой его самого стали называть именно тогда, когда он попал в больницу. Дня через два или три после этого, во время всередакционного чаепития, кто-то из коллег вдруг сказал:

— Надо бы нам нашего Дюму навестить, передачку какую-нибудь собрать, подбодрить, сказать, что ждём, мол...

Все тогда бурно зашумели и заулыбались, сбросились на покупки для больного и постановили: отправить корреспондентку Ирочку, секретаршу Тамару Ивановну и спецкора пяти газет — будущего Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата — в больницу с передачкой от них для Дюмы. Кто был тот коллега, впервые громко назвавший его Дюмой, фотохудожник так и не дознался толком. До конца точно он не знал и кто прилепил слово «внук» к его новому прозвищу, но догадывался, что скорее всего — Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат, ибо имел свидетелей, якобы слышавших, что тогдашний спецкор говорил неким активным товарищам-рыночникам, удерживая их от чрезмерного рвения:

— Вы поосторожней, а то получится как у Дюмы-внука: стал всем подряд предлагать книжки деда и отца, распродавать семейную коллекцию — и надорвался, бедный...

Так то было или не так, но когда фотохудожник вышел из больницы, его уже иначе как Дюмой-внуком никто из знакомых не называл.

Дюма-внук уверенно, несмотря на утренние заторы, напевая:

А дорога серою лентою вьётся...—

пересёк несколько оживлённых улиц правобережья Енисейграда, вывернул на Медицинский переулок, а затем направил «Suzuki» в гору. Внедорожник весело побежал к вершине по направлению, мало обкатанному авто, а потому лишь местами похожему на дорогу.

Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть,
Резкий поворот и косогор...

Дюма-внук любил свой автомобиль почти так же, как свой фотоаппарат «Nikon». Так же, как и импортный фотообъектив, он любил уютное, украшенное чехлом (красным плюшем с жёлто-чёрными тиграми) сиденье авто и легко переключаемую коробку передач, любил руль, обкрученный рукавом старой тестевой дублёнки мехом вверх, любил себя за рулём. А ещё Дюма-внук любил петь, покручивая баранкой. Закончив песню про шофёра на строчке:

Я хочу, шофёр, чтоб тебе повезло,—

преодолев половину горы, он продолжил начатую утром в умывальнике:

Я люблю тебя до слёз, без ума люблю...

У заброшенной лыжной базы Дюма-внук остановил песню и притормозил. У ворот, будто поджидая его, стояли трое: Оброс, Порос и Опрокис.

Три музытёра и Сын Татьяна

На Кристиной горе они числились музыкантами. Дюма-внук и вправду видел однажды, как Оброс перебирал кнопки старенького потёртого баяна, Опрокис тренькал на гитаре с

треснутым в двух местах грифом, стянутым чёрной изолентой, а Порос надрывно тянул за троих:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Эти слова из этой песни, и только однажды, слышал Дюма пятнадцать лет назад, когда впервые оказался в дачном домике Кристи.

Как сделал он позже вывод, концерт специально был организован к его приходу. Маргарита решила познакомить его с родителями и, конечно же, предупредила Крестю и Ришелье о намечающемся визите на гору Дюмы-внука.

Историю о том, как музыкальная тройца попала на Кристину гору, зять Дюма слышал от тестя Ришелье в кратком изложении:

— Сбичевались... А куда им ещё деваться? Тут хоть с голоду не помрут, да и нам по хозяйству какая-никакая помощь.

Тёща Крестя называла их музытёрами. Естественно, это она дала каждому из них новые имена, и только ей одной было известно, почему долговязый назван Обросом, упитанный — Поросом, а низкорослый — Опрокисом. В общем-то, всё общение Кристи с тройцей музытёров на глазах зятя проходило в форме приказов: сделать то-то и то-то, — а когда команды хозяйки не выполнялись как надо, она читала лекции «о хорошем поведении в быту и труде». Формулировку лекциям Кристи дал Ришелье-Решетулин. Не в силах выслушивать часовые проповеди жены, Ришелье, бросив краткое:

— Мамочка, я тут, неподалёку, — уходил за ограду или в дом.

Зять Дюма же, наоборот, любил словоизлияния тёщи. Он с наслаждением смотрел в это время на уверенную, похожую на профессоршу женщину с ясными глазами и стоящих с

опущенными головами трёх бородатых мужиков. Тёща обычно читала лекции, сидя на стуле, с крыльца дачного домика, а музытёры стояли внизу, у первой ступени.

Больше всех доставалось, по праву старшего и самого высокого из троицы, Обросу. Бедолаге на глазах Дюмы несколько раз попадало от Кристи кочергой по хребту. Дюма видел, что тёща лупит страдальца несильно, больше пугая, потому происходящее приветствовал улыбкой, сам не имея желания оказаться на месте Оброса. Оброс же, было видно, с иронией принимал экзекуции Кристи, сам нагибаясь под кочергу, а затем делая страдальческим лицо и выгибая фигуру. Иногда он падал после удара и изображал конвульсии. Но к номерам его обитатели Кристиной горы быстро привыкли и перестали проявлять сочувствие к выраженным на лице Оброса страданиям.

Самому маленькому музытёру, Опрокису, наказание чаще выпадало в виде оплеух, реже — пинков под зад. «Пинкарей», как выражалась Кристия, ловко поддав ему внешней стороной стопы или коленкой по мягкому месту. Опрокис после ударов и тычков всегда выкрикивал протяжное: «Ы-ой-й-й!» — и, выгнувшись вперёд, подняв вверх руки, семена, отбегал в сторону.

Однажды всем троим надавал пинкарей и Дюма-внук. Это случилось в начале июня, когда Дюма достал у знакомых репортёров семена редкого вида огурцов и решил самолично вырастить их в парнике. Обещали ночные заморозки, и отбывающий в командировку Дюма-внук попросил музытёров к ночи закрыть парничок. А музытёры, пообещав хозяйкиному зятю сделать всё как надо, то ли отвлеклись на какое-то срочное задание Кристи, то ли прочифирили до отбоя, но парник к ночи не укрыли, и огуречные ростки помёрзли. Едва увидев сморщенные почерневшие побеги, разгневанный Дюма-внук одним рыком подозвал к себе сразу трёх музытёров, а едва они приблизились, стал испытывать на них прочность своих новых кроссовок.

— Забью до смерти, собаки! Вам мои огурцы ещё задом выйдут! Полные задницы набью вам огурцами нового урожая! — кричал Дюма, размахивая длинными ногами.

Получение пинкарей от всегда улыбавшегося и фотографировавшего их человека стало для музытёров неожиданностью. Опрокис, даже не успев выкрикнуть своё протяжно-зычное: «Ы-ой-й-й!», через несколько мгновений оказался головой в парнике; более опытный Оброс, прикрывая лицо то правой, то левой рукой, уворачиваясь от мелькающих перед глазами ярких обуток Дюмы-внука, вовремя сориентировавшись, бухнулся рядом с парником; и только коренастый, приземистый Порос молча и стойко перенёс удары озверевшего хозяйкиного зятя.

«У-у! Статуй железобетонный!» — вспомнил Дюма-внук. Так кричала на Пороса, когда злилась, Крестя, глядя в его, как она говорила, «отмороженные глаза», но ни кочергой, ни ногами, ни руками его не касалась. Не касался его после этого побоища, как и других музытёров, и Дюма-внук. Он-то и раньше не доверял им ничего важного, а после случая с огуречной рассадой вообще перестал о чём-либо их просить, а потому больше и не злился. Даже наоборот, иногда выполнял просьбы музытёров: привозил им сигареты, чай, конфеты-карамельки и любил фотографировать их за чаепитием.

А чай они любили пить крепко заваренный, чёрный, как дёготь, при переливе из заварника в стакан или в кружку кажущийся Дюме-внуку похожим на тягучее машинное масло. Чаепитие устраивалось троицей на дню по несколько раз. С чая начиналось каждое их утро и заканчивался вечер. «Дай им волю, — думал иногда Дюма-внук, — они и ночь напролёт свой чифир дуть будут».

Но воли ночью музытёрам не давали, поэтому они ночами чай не варили. Да и к ночи у них он редко оставался. Той заварки, что привозил Дюма-внук, и той, что выдавала каждое утро Крестя, им не хватало до вечера, и если бы не их приятель Сын Татьян, то и не чаёвничали бы они по пять-шесть раз за день.

История жизни Сына Татьян была более прозрачной, чем биографии залётных музытёров. Сын Татьян родился на правом берегу Енисей-града, и многие Кристины знакомые и сама Крестя знали и его бабушку, и его мать, и его мачеху, и, конечно же, отца его Володю.

В том, что его сын стал Сыном Татьян, повинен этот самый Володя. Парнем он был робким, нелюдимым, женщин и девушек в молодые годы сторонился. Но лодырем не считался. После армии пришёл работать в правобережный жилищно-коммунальный отдел Енисей-града, где начальствовал к тому времени Крестин папа Веселошвили. Сначала был разнорабочим, потом выучился на электрика. И вот как-то летним утром оформила на него заявку по всей форме в ЖКО бывшая зэчка Татьяна. В общем-то, она оформила заявку не лично на Володю, а на электрика: проводку в комнате барака ей надо было заменить. Свободным оказался Володя, потому и пошёл он к Татьяне. Сначала поменял провода под розетки и выключатели, как было написано в наряде, а потом наладил выключатель и исправил розетку на кухне — уже по собственной инициативе. Хозяйка осталась довольна и пригласила электрика присесть с ней попить чаю. Он присел, да и зачаёвничался. Сначала на день, потом и на второй, а три дня спустя видели и слышали соседи, как собирала Татьяна Володю утром на работу. Несмотря на разницу в возрасте (почти в два десятка лет), громкие разговоры и прогнозы в посёлке и ближних двухэтажках, Володя от Татьяны не ушёл ни через месяц, ни через два, и разговоры вокруг них стали затихать, но совсем не стихли. Примерно через полгода после того, как Володя поселился у Татьяны, они вспыхнули опять, в связи с новыми событиями. К Татьяне, по одним сведениям — из Тамбовской, а по другим — из Пензенской губернии, в общем, откуда-то с запада, явилась, на удивление многим, её взрослая дочь по имени Таня, выросшая без матери, в семье отца. Небольшого росточка и шустрая — «вся в мать», приехала она, как говорили, вроде бы погостить, да и загостилась. Через

некоторое время самые глазастые из поселковых разглядели у Татьяны-младшей растущий животик, и громкость издаваемых ими звуков при обсуждении новой темы повысилась на несколько децибел. А подпрыгнула громкость разговоров резко и ещё в несколько раз, когда старшая Татьяна привела в загс Свердловского района Енисей-града свою беременную дочь и своего неофициального мужа. Весть о регистрации этого брака долго возглавляла поселковый и даже районный рейтинги слухов, а риторический вопрос: «Как они там, в своей семейке, ладят друг с другом?» — служил поводом для дискуссий как до, так и после родов Татьяной-младшей. Мальчику дали имя то ли Лёша, то ли Лёня. Сейчас это не важно, ибо ни Лёшей, ни Лёней никто в посёлке его никогда не называл. Воспитывался он в доме у бабушки, и хотя его папа и мама жили там же, все видели, что с внуком возилась только Татьяна-старшая. Татьяна же младшая шустрила недолго. После родов она устроилась на работу к «мужу» — в ЖКО дворничихой, но поработала год или полтора. На медкомиссии обнаружили у неё какую-то болезнь и принялись усиленно лечить. Но не помогло. Татьяна растаяла быстро, не дожив до трёхлетия сына.

«Залечили, — вынесли приговор в посёлке. — Не сказали бы про болезнь — может, и сейчас жила...» После смерти жены, усилиями Васо Веселошвили, от ЖКО Володе выделили квартиру в новой двухэтажке. На удивление говорунам, в новую квартиру вместе с зятем и внуком въехала и Татьяна-старшая. Народ тут же стал судачить про «возвращение старой любви» и про то, что «любовь их продолжалась и при жизни Татьяны-младшей» и что «электрика надо бы судить за многожёнство». «Но мальчика жалко... — говорили сочувственно даже самые непримиримые борцы с нарушением семейной морали, одновременно вынося свой вердикт: — Пусть себе живут...» И уж совсем были сбиты с толку любители слухов и сплетен, когда некоторое время спустя в пустующую комнату Татьяны-старшей вселился Володя-электрик. Да не один, а с молодой маляршей. Электрик остался

верен однажды выбранному им женскому имени: его новая жена тоже звалась Татьяной. А по посёлку пошёл — правда, не достоверный,— слух, что и мать Владимира зовут Татьяной. Так это или нет, никто особо справки не наводил. Володя был родом с левобережья, и о родителях его никто толком не знал. Видели, что приезжали двое пожилых людей к Татьяне-старшей после рождения внука, да самые глазастые и любопытные говорили, что замечали эту пару на похоронах младшей Татьяны.

Так это или нет, но мальчик рос у бабушки Тани, подрастая, ходил в гости к папе и мачехе тёте Тане, а на Пасху или на Родительский день ходил с бабушкой на погост — на могилку мамы Тани. Лет с пяти его стали называть Сыном Татьян. Так звали его все, кто знал: и в барачном посёлке, и в кирпичных двухэтажках, и во дворах появившихся позже на правом берегу Енисей-града панельных пятиэтажек. Наверное, только бабушка и отец с мачехой знали его настоящее имя, да ещё учителя в школе окликали на уроках по записанной фамилии. Сын Татьян пошёл по стопам отца — стал электриком в ЖКО правого берега.

Однажды его пригласила к себе на гору Крестя — подлатать старую проводку, протянуть новую и поставить счётчик электроэнергии. Сын Татьян поднялся на гору, сделал свою работу, поел Крестиных салатов, попил чаю, выпил что покрепче и, обратив внимание на троих странных мужиков, что во время работы помогали ему разматывать провода и подавали инструменты, решил познакомиться с ними ближе. Так Сын Татьян узнал трёх музытёров, а после даже подружился с ними.

Двадцать лет не спускаясь

На момент появления Дюмы-внука на Крестиной горе дружба между Сыном Татьян и тремя музытёрами была уже прочной. Сын Татьян один-два раза в неделю обязательно появлялся возле домика с баней, где его улычиво и радостно встречала

музытёрная тройка, окружая и разбирая сигареты, конфеты и чай. Сама Крестя тоже была рада его появлениям, ожидаемым и неожиданным. А что плохого в том, что электропроводка будет ещё раз проверена, пошатывающиеся выключатели и розетки подкручены и укреплены? При том Сын Татьян никогда не отказывался ни от какой другой работы: летом помогал пропалывать грядки, осенью — собирать урожай, зимой чистил снег в ограде и колол вместе с музытёрами сосновые и берёзовые чурки, весной убирал территорию и готовил с Кристей участки под посадку овощей и картофеля. Кроме всего прочего, Сын Татьян, случалось, был единственным посетителем Кристиной горы за недельный, а то и двухнедельный период. Да, случалось, что, часто неотложно занятый, Дюма-внук по месяцу не показывался на глаза тётчи, а редко покидающий гору в весенне-летне-осенний сезон Ришелье-Решетулин, спустившись по сверхнеобходимости, нет-нет да прихватывал домой из расположенного по пути магазина бутылочку-другую водки и проводил некоторое время в иной реальности: с утра — похмеляясь, днём — распевая песни под питание и закуску, а к вечеру — непробудно засыпая до утра. В такое время Сын Татьян оставался единственным связным между Кристиной горой и остальным миром.

Тут надо сказать, что, несмотря на такие события, тётка Крестя не поддавалась на провокации. В период с двадцать первого марта (обязательный день заезда Кристи на гору своего имени) по шестое ноября (постоянный в году день отъезда её на квартиру в панельной пятиэтажке) она никогда не покидала своего поместья, а оставив его на зиму, обязательно раз пять-шесть в декабре-феврале вместе с Ришелье-Сильвером посещала владения, заставляя Дюму-внука штурмовать на своём «Suzuki» скользкую гору над Медицинским переулком.

Музытёры же не спускались совсем, зимуя в Кристином домике и выполняя работу и сторожей, и дворников, и истопников. По подсчётам Дюмы-внука, музтройка более двадцати лет безвылазно провела на Кристиной горе.

Сопоставляя условия их жизни, Дюма-внук иногда задавал себе вопрос: когда же этой троице живётся лучше — зимой или летом? Зимой они остаются на горе сами по себе и делают что хотят. Но зимой холодно, и хотят они, по лености своей, не-многого: топить весь день печку и греться у неё, попивая чай. А иногда не только чай. Бывает, поднявшийся к ним зимой Сын Татьян доставляет на гору музытёрам и выпить-закусить. И тогда они, бесконтрольные и пьяные, забывают убирать снег, колоть дрова и даже топить печку. А летом... Лето, конечно, есть лето. Летом не надо им кутаться по очереди в старую дублёнку Ришелье без одного рукава, носить просаленные телогрейки и потёртые спортивные шапочки. Зато летом Сын Татьян ни водки, ни вина им не носит. Летом и он, и они — под полным надзором Кристи и Ришелье. Летом у музытёров всегда много работы, и летом они не принадлежат себе ни днём, ни ночью. Ночью особенно.

Тесть Решетулин рассказывал зятю Дюме, что музытёры первое время их жизни на горе укладывались на ночлег на веранде, подстилая под себя дублёнку и телогрейки. Засыпали они быстро, но и так же быстро начинали храпеть. Причём захрапывала музытёрская троица почти одновременно и «давала храпка» синхронно, но на разные лады. Храп, доносившийся через закрытую дверь, мешал спать чуткой, ранимой хозяйке дачного домика. Бедной Кристе приходилось слушать тёплыми летними ночами и протяжные с посвистом, и глубоко похрюкивающие, и пошлёпывающе-губные, и даже переливно-песенные храпы. Когда храпение становилось невыносимым, Кристя толкала в бок посапывающего рядом Ришелье и отправляла его «на заглушку». Поначалу дядя Коля Решёткин обращался с музытёрами ласково: осторожно потряхивал каждого спящего за плечо, предлагая «повернуться на бочок». Храпуны поворачивались и вроде бы засыпали, но едва Ришелье отходил к своей кровати, переливы, похрюкивание и невыносимое для Кристи губошлётство возобновлялись. Кристя отправляла мужа обратно, и тот

снова, присев среди спящих, тормозил храпящих. Надо отдать должное: Ришелье-Решетулин был терпелив. Иногда по два — два с половиной часа вёл он неравную борьбу: один бывший сержант-гвардеец против тройки музытёров. Конечно же, трое побеждали одного. И, бывало, не выспавшийся ночью Зарешеченный кимарил днём. Нет-нет да и сама Кристя на часок-другой иногда ложилась подремать после обеда. Получалось, что трое побеждали двоих. И побеждённые, хотели этого или нет, проигрывая ночные бои, озлоблялись на своих невольных соперников, и, по наущению жены, Ришелье-Сильвер, выходя ночами на храпящую троицу, стал вооружаться сначала тапком-шлёпанцем, а потом и зимним, с толстой подошвой, мужским сапогом. Толчки в бочок заменились на удары по спине, плечам и ягодицам — сначала лёгкие, потом средней тяжести и, наконец, хлётско-резкие. Ночные бои между бывшим гвардейцем и музытёрами продолжались несколько недель, перерастая в откровенные побоища. Самый смекалистый из музытёров, Порос, начал применять тактику отползания. После первого же шлепка он накрывал голову телогрейкой, отползал подальше — в угол веранды — и на какое-то время затихал. Оброс же и Опрокис выводов не делали: поворачивались со спины на бок, умудряясь громко втягивать и выдыхать воздух и в таком положении. Ситуация с каждым новым наступлением ночи накалялась, и однажды перед рассветом произошёл взрыв. Самой короткой июньской ночью на очередной размашистый удар сапогом Опрокис ответил Сильверу-Ришелье громким дуновением отработанного в нём газа. Дядя Коля Решёткин, сражённый резким запахом, потерял равновесие и, как раненный в бою, завалился набок. На глазах бывшего гвардейца выступили слёзы, и он, прикрывая ладонью лицо, задыхаясь и покашливая, пополз к двери — за плотком свежего воздуха.

Эта июньская ночь оказалась последней в весенне-летне-осенних сезонах, проведённой музытёрами в горизонтальном положении. В последующие годы только зимой и только в

отсутствие Кристи и Ришелье они спали лёжа. Семь же с половиной месяцев в году музытёры коротали в здоровенном старинном шифоньере высотой в два метра двадцать сантиметров, длиной в один метр шестьдесят семь сантиметров и шириной в девяносто три сантиметра. Этот шифоньер был доставлен на гору до появления на ней Дюмы-внука, но размеры его впервые были установлены и оглашены для всех зятем тётки Кристи. Вот в этот шифоньер, сотворённый, видимо, ещё в бытность Дюма-отца, и поместил Ришелье, по совету соседа по фамилии Монсардин, трёх музытёров. Монсардин тридцать лет служил надзирателем в городской тюрьме и кое-что знал о методах по борьбе с храпунами. По его подсказке Ришелье-Зарешеченный прикрутил стальной проволокой к перекладине для одежды три берёзовых палки, надел на них поизносившиеся тулупы, выменянные за овощи у того же бывшего тюремного служаки, и стал каждый вечер, между двадцатью двумя и двадцатью тремя часами по местному времени, загонять по одному в шифоньер музытёров. А чтобы кто-то из них за ночь не выпал, запихивал каждого в рукава тулупов, застёгивая овчинные кафтаны на все пуговицы.

По воспоминаниям Ришелье, только первую ночь музытёры стучали ногами и кричали, что задыхаются. На следующий же день, чтобы бедолагам действительно дышалось легче, Сильвер-Зарешеченный просверлил ручной дрелью несколько отверстий по периметру в задней стенке, отодвинув шифоньер от стены в глубь веранды на семь сантиметров. Сразу или нет научились музытёры спать стоя и кто из них приспособился к новым условиям лучше, а кто мучился дольше, они впечатлениями ни с кем не делились, зато храпеть перестали сразу. Правда, случались поначалу с ними на новой ночёвке естественно-потребные конфузы, особенно с Опрокисом, но неуклонный Ришелье, подбадриваемый соседом Монсардиным, стал запрещать им пить чай после двадцати часов, а перед заключением в шифоньер контролировал лично хождение каждого из них до отхожего места.

Вот так жили музыктыры на Кристиной горе, двадцать лет не спускаясь ни на улицы Енисей-града, ни даже к переулку под горой, называемому Медицинским и соединяющему две большие улицы правого берега Енисей-града. За двадцать лет горной жизни они десятки раз встречали поднимавшихся на гору и провожали спускающихся с горы хозяев и сотни раз — их многочисленных гостей. Больше всех гостей приводил и привозил Дюма-внук. Только за последний десяток лет Крестину гору посетили сто, а то и сто пятьдесят приятелей хозяйкиного зятя. Некоторых музыктыры видели всего по одному разу, и они им не запомнились. Другие появлялись раза по два-три за сезон, чтобы попариться в баньке, и тогда музтроица готовила дрова и носила воду в предбанник. На памяти Оброса, Пороса и Опрокиса Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат был на даче три раза. И все три посещения им Кристиной горы оказывались памятными не только для всех, кто там в это время был. Самый первый подъём на гору этого приятеля Дюмы-внука состоялся в мае конца девяностых годов и был связан с железной банной печкой. Дюма-внук, в то время ещё не имеющий «Suzuki», заказал на заводе сельхозмашин определённого размера печь, а когда она была готова, попросил у редактора «Ниву», чтобы отвезти на гору. С ним вызвался в помощники предприимчивый спецкорреспондент — будущий Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат. Печку тогда привезли, установили и даже затопили, а мероприятие обмыли тремя бутылками водки. Причём выпить, в порядке исключения, налили и музыктырам. А потом, когда Дюма-внук пошёл проводить хмельного приятеля вниз с горы до ближайшей автобусной остановки, а Решетулин с Кристей прилегли отдохнуть, копающие грядки музыктыры увидели, что баня полыхнула изнутри.

Баню тогда спасли: прибежали соседи, стали поливать водой из вёдер и тазиков и вспыхнувший огонь залили ещё до возвращения на гору Дюмы-внука. Погорела немного стенка между моечно-парочным отделением и предбанником. Как выяснил

потом Ришелье, огонь вырвался из зазора между печкой и трубой и пошёл по сухому брусу. Печку переставили на другой же день и в целях безопасности обложили часть стены огнеупорным кирпичом. Зазорам тоже шансов не оставили. Баня больше не горела, и года через три Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат, снова взобравшись на гору по приглашению Дюмы-внука, даже попарился в ней. Второе пришествие Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата запомнилось музытёрам ещё больше. Мало того, что они носили ему воду из стекающего с гор ручья, спускаясь и поднимаясь на шестьдесят три метра, так он ещё оказался любителем грибов и погнал всех, включая Ришелье и Крестю, в лес. Грибов тогда толком не набрали, а вот под град попали. В прямом смысле. Откуда тогда, в погожий денёк конца августа, появилась вдруг эта туча, вначале не предвещавшая ничего серьёзного, никто не мог взять в толк. Но тучка вдруг прикрыла солнышко и давай пулять снежными камешками. Пуляля недолго — меньше десяти минут, а потом снова выглянуло солнце, но грибники были уже побитыми и мокрыми. Досталось всем. Никто не успел добежать во время градовой атаки до домика. Потом все отогрелись в баньке, собранные грибочки пожарили — досталось всем помаленьку, и вроде бы всё закончилось благополучно, но выяснилось, что не совсем. Второй визит Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата на Кристину гору имел последствия: наслушавшись рассказов Дюмы-внука и Ришелье о дачной их жизни, он взял да и сочинил книжку. Книжка вышла в ноябре. Это была повесть, и называлась она «Дюма-внук и бичи». В ней были такие главы: «Приют бичей», «Воспитание бичей», «Как бичи спасали баню», «Бичи и грибы», «Избиение бичей», «Заговор бичей», «Мечь бичей» и «Изгнание бичей».

Эту белую книжечку-тетрадку в мягкой обложке принёс на гору Сын Татьян, когда Крестя и Ришелье уже съехали на зимнюю квартиру. Он читал её вслух музытёрам, подливал в пластиковые стаканчики водку, пил и хохотал. Музытёрам же было не до смеха. Оброс, Порос и Опрокис, узнавшие себя в

образах бичей, были возмущены небылицами, что насочинял поднимавшийся к ним на гору литератор. По его книжке выходило, что они люди без роду и племени, ходили по дачам, просили милостыню и совершали мелкие кражи, пока не приютила их тётка Кристя. В «приюте для бичей», как назвал дачу на горе автор, все трое годами совершали непосильный труд только для того, чтобы заработать милость хозяев и похлёбку. Измождённые и всегда угрюмые, они терпели побои от мужа хозяйки и особенно от её зятя, который придумал для них целую систему воспитания: заставлял каждый день носить воду, колоть дрова и ходить по грибы. В повести Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата герои-бичи не сдавались и по мере своих сил сопротивлялись злему року. Однажды они подожгли хозяйскую баню, а в другой раз в суп с грибами подбросили несколько поганок. Одну из поганок съел Дюма-внук. Как было написано в книжке: «Он отравился, но дуба не дал, а, промыв желудок водкой, побил бичей. В этот раз — оторванной от ограды штакетиной». По повести выходило, что бичи, зализывая раны (так и было написано: «зализывая собственные раны»), сговорились отомстить хозяйкиному зятю и, улучив момент, сняли с его «Suzuki» три колеса, продав два из них барыге-соседу. Произведение заканчивалось тем, что совсем озверелый Дюма-внук, размахивая своими длинными ногами в красных кроссовках и непроданным колесом в руках, совершил изгнание бичей с горы на улицы Енисей-града. Якобы он пинкарями без передыху гнал их с вершины горы до её основания, по бездорожью, вдоль ручья (одна тысяча девятьсот двадцать четыре метра), и бил колесом по головам отстающих.

Сын Татьян хохотал как умалишённый, иногда бросал книгу на стол, обнимал себя за плечи и, заливаясь дурным смехом, раскачивал под собой табуретку. Троица музыгёров с мрачным видом, молча опустошая водку из стаканчиков, смотрела на его веселье. В эти минуты громкого чтения они ненавидели своего благодетеля-поставщика, и все трое как один желали, чтобы

ножки табурета под Сыном Татьян треснули и сложились и он бы рухнул, ударившись головой об стол, а ещё лучше — затылком о печку. Частично мечты музытёров сбылись: дочитывая последнюю главу, чтец не удержался на качающейся табуретке и упал, продолжая хохотать в лежачем положении. Табуретка не сломалась, и он не ушибся. Может быть, и к лучшему: позже он сходил ещё за двумя бутылками водки, чем немного скрасил печаль музытёров.

В большой печали после прочтения книжки пребывал и сам Дюма-внук. Чего-чего, а такого произведения-поклёпа от приятеля, почти друга, он не ожидал.

— И что ему наша дача поперёк встала? — спрашивал зятя дядя Коля Решёткин.— И баню-парилку для него организовали, и парился от души, и мамочкины оладьи хвалил, и грибы для него собирали-жарили. И на тебе: мы ещё и рабовладельцы — бичей в рабов превратили бесправных...

Крестия же от известия слегла. Обложившись таблетками, настоями и отварами, обвязав голову полотенцем, она лежала в полутёмной спальне, ожидая приезда к ней с часу на час следователя прокуратуры, а то и самого прокурора Свердловского района, и причитала:

— Не надо было их в шифоньер сажать, ну и пусть бы храпели себе... Я уже и привыкла.

И вправду, временами она вспоминала о храпе музытёров как о врачующей душевную рану музыке и кричала Ришелье:

— Сходи посмотри в почтовый ящик — может, нам уже повестку в суд принесли...

Но так длилось недолго: дня два, может, три. Ни прокурор, ни следователь к ней не пришли, и повестку из суда не прислали. Шоковая волна прошла, но на семейном совете, где присутствовали не бывавшие много лет на горе мать и дочь Кристи, было принято постановление: «Запретить Без Пяти Минут Нобелевскому Лауреату посещение Кристиной горы». Зятю же тёща строго наказала не иметь никаких отношений и

даже разговоров с этим, как она выразилась, «горюшкой-литератором».

Дюма-внук и сам, без наказа второй мамы, сразу же по прочтении книжки был настроен порвать все отношения с бывшим спецкором, но обстоятельства вскоре сложились так, что...

Невзрачная на вид книжечка с маркой обложкой про Дюму-внука и бичей неожиданно для многих не только стала очень популярной в Енисей-граде, но и нашла читателей по многим городам и сёлам Сибири — Восточной и Западной. Книжку дублировали на сканерах, распечатывали на принтерах, множили на ксероксах. Изданные первым тиражом на страх и риск сто экземпляров разобрали за три дня и потребовали от издателя и автора ещё. Не удовлетворился читательский спрос на книжку и после второго издания — в три сотни экземпляров. Потребовалось третье — в пятьсот. Когда за неделю разлетелись и пять сотен штук, издатель рискнул на тысячу — и не прогадал: до Нового года не осталось ничего и от четвёртого издания. Более того, накануне встречи главного праздника года состоялась в краевой библиотеке внеплановая читательская конференция, где её участники — читатели и библиотекари — сочинили обращение к автору с требованием «немедленно создать продолжение повести». Автор уговаривать себя не заставил и уже в начале февраля принёс издателю рукопись повести «Возвращение бичей», которая сразу же была принята в производство и вышла в середине последнего зимнего месяца тиражом в полторы тысячи экземпляров, уже в цветной, правда, снова не твёрдой, обложке, с иллюстрациями. Выход книжки ознаменовался публикациями в нескольких городских и краевых газетах материалов о тех, кто послужил прообразами героев повестей Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата. В двух газетах были помещены фотографии Кристиной дачи, а в одной — даже фото троих музытёров. Оброса, Пороса и Опрокиса бойкий фотокорреспондент заснял, когда они разгребали уже побуревший снег во дворе дачи. Был там в то время и Сын Татьян, но, увидев

человека с фотоаппаратом, он спрятался за баню и в объектив не вошёл.

Новая книжка Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата имела ещё один шумный успех и ещё дважды переиздавалась, что сыграло свою роль: Кристино семейство на ближайшем же собрании пересмотрело дело в отношении к литератору. На очередном семейном совете он был реабилитирован и снова приглашён в баньку. Приглашением Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат воспользовался в июле следующего года, когда приехал из столицы со своей новой книжкой, а в сосновом бору, что слева и чуть выше Кристиной дачи, пошли первые маслята. И снова все обитатели Кристиной дачи вышли как один за грибами, и снова музытёры, уже не обижавшиеся на литератора, корячились — носили воду с ручья и кололи дрова, и снова после бани все ели жареные маслята под водку. Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат рассказывал всем про то, что написал новые повести и в очередной его книжке героями станут люди редких профессий.

— Представляете,— говорил он громко, сидя за столиком на веранде и подняв вверх пластиковый стакан с водкой,— у меня там не фигурируют, а живут яркие образы. Один — санитар районного морга, другой — забойщик скота в деревне, третий — енисейградский истребитель тараканов.

— Да, это — круто! — подбадривал приятеля Дюма-внук.

— Да, да... — поддерживали его Кристя и Ришелье.

— Я такую жизнь там нарисовал, что и классикам не снилась! — приподнимался из-за стола Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат.

— А я знаю: ты можешь, можешь... — соглашался с ним заранее ещё не читавший новых творений литератора Ришелье и предлагал всем выпить.

И снова, как два предыдущих раза, визит на гору Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата имел своё продолжение. На сей раз помывшийся и напаренный в бане Без Пяти Минут

Нобелевский Лауреат, отведавший грибов и салатов, придя домой, свалился вдруг от резких желудочных болей и был госпитализирован с диагнозом «кишечная спайка». В тот же день его прооперировали в железнодорожной больнице Енисей-града.

Почти две недели лежал Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат в больнице, а Дюма-внук носил приятелю кефир и минеральную воду без газа. Дюма-внук и забрал его, беспомощного, из лечебницы и отвёз домой на своём, тогда только что купленном, «Suzuki», а когда тот немного оклемался, проводил на вокзал, помог сесть в московский поезд. Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат поехал за новой своей книгой.

Монтя Кристин

Увидев «Suzuki», музытёры замерли, словно охраняя вход у заколоченных несколько лет назад ворот лыжной базы. Трое бородатых длинноволосых мужиков в одинаковых оранжевых футболках: начинающий лысеть Оброс — с берёзовым дрыном, отливающий сединой Опрокис — с топориком наизготовку, чёрный как смоль Порос — с пилой-ножовкой, подбоченившийся и выступивший вперёд.

— Бить будете? — пошутил Дюма-внук, подходя к ним и то глядя себе под ноги, то целясь в музытёров через объектив фотоаппарата.

Оброс и Опрокис заулыбались, показывая, что они рады видеть хозяйкиного зятя; Порос же ещё выше поднял голову и тоже якобы пошутил:

— Пока нет, а там посмотрим...

— Ну-ну... — произнёс Дюма-внук, остановившись в пяти-шести шагах от музытёров и дважды нажав на спуск фотоаппарата.

— Нас за сухачом отправили, — сказал самый общительный из троицы — Опрокис. — Ищем тут сухие берёзки.

— Что им там, опять дров мало? — спросил скорее себя, чем музытёров, Дюма-внук, имея в виду Крестю и Ришелье. — Месяца не прошло, как натаскали целую поленницу, за баней сложили.

— Крестя говорит: надо тоненьких и сухеньких, как для шашлыков, — опять пояснил Опрокис.

— Монтя, что ли, на гору забрался? — предположил Дюма-внук. — Для него баню топить собираются?

— Монтя! — пробасил Порос. — Ишо не пришёл, позвонил Кресте тока... Часов в пять будет... Надо, чтоб к пяти баня готова была.

— Мы тут уже насобирали кучку. Может, увезёшь на гору? — попросил Оброс. — Всё равно тебе туда, а нам ещё воду носить...

— Ладно... — кивнул Дюма-внук, фотографируя уже, наверное, в сто второй раз в своей жизни закрытые ворота бывшей лыжной базы. — Тащите к машине.

Пока музытёры грузились дровами, Дюма-внук открыл багажник «Suzuki», положил на коврик в развёрнутом виде два местных глянцевого журнала, что всегда по шесть-семь экземпляров возил с собой, и только тогда разрешил подошедшим к машине с охапками дров заготовителям:

— Складывайте свои палки.

Когда музытёры аккуратно сложили уже порубленные и напиленные до нужного размера тонкие сухие берёзовые стволы, Дюма-внук едва закрыл багажник «Suzuki».

— Ещё будете собирать? — спросил он Пороса. — Этого же на пять растопок хватит...

— На пять не хватит... — вздохнул толстяк, достав из кармана спортивных штанов кисет с лично выращенным им на Крестиних грядках, заготовленным и высушенным на банной завалинке табаком. — Сам знаешь: летом сухая берёзка горит как порох... Сейчас покурим и поищем ещё.

— Вам лучше знать, — Дюма-внук прицелился объективом фотоаппарата выше лыжной базы — на возвышающуюся над

лесом, тянувшуюся к облакам заострённой вершиной скалу.— Ну, вы тут курите,— сказал он Поросу, сделав за все свои путешествия сюда уже, наверное, трёхсотый снимок вершины,— а мне вас ждать некогда. Вот ты,— он показал на Опрокиса,— поедешь со мной, дрова разгрузишь. Остальным — Чикаго!

— Чикаго! — повторили один за другим Оброс и Порос, а Опрокис, улыбаясь, побежал к машине.

Прежде чем открыть дверцу музытёру, Дюма-внук, не снимая с себя фотоаппарата, положил на сиденье рядом с собой, обложкой вверх, глянцевого журнал и убрал футляр с объективом в бардачок машины.

— Едем молча, без эмоций,— сказал Дюма-внук, едва Опрокис уселся на журнал и закрыл за собой дверцу.— Мне тут много поразмыслить нужно, понял?

— Понял, понял! — закивал Опрокис и сложил руки на коленях.

— Значит, Монтя пожалует,— произнёс Дюма-внук, включая зажигание авто.

Опрокис, помня наставление хозяйкиного зятя, лишь кивнул.

— Монтя... — проговорил Дюма, приводя «Suzuki» в движение.

Тот, кого все на горе называли Монтя, а некоторые, подчёркивая,— Монтя Кристин, был неунывающим человеком возрастом под шестьдесят. Невысокий шатен, с небольшой, отливающей сединой бородкой и усами.

«Задрипанный интеллигент»,— говорил о нём Ришелье. Ни он, ни Дюма-внук этого Монтю не жаловали. Хотя именно Дюма-внук привёз его однажды на гору, представив автором профсоюзной газеты. Авторам в профгазете было немало, штатных и внештатных, и ни Кристя с Ришелье, ни музытёры не удивлялись, что некоторых из них, преследуя свои интересы, приглашал на дачу Дюма-внук. Непременно с застольем и

баней. Хозяйка с хозяином не возражали. Одним они и сами были рады и с неподдельным гостеприимством приветствовали, других, бывало, встречали насторожённо и с оглядкой на Дюму-внука, но к большинству взобравшихся с зятем на гору оставались равнодушными. Казалось, даже не запоминали ни их лиц, ни имён-фамилий.

Дюма-внук познакомился с Монтей в политехническом институте, куда поехал по заданию редактора сфотографировать мужика, читающего там лекции по философии и иногда пишущего статьи в их газету.

— Ему скоро диссертацию защищать; может, профессором станет, так что портретик его нам может пригодиться,— сказал редактор профгазеты.

Хотя и назвал редактор преподавателя мужиком, Дюма-внук, едва взглянув на лектора-философа, отметил, что на простолоудина он не похож. Этот «ещё не профессор» быстро расположил фотографа к себе, встретив его шутками-прибаутками в пустой аудитории вуза. С улыбкой и ироническими репликами реагировал он на приказы встать у доски, присесть за столом, взять в руки очки или учебник. («В профиль и анфас — восемнадцать раз», «С книжкой под мышкой», «За столом и у доски, крупно — скулы и виски!», «Сверху, снизу и с торца — запечатлели молодца!» — вот эти прибаутки из многих, сказанных тогда преподавателем философии, запомнились фотографу особенно, и он потом не один раз сам повторял их вслух, располагая для фотосъёмки мужчин и женщин.)

Когда Дюма закончил фотопробы, философ неожиданно позвал его к себе в гости:

— Я тут рядом, в Студгородочке, живу. Зайдём, кофе попьём с коньячком?

Фотокорреспондент на кофе зашёл, но от коньяка отказался, сославшись на припаркованный к ограде вуза «Suzuki».

— Мне баранку ещё крутить,— развёл руками он.

Однокомнатная, как выразился сам хозяин, «квартирка» живущего в одиночестве преподавателя философии произвела впечатление на гостя. Паркетный пол, облицованные под красное дерево и «под лак» стены и потолок, целая стена книг и сувениры из Вьетнама, Кубы, Болгарии и других стран, где бывал преподаватель, вызвали у Дюмы-внука восторг. Восторг — как позже сделал вывод сам Дюма-внук, только лишь в первые часы их знакомства, — вызвал и сам хозяин квартиры.

— Верись, друг, — говорил гостю философ, — я живу легко, не напрягаюсь, никому не завидую. Единственное, чего порой не хватает, так это деревенского воздуха. С возрастом начинаешь понимать, что большой город — это каменный мешок с разбавленным кислородом. Хочется иногда до зуда в леса, в луга, в поля! В баньке с веничком попариться, выскочить нагишом, облиться из ведра холодной водой — и снова в парилку!

И Дюма-внук организовал философу поездку на Кристину дачу. Конечно же, приглашая на тещину гору нового знакомого, фотокорреспондент и думать не мог, что этот сладкоголосый преподаватель политеха так запудрит мозги его второй матушке, что она будет готова ради него на большие и даже смелые поступки.

Когда Дюма объявил Кристе и Ришелье, что привезёт преподавателя политехнического института, как бы в шутку назвав его «профессором», Решетулин только усмехнулся:

— Ну, профессора у нас ещё не было...

А Кристя вдруг неожиданно заволновалась:

— Да чем мы его тут угощать будем? Он, наверное, икру привык есть, устрицы, отбивные всякие...

— Да нормально всё, — махнул Дюма-внук. — Не надо ему отбивных. В бане попарится, выпьет нашей настоечки, салом закусит... Ещё крошки можно сделать...

И Кристя наготовила эмалированное ведро крошки, выбрала кусок сала с прослойкой, нарезала его тоненькими

пластиками, вымыла несколько помидорок, огурчиков, редисок и вместе с укропом уложила их на большую плоскую тарелку.

Она не могла понять, почему её так взволновало известие о приезде человека, которого она ни разу не видела и о котором услышала лишь накануне. Ни один из гостей зятя, побывавших здесь, не смущал так её ранее. Весь день в ожидании гостя она не могла сосредоточиться. Дважды чуть не оступилась на крыльце: когда спускалась по ступенькам и когда поднималась потом. Уронила лейку с водой на грядку с помидорами. Ударилась плечом о косяк, когда заходила в баню (чего с ней никогда не случалось). Без надобности ворчала на Ришелье-Решетулина, чтобы он лучше глядел за музытёрами. Несколько раз сталкивалась во дворе с шустрившимся между домом и баней Опрокисом, прикрикнув на него: «Куда летишь сломя голову?!» — и: «Глаза разуй, оглоед бестолковый!» Когда же под вечер увидела поднимающийся на гору зятев «Suzuki», у неё не на шутку поднялось давление, подскочила температура.

— Я в дом пойду,— сказала она мужу,— прилягу, а ты встречай. Потом выйду.

Из домика, уже лёжа на кровати, она слышала голоса зятя и мужа, потом восклицание гостя:

— Да тут рай прямо неземной! И дом, и баня, и лес за огородом! Меняю остаток жизни на десять лет у вас!

Слова «профессора» заставили Крестю подняться, ноги сами понесли её к двери, и, не понимая в ту минуту зачем, она выскочила на крыльцо и сразу же увидела лицо гостя. Не баню, не огород, не музытёров, выстроенных в ряд перед нею, не мужа и зятя, не даже фигуру человека с бородкой и усами, а только его лицо. Взгляды их встретились и остановились в полуполёте прежде, чем они рассмотрели друг друга. Именно в тот момент, в тот миг, в то мгновение, в ту секунду в жизнь, в мысли и, видимо, в чувства Кристи вошёл этот небольшого роста седеющий человек.

— А это, видимо, сама хозяйка! — воскликнул он, когда взгляды их переплелись, и предвкушения необыкновенного уже выпорхнули из груди обоих, чтобы в образе двух синичек, неожиданно появившихся из-за дома, зашебетать, коснуться друг друга крыльшками и умчатся ввысь. — Дозвольте погостить некоторое время? — простёр к ней руки гость.

— Проходите, давно ждём, — скрывая смущение, пригласила Крестя гостя. — Стол накрыт на веранде. Веди, зятёк! — кивнула она Дюме-внуку, замершему вместе с Ришелье-Решетулиным у калитки.

— Прошу, — вышел из оцепенения Дюма-внук, указывая на крыльцо «тогда ещё не профессору».

«Ещё не профессор» потёр ладони, улыбнулся и, в ладно сидящих на нём вельветовых брюках чёрного цвета и лёгкой бирюзовой футболке с открытым воротничком, с видом генерала в мундире с орденами и эполетами, прошёл мимо строя музыкантов к крыльцу, навстречу Кресте.

Ну а дальше, насколько помнил Дюма-внук, всё случилось просто и как бы само собой. «Тогда ещё не профессор», усаженный на старый диван между Дюмой-зятём и Ришелье-мужем, выпил Крестиной настойки «на черноплодной рябине», с аппетитом похлебал крошки, умял несколько кусочков сала, нахваливая его прослоечку и аромат, похрустывая редиской, порассуждал о преимуществах сельской жизни против городской и, то ли умышленно, то ли и вправду без умысла, после третьей рюмки вдруг понёс и понёс свою философию.

— Нет ничего случайного ни в нашем мире, ни во всей Вселенной, — говорил он с блеском в глазах, при этом лоб его, нос и не закрытая щетиной часть лица отливали розовым блеском. — Вот Земля наша, планета — она же просто подвешена. В принципе, ни на чём висит и держится на месте, не убегает никуда за счёт сил, притягивающих её к Солнцу и другим планетам. И не сталкивается с планетами, и не падает на Солнце. Вы думаете, случайно? — как бы спрашивал гость, обращая свой взор

в основном через стол и стоявшую на нём закуску к хозяйке. — Конечно, нет! Нет, нет и нет! Как не случайны структура и состав нашей атмосферы. Кажется, пальцем можно проткнуть всё небо, но она, эта тонкая, как мы думаем, атмосфера наша, защищает нас от губительных лучей Солнца, от смертельного космического холода, от комет и метеоритов. Горят они, космические пришельцы эти, синим и красным пламенем, едва входят в нашу атмосферу, не долетая до поверхности Земли. А какой и упадёт, обгорелый и оплавленный, то всё больше в пустыню, тайгу или океан — туда, где нет городов и посёлков. Где нет людей! Думаете, и это случайно? Нет. Всё продумано идеально! Каждый зверёк, каждая птичка, каждый жучок-паучок, едва появившись на нашей планете, в этом мире, уже знают, что им нужно делать, знают о своём предназначении. Мы с вами не знаем, а они знают! А мы знаем уже, что есть в природе и двух-, и трёхмерные измерения, а значит, надо полагать, существуют и другие: четырёх-, пяти-, восьми-, шестнадцатимерные миры. И они не где-то в далёких просторах Вселенной находятся, хотя и там тоже, — они, можно догадаться, вот здесь, рядом с нами! Может, даже и наверняка, на месте вашей дачи в другом — восьмимерном или двадцатичетырёхмерном — измерении что-то стоит другое: город, которого мы представить даже себе не можем, горы или океан, но не такие, какие мы привыкли видеть, а не вмещающиеся в наше сознание!

Поражённая Крестия с первых минут монолога-лекции гостя попала под обаяние его слов, а особенно интонаций, с которыми они произносились, и слушала, не мигая и не дыша, положив руки на стол и забыв обо всём на свете. Дюма-внук, сидевший рядом, слева от гостя, внимал его словам, успевая при этом на ощупь цеплять сало на вилку и отправлять себе в рот. Находившийся же справа от преподавателя Ришелье, покрякивая, качал головой, подливал в рюмки настойку и подкладывал гостю на тарелку редиску и огурцы, показывая всем видом, что хотя он тоже удивлён услышанным, но полностью согласен.

Именно Ришелье вывел хозяйку из оцепенения: поймав паузу в речи гостя-лектора, он предложил всем выпить ещё по рюмочке. Крестя тут же соскочила и оказалась рядом с гостем. Оттеснив зятя, она подлила в тарелку преподавателя два черпачка крошки и как бы невзначай спросила его:

— А в личной жизни у вас как: жена, дети?

Гость-преподаватель-лектор выпил, закусил крошкой, отодвинул пустую тарелку и, взяв руки Кристи в свои вместе с черпаком, глядя ей в лицо, сказал:

— А личную жизнь, вернее, семейную, которая, как я понял, вас и интересует, я пытался устроить минимум четырежды.

Крестя снова замерла, на этот раз в ожидании его исповеди, разглядывая его лицо.

— Первая, как водится, ранняя любовь моя, если можно назвать то увлечение любовью, сторела быстро,— начал он, оправдывая её надежды.— Она, эта Надя-Надюшка из нашего двора, не дождалась меня из армии. Вышла замуж за приезжего. Я, конечно, как все молодые, вначале страдать начал, жить даже, помнится, не хотел. Но как только их вместе увидел, всё прошло сразу. Смотрю, а она какая-то совсем чужая, какая-то уже незнакомая мне будто... В общем, понял, что напридумывал себе любовь, которой и не было даже. А ведь жениться хотел... А оно к лучшему: как бы жизнь покатила, дождись она меня? Не знаю. А так я в институт поступил, много нового для себя открыл, с людьми интересными познакомился...

— А в другие разы как было? — спросила Крестя, перебивая гостя, сама удивляясь своей бесцеремонности.

— В другие — ещё проще,— вздохнул «тогда ещё не профессор».— В другие уже не было той лирики, того любовного сумасшествия, как в первый раз. Помотала меня жизнь, дорогая хозяйюшка; я и Сибирь всю объездил и поперёк, и повдоль. Мне и в Казахстане, и на Урале, и в столице нашей Родины жить приходилось. И везде женщины попадались хорошие. Мне только хорошие всегда попадались и попадают, — подчеркнул он.—

Одна врачом была, другая в культуре чиновницей — на смотры ездила, третья, как ваш зять, корреспондентом в газете. Хороши все по-своему были, и всё вроде бы складывалось вначале с каждой очень даже хорошо... Казалось каждый раз: всё, это навсегда. Нашёл! Нашли мы друг друга, каждый свою половинку! Но что-то потом расстраивалось... Корреспондентка, конечно, Мария, не подарок была: и курила, и ругалась матом, как мужик, но любила меня, без сомнения! В ресторанах ей нравилось ужинать. Не я её в рестораны водил, а она меня! Мария! Заказет коньяка, водки, вина, закусок разных, и сидим там, говорим чёрт знает о чём! Ни о чём! Или танцуем медленные танцы! А домой уже за полночь на такси. На такси — по ночной Москве! Интересно было жить! А потом появился откуда-то бывший её муж. Не было, не было — и вдруг объявился! Года через полтора, как мы познакомились. У них вначале разборки начались по телефону, потом встречи. Сначала короткие, потом длинные. Иногда с утра и до утра. И я понял: всё, моё время в её жизни прошло...

— Вот так сразу — прошло и всё? — удивилась Крестя.

— Ну, может, не сразу, а после второго или третьего раза, когда она ночевать не пришла домой,— сказал «ещё не профессор». Взгляд его был задумчив.— Когда живёшь в доме женщины и она не приходит ночевать в собственный дом — поверьте мне, ощущение не из приятных... И потом, надо было знать Марию. А зная обстоятельства, при которых мы познакомились, можно, поверьте мне, делать такие выводы. Если она моё общество предпочла другому, даже бывшему мужу,— значит, надо делать вывод. И я сделал. Мария была у меня после Людмилы. А Людмила, как я говорил, работала в культуре... Судьба тогда закинула меня на Урал. Город большой, областной. Я преподавал в педагогическом институте. Познакомились, когда меня направили в жюри городского фестиваля студенческих театров. И она в жюри была. Пригласил её в кафе после фестиваля, а она меня потом — к себе домой. Ну и

остался там у неё. Так понравились сразу друг другу, что тут же всё и решили. В первый вечер. У неё, правда, оказался сын-школьник. Но сначала ладили и с ним. Она рано уезжала на работу, позавтракать даже не успевала, а я завтрак себе и сынишке готовил. В школу пацана тоже собирал. И на ужины мне приходилось кашу варить. Я прихожу, а Мишка уже дома — есть хочет, кастрюли открывает-закрывает. Людмилы ещё нет. Она часто по области ездила с инспекцией, по городам и посёлкам. Ну, я то гречки с тушёной сделаю, то рисовой каши на молочке, а то и перловки наварю. Я каши с детства варил: во вторую смену учился, а мать на обед приходила — я её кашей кормил. Наверное, с Людмилой мы из-за её частых отлучек и расстались. Около года прожили, а потом вдруг поняли: чужие мы друг другу всё же. Да и сынок её как-то быстро за этот год подрос — не заметили, стал ревновать мать ко мне. Четырнадцать лет ему уже было, когда расстались. А мы всё равно бы расстались: может не так, как получилось, но расстались бы, я не сомневаюсь. Очень мы разные с ней были. А расстались очень уж просто: Мария в командировку из Москвы прилетела. Ректора нашего награждали премией какой-то престижной, и она от столичной прессы, вместе с делегацией,— специально к нам. Помню, после торжественной части ректор пригласил всех в ресторан. Мы рядом оказались, за одним столиком. Можно сказать, что она прямо из ресторана в Москву меня и перетащила.

— Сразу оттуда и поехали? — спросила, не отводя от рассказчика глаз, Крестя.

— Да, почти,— ответил гость-рассказчик, благодарно кивнув Ришелье, наполнившему его рюмку настойкой.— Она улетела, а я неделю увольнялся ещё из института, а потом к ней поехал.

— А Людмила же как? Она что сказала? — поинтересовалась Крестя.

— Ты дай человеку выпить! — подал вдруг голос Ришелье.— Путь выпьет, закусит, потом доскажет.

Кристя сверкнула на мужа зрачками, но, освободив свои руки из рук гостя и положив черпачок на стол, первая взяла рюмку:

— Давайте.

Она выпила, закусила помидоркой, снова схватилась за черпачок и подлила гостью окрошки.

Гость, выпив, кивнул на этот раз ей и отправил в рот несколько ложек похлёбки.

— А что Людмила? Людмила приняла мой уход как уже неизбежный,— сказал он.— Мы уже были как чужие... Да и Мария уже задурила мне голову...

— А врачиха которая? Она потом была?..— Кристе уже хотелось знать всё о личной жизни того, кого она ожидала с трепетом в сердце.

— Врачиха? Катюшка?..— произнёс «ещё не профессор», откинувшись на спинку дивана.— Катюшка...— повторил он распевно.— Катерина Борисовна — это отдельный рассказ...

Кандидат в профессора оглядел окружающих его: Дюма и Ришелье перестали жевать и, как Кристя, с интересом ожидали продолжения его рассказа. И «почти профессор» не обманул их надежд.

— Катерине, пожалуй, одной из всех женщин, что встречались на моём пути, удалось на какое-то время убедить меня, что любовь на свете есть,— сказал он, вначале неспешно, вспоминая, видимо, что-то приятное из своей жизни, улыбнулся, но тут же сделал лицо суровым.— Была... Мне и тридцати-то не стукнуло, а она на три года постарше была, когда мы познакомились. Врач-терапевт в поликлинике. Беленькая такая, вся прямо такая живая, всё везде успевала. Я раньше всё по райцентрам, после окончания института, в школах сельских работал, а тут на олимпиаде среди преподавателей отличился, и меня в город позвали — в городскую школу, квартиру дали. И я взялся за работу, как выпускник, с желанием, ни от чего не отказывался. Дополнительные уроки — значит, дополнительные,— кандидат в

профессора оглядел окружающих его людей ещё раз и сказал с уверенностью: — А мне нравилось и нравится, когда меня слушают. Раньше школьники, теперь студенты. У меня редко кто на уроках и на лекциях отвлекался и отвлекается, большинству интересно меня слушать, сидят — не шелохнутся даже. Бывает, что и уходить на перемену не хотят. Вот так. Если не верите — приглашаю, приезжайте на мои открытые лекции, увидите: стулья дополнительные в актовЫй зал заносят. А зал актовЫй в институте на триста мест рассчитан.

Дюма и Ришелье закивали: верим, верим. И «почти профессор» продолжил:

— Но я отвлёкся. В общем, и картошку копать я с желанием осенью с детишками ездил, и в детские лагеря летом. За здоровьем не следил никогда и сейчас не слежу, хотя надо бы уже... Простыл как-то — под дождь попал. Пришлось врача вызывать на дом, а потом в поликлинику идти. А Катерина — врач наш участковый. Познакомились в кабинете на приёме, разговорились. Сначала ничего такого: поговорили — и ладно, я пошёл таблетки пить, она других больных принимать осталась. А вот когда я за больничным листком пришёл через два дня, она мне целый список профилактический написала: что делать, чтобы не простудиться больше, и какие травы и настои пить, если вдруг появятся симптомы простуды. Список на двух страницах, да ещё с пояснениями к нему. «Когда же,— говорю ей,— я за всем этим услежу? Мне же работать надо». А она: «Хотите, я вас навешать на дому буду? Мы вместе профилактику простудных заболеваний проведём». Я был удивлён такой заботой. У меня после Надюхи никакой любви тогда больше не случалось. А Катерина мне сразу понравилась. А я — ей. Что надо ещё? У неё было неудачное замужество с приезжим на отработку медиком. Недолгое вроде. Я сильно не интересовался, мне и не надо было никаких подробностей. У меня свой опыт неудавшейся любви. Может, ещё и поэтому мы сблизились быстро. Катя у родителей жила, а потом ко мне перешла. Какая же она была поначалу

интересная! Как она меня любила! И готовить мне любила, и рубашки стирать-гладить! Прямо, бывало, ничего не надо — только дай ей, чтобы всё было выстирано и выглажено! А как петь любила! Я в жизни до неё рта для пения не открывал — и то повёлся на её песни! Сядем, бывало, вечером на диване, она запоёт, затянет, как Стрельченко: «На Муромской дорожке стояли три сосны...» — что я хочу не хочу — и тоже: «Прощался со мной милый до будущей весны...» Соседи посмеивались: «Да у вас дуэт целый! Заслушались вчера. Пора вам на сцену». А она и на сцене пела. На День медицинского работника. На Восьмое марта. И хорошо у неё получалось. Многим нравилось. Я это видел. А она мне говорила, что только для меня одного поёт и меня одного любит. И приговаривала: «Люблю, люблю...» Ну прямо слов нет: душенька-Катюшенька. Когда я так её и называл, она улыбалась и ласково говорила: «Люблю только тебя, милый и единственный...» — и гладила меня по волосам своими мягкими, нежными руками. И массаж часто любила мне делать. Так было приятно, что я иногда засыпал даже.

Дюма и Ришелье продолжали сидеть, не отвлекаясь даже на выпивку и закуску, а у Кристи по правой щеке покатилась слеза умиления. В открытые двери было видно, что все трое музыкантов присели на крыльце и тоже замерли, ожидая продолжение рассказа гостя.

— А потом я узнал, что она ласковая и нежная не только со мной,— лицо «ещё не профессора» стало совсем серьёзным,— и милый для неё не я один.

— Неужто?... — всхлипнула поражённая его словами Крестя.

— Да уж! — воскликнул гость и снова закусил крошкой. — Может быть, ещё и до моего знакомства с нею, а может, и при мне уже, стал захаживать к ней в поликлинику один местный стихотворец. Везде, в каждом райцентре полно своих местных поэтов-самоучек. И этот из таких рифмоплётов. Он стал ей свои стишки предлагать, чтобы пела их, как песни, на концертах. Да не просто на листочках носил, а уговорил сходить её к

музыканту — местному композитору, вместе подобрать музыку к стишкам, а потом они, как я полагаю, все вместе ходили ещё и к аранжировщику, музыку записывать. Про рифмоплёта не знаю, а к музыкантам она уже точно при мне бегать стала. Я сначала значения не придал. Ну, запела она вдруг какие-то странноватые песни, типа: «Я тебя обниму да крепко к сердцу прижму», «Ты меня отогрей, не держи у дверей». И музыка пошла с оттенками давно знакомых мелодий. Ладно, думаю, мне-то что? Человек создаёт свой репертуар, ищет себя в творчестве. Что в этом плохого? Пусть себе поёт что нравится, что на сердце ложится. Так, может быть, и жил бы себе в неведении: я вечерами — на занятиях в школе, она — на репетициях после поликлиники. А однажды коллега-друг пригласил меня после работы в кафе. У него дочь родилась. Он позвал нас, нескольких преподавателей, отметить это событие, но все заняты вдруг оказались, у всех свои дела, и так получилось, что мы с ним вдвоём пошли в это кафе. Сели скромненько в уголочке, заказали выпить-закусить. И только завели было разговор, гляжу — Катеринка моя с двумя мужиками в кафе заваливает. Весёлые, громко смеющиеся, садятся они по центру — ближе к сцене. Мужики за ней наперебой ухаживают, ручки целуют, коньяк, закуски предлагают. Это я к тому, что дома она не пила ни коньяка, ни водки, ни вина даже. Совсем не пила. А тут! И товарищ мой тоже их заметил. Да их все заметили! Рисовались они в открытую. Коллега на меня смотрит, а я готов провалиться: не знаю, что и сказать. А потом один из мужиков залез на сцену и объявил, что сейчас состоится премьера песни. Поставили они минусовку свою под магнитофон, и Катюха вышла и запела. Я любил, когда она пела, говорил вам, но тогда там, в кафе, было что-то непредставимо-невообразимое. Музыка — один в один под песню Раймонда Паулса «Листья жёлтые над городом кружатся», а слова другие, слова ужасные. Из той же серии: «про тебя и про меня». Типа: «Я тебя не пушу, я тебя не отдам. Все грехи я прощу, даже душу продам...» Караул кричать

впору! Я не узнал своей Катюшеньки-душеньки. Выпили мы быстренько с коллегой, закусили и ушли. Я вперёд пошёл, а товарищ рассчитаться остался. Она же приехала домой ближе к полуночи, сделала вид, что удивилась, почему я не сплю ещё. Была навеселе, лезла обниматься, целовала, говорила, что была на репетиции, что репетиция задержалась — никак песня не получалась. Утром она рано ушла в поликлинику, а я ходил к директору школы, попросил его отпустить меня и сразу дать расчёт. Директор стал уговаривать, искать причину, чтобы удерживать меня, но я его убедил. Получил деньги, трудовую книжку, собрал вещи и, не прощаясь, уехал вечерним поездом.

— А она как же? — прижав руки к груди вместе с черпаком, спросила Кристя.

— А я не знаю! — развёл руки рассказчик.— Она сделала свой выбор!

— Как-то всё у вас так просто...— Кристя поднялась и пошла к своему месту, напротив «ещё не профессора».— Сел — поехал, а что в душе у женщины, ему дела больше нет. Подумаешь — спела в кафе, а ему не сказала ничего... Может, потом бы всё рассказала...

Кристя присела на краешек табуретки. Взгляд её выражал недоумение. Недоумение было нарисовано и на лицах других участников застолья.

— Может быть, для вас, со стороны, всё просто кажется, а для меня не просто,— сбавив эмоций в голосе, сказал, словно уже оправдываясь, гость.— Я понял тогда одно: дальше в наших отношениях развития не будет. Лучше не будет. А если не будет лучше — значит, будет только хуже. У меня и потом, после того, не просто отношения с женщинами складывались, хотя о любви, в романтическом её понимании, уже речи никогда больше не было. Так, мотания одни. Меня и по свету помотало, говорил я вам, пока не приземлился в Енисей-граде.

— Эх, Монтя ты, Монтя! — воскликнула, не в силах сдерживать себя, Кристя, давая понять и ему, и всем, что теперь она

будет с ним только так — на «ты». — И что ж ты такой-то? А ещё профессор, умный...

— Я ещё не профессор! — сказал он, ничуть не удивившись её обращению.

И тут наступил момент очень важный: народ, окружавший их, включая сидевших у крыльца музыкантов, замер в коротком раздумье. Подсознание каждого решало для себя, какой из вариантов для окрещения гостя выбрать: «ещё не профессор» или «Монтя»? И у всех, единогласно и единодушно, после коротких сомнений, победил вариант второй — наверное, потому, что состоял из одного слова. Второй момент, а может, он и первый и основной, тоже наступил после произнесённых тогда Кристей слов и реплики гостя. Тишина нескольких секунд, может минуты, на веранде Кристиного домика могла вылиться тогда и в «спасибо, до свидания!» со стороны обиженного «ещё не профессора» Монти, и в простое продолжение застолья со сменой темы разговора, — и тогда кто знает, появился ли бы Монтя ещё когда на Кристиной горе? Но тишина вылилась в неожиданное продолжение, даже в какой-то мере громкое.

Понимая, что это она своими вопросами расстроила гостя, Кристя вдруг сказала то, что рано или поздно, в принципе, сказала бы всё равно, но именно в тот момент, в то мгновение слова эти прозвучали по-особенному и стали основой сложившихся между ней и Монтей отношений на дальнейшие годы.

— У нас все гости моего зятя после застолья в баню ходят, — сказала хозяйка. — Баня готова, парилка кипит...

— Я хочу в баню, — кивнул гость. — Я и приехал сюда больше поэтому. Я ходил в баню общественную, и в свои бани меня люди приглашали, и в парилках парился, так что знаю, что к чему, в принципе. Правда, как в кино показывают: распариться, выбежать, холодной водой облиться, — не приходилось ни разу. Праздника хотелось душе и телу, а выходило как-то не совсем...

Может, подходящей компании не было, а одному всё-таки не так...

— У нас всё так будет,— заверила Кристя.— К нам разные приезжают и парятся по-разному. Кто как хочет. Но ты-то гость особенный, должен особое отношение к себе почувствовать. Попарим тебя как надо. У меня отец был ох любитель париться. Не чета этим, хотя тоже хлещутся веничком — дай Бог, не слабаки,— Кристя кивнула на мужа и зятя.— Ну, кто за гостя возьмётся?

— Я, мамочка, чуть попозже бы...— пролепетал уже захмелевший Ришелье.

— Сиди уж,— махнула Кристя и глянула на зятя.

Дюма-внук дёрнулся, его повело, и он опустился снова на диван.

— Что вас так сегодня с настойки-то разморило? — удивилась Кристя и, глянув снова на гостя, решила.— Придётся мне самой. Пойдём?

— Пойдём,— согласился гость и поднялся.

Его не повело и даже не качнуло.

— В общем, так: сначала ошпариваем веник кипятком, запариваем его в тазике, а потом водой берёзовой на каменку лить будем — пару поддавать и голову мыть, вместо шампуней разных,— Кристя взяла «ещё не профессора» Монтю под руку, вывела на крыльцо.— Да я сама сейчас всё покажу-расскажу.

Едва Кристя с Монтей зашли в баню, Опрокис занёс в предбанник два ведра холодной воды и ещё с одним ведром встал у входа.

Тесть с зятем тем временем выпили ещё по рюмочке, закусили салом, съели по помидорке и, похрустывая огурчиками, заговорили о видах на урожай. Прежде чем они налили себе ещё по одной, из бани понеслись громкие возгласы.

— Это мама наша профессора твоего парить начала,— догадался Ришелье.— Щас она всыплет ему по нежной коже. Слышь, как захохал? Я тоже охал и стонал, когда она меня в первый раз охаживать веничком стала.

Дюма-внук прислушался. Хлётко-глухие шлепки веника о мякоть тела дошли до его уха, как и восклицания «ещё не профессора».

Шлепок — «ой!», шлепок — «ой!».

— Да что ты стонешь-то? Не режут же пока! — прикрикнула Крестя на Монтю.

— Так ведь больно... — ответил ей неузнаваемым голосом «ещё не профессор».

— Больно с непривычки. Но ты не ори, пой лучше.

— А что петь?

— Да что хочешь.

Разговор про пение, конечно же, если и был в бане, то негромкий, и, естественно, ни Дюма-зять, ни Ришелье-тесть, ни музытёры-работники слышать его не могли. Дюма-внук потом сфантазировал подробности в своём воображении. Слова же из песен, что закричал, отвечая на удары веником, «ещё не профессор», вылетали из банного окошка и, пролетая через овощные насаждения, достигали веранды.

Сначала песни гостя-философа были патриотические, с надрывом и громкой нарочитостью:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд, ой! —
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот. Ой!

После — русские народные, тоже громкие, но уже с чувством:

Эх, то не лёд трещит, не комар пищит,
Это кум до кумы судака тащит.
Ох, ох, ох, ох!
Ох, ох, ох, ох!

А потом и украинские, протяжно-душевные:

Ніч яка місячна, зоряна, ясна!
Видно, хоч голки збирай.

Вийди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвилиночку в га-а-ай.

Слова из песен долетели до Ришелье, когда он выпил вторую после отсутствия Кристи рюмку настойки, но не успел закусить.

— Чё они там делают? — спросил тесть зятя.

— Моются,— ответил зять, наливая настойки себе.— Парятся с песнями.

— Ничё себе...— Ришелье приподнялся.— Надо посмотреть. Пойдём посмотрим?

— Пойдём,— согласился Дюма-внук, выпив настойки.

— Ты этого профессора хорошо знаешь? — спросил снова Ришелье, когда Дюма-внук помог ему преодолеть ступеньки и они спустились с крыльца.

— Не очень,— сказал Дюма-внук, поддерживая тестя под руку.

— И я не очень...— высказал озабоченность Ришелье.

До бани они дойти не успели. Едва поравнялись со стоящими на тропинке Обросом и Поросом — песни стихли, дверь бани широко распахнулась, чуть не зашибив стоявшего возле неё Опрокиса, и Монтя, в вязаной шапочке Ришелье, напаренно-краснокожий, выскочил на волю, прикрывая веником пах. Выбежав на дощатый тротуарчик, ведущий меж грядок от бани к дому, он, не соображая, что ему делать дальше, остановился в метре от Дюмы-внука и Ришелье и замотал головой, озираясь, как упавший с неба на незнакомую местность. И тут Опрокис, выкрикнув своё протяжно-зычное: «Ы-ой-й-й!»), вылил на него сзади ведро холодной воды, обрызгав при этом мужа и зятя хозяйки. Выронив веник, Монтя оторопел на мгновение, но, быстро осознав своё обнажённое положение, развернулся и снова побежал в баню. А оттуда, в купальнике-бикини, своей вязаной шапочке и рукавицах-верхонках, вышла Кристия.

— Окатил его? — спросила она Опрокиса.

Тот кивнул, показав ей пустое ведро.

— Молодец! — похвалила его Кристя.— На первый раз хватит с него. Я пойду пока постелю ему на веранде — пусть отлежится. А вы,— она кивнула вытирающим ладонями лица мужу и зятю,— давайте вытаскивайте его и сами в баню. Хватит застольничать. Потом настойку допьёте.

Дюма и Ришелье накинули на Монтю простыню и с помощью Опрокиса проводили его до дивана.

Монтя тогда впервые ночевал на даче Кристи. Видел ли он погружение музытёров в шифоньер, закат над лесом и утреннюю зарю на фоне бани, сказать никто, кроме него, сейчас не может. Полночи он стонал и охал, а Кристя отпаивала его квасом и кормила с ложечки овсянкой. Дюма-внук ничего этого не видел, так как уехал ночевать домой, на улицу имени газеты «Пионерская правда», но когда Ришелье ему рассказал, как было дело, он немало удивился поведению тётчи. То, что Кристя может быть заботливой до такой степени, для него было в диковинку.

На другой день Дюма-внук отвёз Монтю домой, в Студгородок, и ему казалось: всё, очередной его гость-клиент посетил тётшину дачу, и об этом визите можно лишь вспоминать иногда, а то и вовсе забыть, как о многих других. Но оказалось, что это посещение Монтей Кристиной горы открыло новую страницу в истории дачи. Оказалось, что Кристя и Монтя обменялись телефонами, и «почти профессор» ещё дважды в то лето, уже без участия и даже ведома Дюмы-внука, побывал на Кристиной горе, парился в бане и ночевал на веранде. Причём в те разы, как стало известно Дюме-внуку, Кристя, уже не церемонясь, до начала застолья загоняла гостя в баню и не только хлестала его веником, но и тёрла грубой мочалкой по спине, груди и, видимо, как догадывался Дюма-внук, по другим местам тела, заставляя при этом Опрокиса и Ришелье подавать в двери бани вёдра с холодной водой. Опрокис молча, а Ришелье — ворча себе под нос — выполняли команды хозяйки.

А зимой Монтя стал профессором. Защитил там что-то в своём политехе, потом ездил в столицу, как говорил, «утверждаться

в профессорстве». Дважды, в феврале и марте, Дюма-внук возил Крестю на его открытые лекции в политехнический институт. И правда, актовый зал института оба раза был переполнен, и слушать «уже профессора» было интересно. Он не стоял, как другие лекторы, за кафедрой, а ходил по сцене и говорил складно и просто: о жизни, о взаимоотношениях людей, о дефиците общения и ещё о многом. На первой лекции были и Дюма-внук, и Ришелье. Дюма фотографировал лектора и слушателей, а Ришелье хоть и слушал с видимым интересом, но всё же заснул на втором часе. В другой раз Крестя мужа на лекции Монти-профессора не взяла, и Дюме-внуку одному пришлось быть и общественным фотографом, и личным шофёром, и собеседником своей второй мамы. Несколько раз зять заставлял «уже профессора» Монтию в гостях у тётчи с тестем в доме на Медицинском переулке и после этого уже не удивлялся его новым визитам на гору.

На следующий год на Крестиной горе начал незаметно, но настойчиво складываться культ Монти. Или «Монтин культ», как охарактеризовал происходящее на горе Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат, когда Дюма-внук рассказал ему о профессоре. Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат с несвойственной для него ехидцей улыбнулся и задал Дюме-внуку такой вопрос:

— А когда тётча профессора моет мочалкой, он кверху воронкой лежит или вверх фонтанчиком?

Дюма-внук, надо сказать, не растерялся и ответил литератору кратко и достойно:

— На бочине, а вот на правой или на левой, точно сказать не могу. Окошечко в бане маленькое — плохо видно, когда подглядываешь...

— Хорошо устроился этот Монтя, друг Крестин,— сказал тогда Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат.

И, видимо, он и был первым, кто назвал Монтию Крестиным. Видимо, потом Дюма-внук пару раз обронил сочетание этих слов на горе, а музытёры, видимо, услышали и подхватили. Очень быстро, как заметили Дюма-внук и Ришелье, гость стал вести

себя на даче по-хозяйски, а Крестя взялась ему потакать. Видимо, они сошлись быстро ещё и на подсознательном уровне, ибо, как Дюма-внук узнал, тёщин желанный гость тоже был не прочь раздать всем обитателям горы прозвища и клички. Музытёров, к примеру, он всех вместе называл пузытёрами, а по отдельности: Оброса — Колончарой, Пороса — Бурундучарой, Опрокиса — Щегольком. Появившегося однажды в поле его зрения Сына Татьян Монтя назвал Сын-Татьеном. Дошли до Дюмы-внука слухи, что и его, и Ришелье Монтя тоже за глаза звал по-своему и почему-то на немецко-еврейский лад: Дюмбелем и Решельсоном.

С некоторых пор Дюма-внук старался не бывать на даче, когда там оказывался Монтя. Почти всегда это удавалось сделать без труда, потому как о новом визите Кристиного друга обычно становилось известно дня за два-три, а то и за неделю. Крестя преображалась, молодела лет на пятнадцать-семнадцать, весело гоняла по даче музытёров-пузытёров, отправляла раза по два в день в магазин Ришелье-Решельсона. Тот ворчал, но послушно спускался с горы в Медицинский переулок, а потом неспешно поднимался обратно. Но бывало, что и, сам не ожидая и не желая того, заставал Дюма-внук «уже профессора» на даче. Иногда даже во время его омовения. И он слышал то, чего никогда, наверное, не услышат от «уже профессора» его студенты или коллеги-преподаватели. То, что пел в бане профессор, когда Крестя его хлестала веником или натирала мочалкой, было переделкой слов известных песен.

Из банной парилки, бывало, неслоь:

Где же бутылочка? Где же ты, где?
Ах, не нашёл я тебя здесь нигде...
Там поискал я и там поискал,
Сел на коня и домой ускакал!

Или:

Травы, травы, травы не успели
Подрасти. Коровы их поели!

С горя пастухи опять нажрались,
А быки картоху есть подались!

И почти всё в этом роде. Монтя, либо сочиняя сам, либо перенимая у кого готовые строки, перекладывал смысл хороших песен на пошлые или с алкогольным уклоном.

Вначале музытёры принимали его переделки весело и даже забавлялись, слушая, но когда Монтя задел их любимую песню, то переменили своё мнение.

Услышь меня ты, Манюшка,
Услышь меня, Паранюшка,
Услышь и ты, Татьянушка,
Я ваш, весь здесь — Иванушка!

Музытёры вознегодовали, и их негодованию и возмущению не стало предела, когда они слышали от профессора откровенно издевательские его мурлыкания в их адрес:

А Оброс-брос-брос — барбос.
А Порос — опорос в покос.
Опрокис — прокис, кис-кис...
А Татъен, Татъен, Татъен —
Этой банды тоже член!

Или:

Жили-были пузытёры —
Проходимцы-гастролёры.
Самый гадкий — Опрокиска:
Ел из миски вместе с киской.
Самый жуткий — Опороска:
С чашки бедного Барбоски.
Долговязый же Оброс
Сувал в норку к мышке нос.

Вознегодовал вначале, было дело, и Дюма-внук, когда донеслась до него из бани в Монтиной обработке его любимая мелодия:

Я люблю тебя до слёз,
Не храпи, как паровоз!
Не целуй меня ты в нос,
У тебя опять склероз!

Ну и за что было любить Монтю Кристина Дюме-внуку? Или Ришелье? Понятно, что не за что. Музытёры же не любили его аж до ненависти. Они были постоянно «на взводе», когда приезжал к ним «любезный Кристин друг», готовясь выслушивать от профессора оскорбительные слова в свой адрес в рифму и без неё. Даже на их взгляд, привычных ко многому людей, поведение Монти казалось возмутительным. Их поражала и раздражала его бесцеремонность. Съев чашки три-четыре крошки или пару тарелок салату, Монтя, бывало, раз пять-шесть в течение вечера, с небольшими перерывами, оккупировал на целых полчаса нужник, громко объявляя всем, что у него начинается выделение нефти и газа и он просит не зажигать вблизи огня, ибо «отхожее место может взлететь вместе с ним в небо и, как баллистическая ракета, улететь на другой континент».

— Может, в Африку, а может, и в Антарктиду,— говорил он, не понять — в шутку или серьёзно, и добавлял: — А может, и в Южную Америку.

Долгие оккупации нужника, конечно же, сказывались на состоянии здоровья других обитателей дачи. Особенно музытёров, также любивших Кристины салаты и крошки, и в частности — Опрокиса, страдавшего более других расстройствами желудка. Однажды не могущий уже терпеть музытёр постучал в дверь туалета с целью поторопить Монтю и занять его место.

— Головой постучи — открою,— услышал он из-за двери и, собрав последние силы, перелез через штакетник, скрывшись в сосновом бору.

В бор, не ожидая вакансий на занятое место, шли и другие музытёры, и, бывало, даже Ришелье и Дюма-внук.

Вот такой человек Монтя поднимался сегодня на гору над Медицинским переулком, и, естественно, Дюма-внук, поднимая

туда же свой «Suzuki», задался целью сделать всё, чтобы не встретиться там с тёщиным гостем.

Дюма подогнал «Suzuki» к калитке и остановил так, чтобы Опрокису было удобнее заносить дрова. Он даже, прежде чем забрать мешок со сковородой и табуретками, открыл калитку настежь и подпёр её тремя кирпичами. Потом достал мешковину и, перехватив её за горловину, понёс к домику.

Тёща с тестем сидели на веранде и готовили окрошку. Кристя резала сваренную картошку, Ришелье — огурцы.

— Что, баню топить будете? — спросил, делая вид, что ничего не знает о сегодняшнем визите Монти, Дюма-внук.

— Будем, — ответила Кристя, продолжая мельчить картошку. — Приезжай вечером.

— Не получится сегодня. Съёмка допоздна. Дома в ванной помоюсь, — Дюма-внук положил мешковину на диван рядом с Ришелье и, пожав руку тестю, присел на табурет. — Табуретки и сковорода в мешке.

— Ладно, — кивнула Кристя.

— Ладно, ладно! — воскликнул Ришелье. — А мне опять одному тут с этим возиться?!

— Ладно, не рассыплешься! — повысила голос на него Кристя. — Он не каждый день у нас.

— Ещё бы каждый день! — встрепенулся Ришелье. — Мне один его день за год считать надо!

Кристя выглянула в дверь веранды, увидела переносящего дрова Опрокиса.

— Чё он там делает?

— Да я тут березнячка вам привёз, для бани, — сказал Дюма-внук, взяв огурец со стола. — А эти там ещё у базы готовят.

Кристя кивнула.

— Вчера тут забредал Чудила твой. Поддатый... Как всегда, тебя искал, — сказала она, продолжая работу. — Наверное, добавить хотел. Я не предлагала.

— И правильно,— одобрил Дюма-внук, похрустывая огурцом.— Я сегодня к нему еду. Там у них большое совещание в Академгородке. Много фотографировать придётся.

— Завтра хоть приедешь? — спросил с надеждой в голосе Ришелье.

— Постараюсь, если к вечеру только.

Ришелье понимающе кивнул.

Дюма-внук не стал задерживаться на даче. Едва Опрокис закончил разгрузку дров, он вымел багажник, взял со стола с собой три огурца, сложив их в пакетик, и, сказав теще с тестем: «Чикаго!» — неторопливо направил свой «Suzuki» вниз, обратно к Медицинскому переулку.

Всё к одному

Спускаясь к городским улицам, Дюма-внук соображал, как ему лучше добраться до левого берега, минуя большие автомобильные заторы, что нередки в Енисей-граде и в первой половине, и в конце будничных дней недели. Решил ехать по второму коммунальному мосту и через Северный район. Его беспокоил подъём на гору Чудилы. Если он вчера крепко выпил, то сегодня, вместо того чтобы сосредоточиться на совещании учёных, будет искать, где похмелиться.

Репортёр Сергей Чудило (в простонародье — Серый Чудила) — ещё один из постоянных, хотя нечастых гостей Кристиной дачи. Сейчас ему немногим за пятьдесят, но Дюма-внук помнит времена, когда Чудиле не было и сорока и чудил он гораздо больше и резвее. Самой «коронной фишкой» его (выражение Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата) было то, что он на протяжении двенадцати лет никак не мог найти от полутора до трёх тысяч рублей, чтобы начать издание научной газеты. С самого первого дня, как Дюма-внук увидел и услышал Чудило, тот, едва поздоровавшись с кем бы то ни было, начинал говорить о

своём грандиозном проекте, «объединившем в одном издании все научные силы Енисей-града».

— Полторы тысячи каких-то не хватает, веришь? Макет разработал, материалы есть, зарегистрировать только осталось и выпустить сигнальный номер.

При Дюме — и, как полагает Дюма-внук, без его участия тоже — некоторые сердобольные коллеги-репортёры проникались сочувствием, раскошелившись и подавали Серому Чудиле от ста до пятисот рублей, после чего тот быстро выпадал из компании и появлялся на журналистских тусовках дня через два-три, снова рассказывая каждому встречному о своём проекте и называя недостающую сумму, на этот раз уже в две или две с половиной тысячи рублей.

Несколько раз Дюма-внук, в компании с другими репортёрами, бывал в командировках с Чудилой. И заметил то, чему постоянно потом удивлялся. На больших мероприятиях Серый Чудила не бегал, как другие, с диктофоном, не приставал с интервью к известным людям, даже не делал пометок в блокнотах, а был всегда там, где намечался банкет или уже подавали спиртное. Он первым надирался до одури, первым уходил в отключку, и казалось всем окружающим его, что Серый не способен сделать никакого материала для газеты. Однако однажды в гостиничном номере Дюма-внук увидел, проснувшись глубокой ночью по нужде, что Серый Чудила сидит за столом у настольной лампы и пишет. Утром, когда репортёры суетливо собирались по домам, Чудила искал денег на опохмелку.

— Да у меня всё уже готово, — сказал он в то утро Дюме-внуку. — Приеду и сразу сдам материал. А сейчас похмелиться мне надо.

Похмелился или нет тогда Серый, Дюма-внук не помнит, скорее — да, но то, что уже через день материал Чудилы на целую страницу со снимками Дюмы-внука вышел в одной из известных газет Енисей-града, Дюма-внук запомнил и больше в способностях Чудилы Серого не сомневался. Не сомневались,

видимо, в умении Сергея Чудило выдавать быстрые материалы редакторы крупных и средних енисейградских газет. Некоторых из них, правда, смущало стремление Серого на ответственных мероприятиях больше думать о банкетах, чем о сборе материала для статей и репортажей, и они старались иметь с ним дело только в самых крайних случаях, когда материал был очень уж нужен, а добыть его мог только Чудила. Но Серый Чудила давно знал, с кем из редакторов можно общаться, что называется, «в лёгкую», а с кем и вовсе лучше не сотрудничать, и шёл на контакт со вторыми, когда жизнь его сильно уж поджимала и деваться ему было некуда — только к таким на поклон и идти. Дюме-внуку тоже не всё нравилось в поведении Чудилы. Хотя он и смирился с тем, что тот постоянно просит у него займы денег и не всегда отдаёт, но его коробило, когда Чудила паниковал по поводу фотографий, которых Дюма-внук не мог по каким-то причинам выдать в день их совместной работы. Если такое случалось, то Серый Чудила уже на следующее утро начинал приставать ко всем знакомым фотографам, спрашивая подряд каждого, не запил ли Внучок. То, что несостоявшийся редактор научной газеты называл Дюму-внука за его спиной просто Внучком, фотокорреспонденту было неприятно, но он смирялся и с этим, приглашал Серого Чудилу на гору, занимал ему денег, приносил выпить и закусь и принимал приглашения репортёра осветить в краевой прессе то или иное событие из жизни учёных. Вот и сегодня Дюма-внук приглашение от Чудилы на научную конференцию в Академгородке принял. Он готовился фотографировать с запасом, чтобы Серый мог потом растолкать снимки по редакциям. Намеченное на сегодня мероприятие грозило вылиться в событие межрегионального значения, а потому ожидалось на нём немало корреспондентов газет и журналов различного уровня, как местных, так и приезжих. Грозился появиться там и ещё один нередкий гость Кристиной горы — Дрюша Опанас, по прозвищу Потёртый Гарик.

Дрюша, как и Серый, сколько его знал Дюма-внук, был вольным репортёром. То есть Опанас, как и Чудила, несколько раз принимался на правах штатного корреспондента в различные газеты Енисей-града (в том числе и в «Профгазету»), но по разным причинам долго там не задерживался. Впрочем, «разные причины» только на взгляд самого Дрюши тянули на уважительные, для увольняющих же его без сожаления редакторов причина отпуска корреспондента на вольные хлеба была одна: систематическая неявка на работу. Отговорки Дрюши: «Садил-копал картошку», «Сидел с больной матерью», «Не смог приехать из-за поломки автотранспорта», — на редакционных начальников не действовали. Руководители редакционных коллективов делали свои безжалостные по отношению к нему выводы и снова в штат уже не брали. Большую часть своей сознательной жизни Дрюша Опанас работал за штатом, выполняя одноразовые задания или предлагая редакциям уже готовый материал, сделанный им по собственной инициативе.

Небольшого роста, с молодых лет седой как лунь, в очках с круглой оправой, в свой первый подъём на гору он напомнил Кристе виденного ею по телевизору мальчика из британской сказки про волшебников, и она назвала его Гариком. Дрюша-Гарик на гору зачистил, и, видя такое дело, Кристя иногда заставляла пособить его в заготовке дров для бани. Такие предложения она делала только часто бывающим гостям. И большинство с покорностью выполняли просьбы хозяйки горы. И Гарик тоже, не ропща, брался за дело и тянул с бора вместе с музытёрами в ограду разные валежины, при этом потеть как никто. Пот выступал на спине, и вскоре Гарик становился весь мокрым и солёным. Когда потный Гарик замечал, что пора менять рубашку, он останавливал работу, заходил на веранду и просил у Кристи или Ришелье квасу. Пил он жадно, ковшом по два, по три за раз, а потом сидел на диване минут двадцать и рассказывал истории из жизни енисейградских репортёров,

при этом часто к месту и не к месту приговаривая: «А понты колотят-то, понты! Одни понты, больше ничего! Каждый из себя что-то гнёт и корчит, а на деле — понты получаются». Заканчивая работу, Гарик обязательно заходил попить квасу ещё и тут, тоже обязательно, непременно каждый раз обнаруживал, что натёр ладони до пузыристых мозолей, а ноги чуть выше пяток — до мозолей сухих и даже кровавых. И Кристе каждый раз приходилось с ним возиться: подавать ему бинты и пластырь, зелёнку или йод.

Происшествия эти, естественно не могли остаться на горе не замеченными и не подмеченными острословной хозяйкой, и Гарик вскоре получил от неё приставку, озвученную Дюме-внуку из уст Ришелье: Потёртый. Гарик Потёртый, или, как чаще говорили теперь на горе, Потёртый Гарик, может быть, и обижался на хозяйку за прозвище, но никогда вслух обид ни Кристе, ни Дюме-внуку не высказывал. Не говорил он ничего и когда слышал, что музытёры меж собой называют его Гариком-очкариком, а обнаглевший профессор Монтя — Гарри Гариманом или Беспонтовым Гариком.

Дюма-внук удачно проскочил на своём «Suzuki» второй коммунальный мост, не попав ни в один затор, и выехал на главную улицу Северного района. По пути он миновал череду автобусных остановок: «Планета», «Континент», «Весёлая страна», «Чудо-город», «1-й микрорайон», «Улица 1 Мая», «Дом Куропаткина», — затем свернул вправо и вниз и, пересекая поочерёдно Четвёртую Брянскую, Третью Брянскую, Вторую Брянскую, оказался на Первой Брянской улице, а потом и на Калининском проспекте. Дальше, сделав кружок в районе Северо-Западном, прокатился по бойким улочкам Высотной, Широтной и Низовой. Ну и, наконец, добрался до Академгородка.

Конференция сибирских учёных проходила в актовом зале Института физики Солнца, и тусовку репортёров возле первого

корпуса он увидел метров за двести. Дюма-внук припарковал «Suzuki» рядом с «Волгой» редактора «Профгазеты», повесил на шею фотоаппарат, объектив, закрыл дверцу авто и пошёл искать Чудилу.

Серый Чудила ждал его возле проходной. Рядом с ним уже был Потёртый Гарик.

— Я сделал вам обоим пропуска, — сказал Чудила, протягивая Дюме-внуку бейджик с ленточкой на его имя. — Будете меня до конца жизни благодарить.

— Мы ещё его благодарить должны, — проворчал Гарик, покручивая уже надетую на шею такую же карточку. — Не понтуйся, Серый, уже. Пойдём, скоро начало.

— Вам лишь бы идти, — буркнул Чудила. — Мне похмельиться надо, буфет открыли. На разлив сто граммов взять можно.

— Потом возьмёшь, когда закончим, — сказал ему Дюма-внук. — С утра вредно.

— А займёшь на двести грамм? — спросил его мрачно Серый.

— После совещания, после, после... На двести граммов и пончик.

Дюма-внук первым шагнул к охраннику, предъявив ему бейдж. Гарик и Чудила пошли за ним.

Для Дюмы-внука это мероприятие было обычным. Он не чувствовал разницы между собранием спортсменов, коммунальщиков или учёных. Усвоив правило: фотографируй как можно больше, а пишущий корреспондент или редактор разберутся, что ставить в номер, а что отложить, — он шёлкал, не переставая, ещё до начала официальной части. После появления цифровой фототехники жизнь Дюмы-внука и его коллег облегчилась процентов на семьдесят семь. Не надо было больше заботиться о плёнке, фотобумаге, искать время на проявку и печать. Коллеги-фотографы обычно скидывали отснятый материал на месте на свободные компьютеры, каковых было немало на крупных мероприятиях, а репортёры перекачивали их на свои

флеш-накопители. Если сбросить сразу не получалось, Дюма-внук отправлял фотографии по электронной почте из дома, предварительно отсмотрев и отобрав. Вот и сегодня он начал фотографировать в фойе незнакомых ему людей по отдельности и группами. Гарик крутился рядом. То и дело включая диктофон, он потел, задавая вопросы учёным мужам. Когда началась конференция, Дюма-внук, вместе с другими фоторепортёрами, ходил возле сцены и по залу, ловя в объектив крупные планы. В перерыве он сообщил Серому, что отснял достаточно и поедет домой, а к вечеру отправит ему фотографии по электронке. Глаза у Чудилы уже поблёскивали, он улыбался Дюме-внуку, Потёртому Гарику и всем остальным, казалось, не вникая словам фотокорреспондента, но когда тот двинул к выходу, живо напомнил про упомянутые накануне двести граммов. Дюма отдал ему сто рублей и пошёл к своей машине. Гарик последовал за ним.

— Ты через центр едешь? — спросил Потёртый Гарик, догнав Дюму-внука на крыльце института.

— А тебе куда?

— Довезёшь до Славы Пионерова?

— Поехали,— подумав с полминуты, согласился Дюма-внук.

Слава Пионеров, в былые времена самый частый гость на Кристиной горе, достоин отдельного представления. Закончив то же профессиональное училище, что и Дюма-внук, Слава начинал трудовую деятельность салонным фотографом. До перестройки делал фотографии на документы в левобережном Доме быта, принимал заказы от школ и детских садов, фотографируя малышей и воспитателей, школьников и учителей группой и в одиночку. Когда же фотосалоны в Енисей-граде стали угасать, а газеты открываться, Слава, как и некоторые его коллеги, решил попробовать себя в новом деле. Через Дюму-внука и при участии Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата

он получил протекцию и прошёл фотокорреспондентскую школу в печатных органах аграриев и дорожников, закрепившись на несколько лет в многотиражке речников. Речникам он стал своим и бывал почти на всех заседаниях Клуба речных капитанов, куда пускали даже не каждого речника, не говоря уже о репортёрах.

Лично Дюма-внук считал Славу Пионерова особенным в том плане, что тот единственный из его коллег-друзей, посещавших Кристину гору, быстро нашёл общий язык сначала с тестем, а потом и с тещей. При первом же знакомстве Слава стал звать Ришелье «батей», а со второго захода — Кристю словом «мать».

Надо сказать, что до первого подъёма Славы на гору Ришелье, слыша от зятя в разговоре с Кристей то и дело вырывающиеся слова: «Слава Пионеров... Слава Пионеров», — не сразу понял, что речь идёт о конкретном человеке, а потому спросил Дюму-внука, немало развеселив его этим:

— А ты о славе каких пионеров говоришь? Всей страны, нашего города, правого берега или Свердловского района только?

Дюма-внук оторопел, ему в голову не приходило, что имя и фамилия приятеля могут восприняться кем-то не как имя и фамилия, а по-другому.

— С политическим уклоном, — сформулировал Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат, когда Дюма-внук поведал приятелю ещё одну байку-историю с Кристиной горы.

Кристе, до появления на горе Монти, более других приятелей зятя импонировал именно Слава Пионеров. Его-то она никогда не заставляла ни таскать из лесу валежины, ни складывать в поленницу уже наколотые дрова. Наверное, потому, что Слава не только ел,пил и парился в бане, но и делился с Кристей и Ришелье советами по выращиванию овощей, постоянно подчёркивая крестьянское происхождение своих родителей.

Надо сказать, что Слава говорил об овощах со знанием, некоторые советы Кристя брала на вооружение и, используя их однажды, затем применяла каждый сезон. А ещё Слава Пионеров любил показывать на практике, как надо запаривать чай со смородиновым листом, как делать по его рецепту салат из огурцов и белокочанной капусты, как обжаривать на сковороде тонко нарезанные помидоры. Эта потомственная любовь его к грядкам и кухне и сыграла однажды решающую роль: Слава оставил работу фоторепортёра и открыл харчевню. Харчевня Славы Пионеровой расположилась недалеко от площади Комсомольской в Советском районе Енисей-града. По совету Без Пяти Минут Нобелевского Лауреата, Слава назвал её «Литературной». Во-первых, как рассуждал писатель-литератор, заведений общепита с таким названием в городе нет, во-вторых, харчевен тоже, а в-третьих и в-четвёртых, если Слава начнёт подавать специфические блюда и обслуживать клиентов на новом уровне, популярность и успех предприятию гарантированы. Слава советам бывалого литератора внял. Никому неизвестно, на какие средства выкупил он одноэтажное здание бывшей трансформаторной будки недалеко от автобусной остановки, расширил его втрое, завёз необходимое оборудование, организовал место под стоянку автомобилей и прикрутил над входом большую вывеску: «Литературная харчевня Славы Пионеровой». Чуть мельче у дверей в харчевню он вывесил расписание работы заведения, а на самой двери, на листочке формата А-4,— объявление: «Бесплатные комплексные обеды для членов Союза писателей и литературного клуба по средам с 15 до 20 часов». Следует добавить, что к обедам полагалось «за счёт заведения» на выбор либо двести граммов водки, либо сто граммов коньяка, либо кружка пива. Это обстоятельство не оставило равнодушным ни одного члена Союза писателей в Енисей-граде, и каждый из них, будь он поэтом, прозаиком или публицистом, посчитал своим долгом посетить хоть однажды «Литературную харчевню Славы Пионеровой».

Как говорил сам Слава, он позвал в свою харчевню лучших поваров-кулинаров города, набрал, по личному отбору, опытных официанток, пригласил на подработку литературного консультанта из краевого Дома искусств. Литконсультант-эрудит по заданию Славы выискивал в художественных произведениях классиков русской и зарубежной литературы описания застолий и блюд. По большинству из найденных в романах, повестях, рассказах и поэмах рецептов и были приготовлены холодные и горячие закуски в «Литературной харчевне».

Но этим дело не ограничилось. Посетившие пару раз в «бесплатные среды» Славино заведение и отобедавшие там Без Пяти Минут Нобелевский Лауреат и Монтя дали владельцу харчевни советы, руководствуясь своим жизненным и кулинарным опытом. Свои дополнения постоянно вносили и бывавшие там почти каждую среду Потёртый Гарик и Серый Чудила. В результате чего в меню харчевни, помимо украинского борща «Тарас Бульба», белорусского салата «Олеся», грузинского мясного блюда в тесте «Дато батано», русской окрошки «Настасья Филипповна», появились следующие деликатесы: «Золотые рога» — томлёные бараньи рога с домашней лапшой; «Поцелуй Чаниты» — запечённые олени губы в яблоках; «Серебряное копытце» — копчёные козьи копыта с толчёной картошкой; «На Парнас» — отварной рис с подковками Пегаза; «Три поросёнка» — варёные свиные пяточки с горчицей; «Сон про белого бычка» — солёные уши молодых бычков с фасолью; «Братец Кролик» — кроличьи хвосты в маринаде с квашеной капустой; «Царь-рыба» — рыбы головы, фаршированные грибами; «Гуси-лебеди» — куриные или утиные гузки в томате или с майонезом. Особым спросом у некоторых посетителей Славиной харчевни пользовалось экзотическое блюдо «Седло слона» — здоровенный отварной кусман мясной мякоти полукруглой формы. Выносившие блюдо к заказчикам четверо крепких работников кухни называли его меж собой «Седлицем». Блюдо подавалось на широком подносе три на четыре

метра, который закрывал собою весь стол. К «Седлицу» непременно подавались отдельно большая горка луковой обжарки «Копи Соломона», ведёрко ядрёной фирменной горчицы «Укрощение строптивой» и литровая банка густой сметаны «Мраморное море». Было здесь и разнообразие всяких морсов и некрепких напитков: «Травы луговые», «Белые росы», «Чанго-чанго», «Мистер Икс», «Принцесса цирка», «Бюрократ Бывалов».

При харчевне по средам и субботам действовал литературный клуб. Членом его мог стать любой человек, пишущий стихи или прозу, не обязательно на профессиональном уровне, просто пишущий в блокноте или даже собирающийся это делать. Стоило только заявить хозяину харчевни о своём желании и оплатить вступительный взнос. Слава выдавал заявившим и оплатившим специальные удостоверения членов литературного клуба с фотографиями, и они имели в харчевне такие же права, как и члены Союза писателей, то есть могли рассчитывать по средам на бесплатные комплексные обеды, на двести или сто граммов крепких напитков или на кружку пива. Члены клуба оказались активнее писателей и стали собираться в харчевне ещё и по субботам, презентуя там свои книжки или написанные стихи и рассказы. Слава бесплатных обедов по субботам не делал, но сходки литераторов поддерживал и даже выделял им отдельные «субботние столы». Более того, он присмотрел среди собирающихся двух активно пишущих дамочек и предложил им выступать со своими произведениями перед посетителями харчевни. Одна из литераторш, Лина Константинова, писала «сиротские» рассказы, а вторая, Нина Михайлова, была увлечена рифмовками на темы гороскопов и времён года. В Славином заведении она выступала с циклом стихов, посвящённых фирменным блюдам харчевни, бутылочным этикеткам и маркам вин, водок и коньяков, подающихся к столам. Литераторши с энергией и большим желанием каждый день часов с шестнадцати, а то и с часа открытия появлялись

в харчевне, приводили себя в порядок и в хорошее настроение в отведённых специально для них гримёрках, если надо, то переодевались и выходили в зал, нередко под аплодисменты завсегдатаев. Первой обычно вставала к микрофону Лина. Она начинала читать, что называется, с ходу, без подготовки и объявления. Героиней её рассказов всегда была девочка-сиротка Лена, попавшая после войны в детский дом. О её жизни, её открытии взрослого мира, её маленьких радостях и огорчениях и читала Лина посетителям харчевни, нисколько не мешая им наслаждаться фирменными и экзотическими кушаньями. Два-три небольших рассказа она прочитывала со сцены, а потом шла в зал. Её обязательно подзывали к какому-нибудь столику (не было дня или вечера, чтобы не подзывали) и просили почитать вполголоса ещё несколько историй. Частенько пожилые женщины в компании седых мужчин, растроганные до слёз рассказами о жизни маленькой Лены, подолгу держали литераторшу за своим столом. Литераторша Лина и не торопилась: она доставала из сумочки несколько книжек-брошюр, раскладывала их веером по столу, отодвигая при этом горячие блюда и холодные закуски, раскрывала одну из брошюр и начинала читать ещё. Чтение нередко заканчивалось задушевной беседой, угощением литераторши и покупкой её книги с непременно автографом.

А на сцену, к микрофону, часто в импровизированном костюме, тем временем поднималась поэтесса Нина Михайлова. Читая стихи про русскую водку, она надевала красную косоворотку и картуз; представляя армянский коньяк, прикрепляла три звёздочки на груди и две, в виде короны, на голове; если дело касалось вин, Нина Михайлова выходила к залу в костюме виноградной лозы. С представлением блюд было проще: почти каждое из них в харчевне имело своё литературное название, и литераторша, изображая литературного героя, читала рифмовки про салаты, щи, заливные и морсы. На представлении блюд переодевание было необязательным, и поэтесса

Нина говорила о них хотя и с пафосом, но без лишних волнений.

Джина не выпусти ты из бутылки,
«Капитанский джин» — не горилка.
Кто пробовал, тот знает:
У нас его не разбавляют.

Это «Вермут розовый»,
А не сок берёзовый,
Выпьешь и не забалдеешь,
Может, чуточку вспотеешь.

«Поэтическая котлета» —
У нас не только для поэта.
Отведать её может каждый,
Кто зашёл к нам хоть однажды.

Про кофе наше «Пьер Безухов»
Много домыслов и слухов.
А ты не бойся, употребляй,
Он не хуже, чем «Витязь-чай».

Такие и в таком же роде были почти все четверострочья Нины Михайловой. Ей, бывало, тоже аплодировали и тоже, случалось, подзывали к столу и просили автографы.

Славу такая слава литераторш устраивала, тем более что дамы делились с харчевней частью полученных ими от посетителей гонораров.

И ещё один член литературного клуба, как-то как бы сам по себе, стал постоянным работником Славиного заведения. По виду простой русский парень, с французским именем Серж и еврейской фамилией Котельман, рвался на первых порах читать стихи со сцены в обеденном зале, но опытный Слава Пионеров сначала устроил ему внутреннюю прослушку и оказался прав. То, что Серж Котельман сочинял, не годилось даже для декламации в пустом зале. Слава сам не был никогда в ладу с рифмой и стихотворным размером, но даже

он, едва услышав первые две строки Котельмана, понял, что тот если и станет поэтом, то, скорее всего, при следующем земном воплощении. Но простой русский парень Серж Котельман не оставлял попыток пробиться на сцену и приходил каждый день за час, а то и за два до открытия харчевни, а уходил с последними кухонными рабочими. Иногда Слава думал: «А может, и не уходит он никуда, а ночует где-нибудь неподалёку или вовсе в нашей подсобке живёт?» Котельман помогал официанткам и техничкам двигать столы, переворачивать стулья, налаживал на кухне и в санузлах водопроводные и отопительные краны, ремонтировал выключатели. Видя такое рвение человека, Слава принял его в штат, поручив следить за сантехническим оборудованием и электрическими проводками. И ещё одну должность определил хозяин новому работнику — бескровного вышибалы. Вот где мог проявить себя как стихотворец Котельман, что называется, «на полную катушку»! Слава подсаживал Сержа к опустошившим свои карманы, но не торопящимся уходить посетителям, и тот читал им свои вирши. Через пять, от силы семь минут даже самые захмелевшие слушатели под воздействием монотонной читки трезвели от рифм Котельмана, поднимались из-за столов и кто быстрыми шагами, а кто медленно, но без оглядки шли в гардероб, а потом к выходу.

В общем, как считал Дюма-внук, дела у его друга Славы Пионерова шли хорошо. А после того как он увидел, что в «Литературной харчевне» ужинал сам краевой министр культуры, то сделал вывод: расцвет Славиного предприятия впереди. Сам Слава на жизнь никогда не жаловался и о трудностях своих не говорил. А трудности были: после того как начальник управления культуры края стал министром местной культуры, Слава сделал несколько попыток позвать его в харчевню. Наконец, через знакомых фоторепортёров, ему это удалось. Министр ужином остался доволен: взял на память несколько несъедобных подковок из фирменного блюда,

оставил хвалебную запись в «Книге отзывов почётных гостей харчевни». А вот пришедший затем без приглашения его заместитель, из «новорусской» волны чиновников, был возмущён тем, что копытца коз в заливке оказались несъедобными. Он даже отказался их взять с собой в качестве сувенира, что делали все посетители, и пригрозил всей харчевне и Славе лично «многими неприятными часами и минутами». Мало кто знал из друзей Славы и посетителей харчевни, что две комиссии из представителей санитарных служб, пожарных, налоговиков («нагловиков», как их называли в харчевне) и даже литературных экспертов проверяли законность Славинского предприятия. Как узнал потом Слава, они приходили с намерением найти нарушения и закрыть харчевню. Что и как предпринимал Слава Пионеров, к кому ходил или звонил, но ни первая, ни вторая (более представительная) комиссии серьёзных нарушений, позволяющих закрыть его предприятие, не нашли. И харчевня осталась, сохранив свой полный штат. Более того, после проверок Слава замечал среди новых посетителей членов бывших комиссий.

Дюма-внук и Потёртый Гарик пробрались к «Литературной харчевне Славы Пионерова» до начала вечерних городских автотазаторов.

Слава был рад приезду гостей и пригласил их к себе в кабинет. Через минутку туда подали любимый Гариком кофе капучино и зелёный чай «Ахмат» для Дюмы-внука.

— Есть что будете? — спросил Слава друзей.

— Я — пас, — отказался сразу Дюма-внук, забросив в кружку с чаем четыре кусочка сахара-рафинада. — Меня Маргушка ждёт. Вчера обещал ей дорожку на улице выбить от пыли. Пока доеду, завечереет.

— А я, пожалуй, если позволишь, до вечера останусь, — сказал Потёртый Гарик. — Выйду потом в зал, супчику какого-нибудь похлебаю, твоих поэтесс послушаю.

— Ладно,— разрешил ему Слава.— Тогда хоть давайте по мороженому съедим. Мы новый сорт разрабатываем, «Командор Седов» называется.

От мороженого друзья не отказались. Дюма-внук ел «Командора Седова», запивая «Ахматом» и слушая Славу Пионерова. Слава планировал пристроить к кафе гараж на два автомобиля и ввести услугу: развозить захмелевших клиентов харчевни по домам. Дюма-внук, ещё раз убедившись, что у Славы Пионерова широкая русская душа, попрощался с приятелями и направился к своему «Suzuki».

Принцесса Маргушка

Как ни старался Дюма-внук, попадания в заторы избежать не удалось. Дважды, пересекая улицы Ленина и Карла Маркса, он двигался гусиным шагом, зажатый автомобилями. «Suzuki» ехал тише самых медленных пешеходов. В результате до улицы имени газеты «Пионерская правда» автомобиль Дюмы-внука добрался после двадцати часов.

«Вот и день очередной прошёл,— отметил с грустью фотокорреспондент.— Снова выбить дорожку не получится. Сейчас фотки надо срочно просмотреть на компе и Чудиле отправить, а то проспится и паниковать начнёт».

Но сесть за компьютер Дюма-внук сразу не смог. Он поставил автомобиль «Suzuki» в гараж, накинул на шею ремешки футляров фотоаппарата «Nikon» и объектива, закрыл ворота, проверил замки и не спеша направился к своему подъезду. Завернув во двор, увидел стоящую на балконе жену Маргариту.

— Привет, Маргуша! — крикнул ей, улыбаясь, Дюма-внук.— Чайник ставь, я иду!

— Не торопись,— ответила Маргарита.— Чай попить успеешь ещё, а пока на-ка, лучше прими вот...

Она подняла на перила балкона скатанную в рулон дорожку и, не дожидаясь реакции мужа, столкнула вниз.

Скатанная ковровая дорожка, слегка развернувшись одним концом, бухнулась на асфальт. Следом полетела с балкона большая пластмассовая хлопушка.

— Ну ты чё, блин?! — только и воскликнул Дюма-внук, не ожидая от Маргариты такого.

Он свернул дорожку снова в рулон, поднял, закинул на левое плечо, подхватил хлопушку и пошёл в сторону детской площадки, к турнику.

Маргариту Маргушкой звал не только он. Читающему эту повесть с начала нетрудно догадаться, что так впервые назвала дочь Крестя. Назвала в раннем, даже в младенческом возрасте. И не потому, что дочь её часто моргала (тогда была бы Моргушка), а потому, что при рождении назвали её Маргаритой. Крестя неустанно подчёркивала всем, что дочь её именно Маргарита, а не Рита, считая (и, наверное, небезосновательно), что Маргарита и Рита — хоть созвучные, но всё же разные имена. А раз дочь её была Маргарита, то Крестя брала на себя смелость называть её в уменьшительном варианте — Марго, а в уменьшительно-ласкательном — Маргушка. Естественно, так называли Маргариту только самые близкие ей люди, а если точнее, то только мать её Крестя и муж её Дюма-внук.

Маргушка-Маргарита от рождения имела королевские замашки: до школы любила, когда её одевали мать или бабушка; в школьные годы ей нравилось, когда отец покупал для неё что-то такое, чего не было у соседских детей и одноклассниц; потом, став повзрослее, испытывала наслаждение оттого, что вся семья ждала её к столу, не начиная без неё завтрак, ужин или праздничный обед. Наконец, она позволяла мужу возить её на «Suzuki» одну, а при посадке в автомобиль открывать широко дверцу и сдвигать переднее сиденье двухдверного авто до упора вперёд, освобождая ей проход. А вот дачу своих родителей она не выносила, не терпела копать на грядках и, в отличие от Крести, не увлекалась ни садоводством, ни цветоводством.

С детских сознательных лет Маргушка старалась как можно реже бывать на Кристиной горе, а когда вышла замуж, то и вовсе забыла, когда в последний раз Дюма-внук поднимал её на Кристину гору. Не было необходимости. Дюма-внук работал на даче за себя и за неё и привозил оттуда, без её участия, ей овощи и клубнику.

А ещё в тесном семейном кругу, куда входили ещё её бабушка и отец, Маргариту-Маргушку называли принцессой. Возможно, для Дюмы-внука она и была его королевой, но в компании Кристи он не осмеливался так звать жену. Королевой на горе и в жизни близких безоговорочно была только Кристя. Маргуша тоже признавала мать своей королевой и безропотно была согласна на роль семейной принцессы.

Дюма-внук выколотил дорожку, снял её с турника, скатал в рулон на теннисном столе и, прежде чем забросить рулон на плечо, взял со стола фотоаппарат и объектив, которые снимал с шеи на время работы с дорожкой. Надев обратно фотопринадлежности, Дюма-внук подкинул рулон на правое плечо.

Принцесса Маргушка ждала его у подъезда. Она открыла перед мужем дверь.

— Борщ сварила? — спросил Дюма-внук жену, вступая в полумрак подъезда.

— Борщ твой тоже подождёт, сначала в ванную нырнёшь, — скомандовала принцесса. — А то покрылся пылью, как бронтозавр, пропотел весь!

— Я после в ванную схожу, сначала мне фотографии пересмотреть надо и Серому скинуть. Он там с ума уже, наверное, сходит, ждёт, — попытался возразить и объяснить Дюма-внук.

— Подождёт твой Серый Чудила! Сначала — в ванную! — не стерпела возражения Дюмы-внука принцесса Маргушка. — Борщи, чай и фотографии — потом!

Последние слова жены для Дюмы-внука были приговором, не подлежащим ни обжалованию, ни обсуждению. Бросив

дорожку в прихожей прямо на пол и повесив аккуратно на вешалку фотоаппарат и объектив, Дюма-внук, не разуваясь, пошёл прямо в ванную.

Стоя под струями тёплой воды, Дюма-внук снова запел «Я люблю тебя до слёз...». Он один в мире знал, кого имел в виду, когда тянул и выкрикивал эти слова. Может быть, принцессу Маргушу? Он не заметил, как жена принесла ему чистое полотенце и замерла на минутку у ванны, залюбовавшись его мощным загорелым торсом. Зная, что муж не терпит во время омовения ничего присутствия, принцесса встрепенулась и, повесив полотенце на крючок, быстро удалилась.

Дюма-внук вышел из ванной в сланцах, обмотавшись полотенцем ниже пояса. Горячий борщ ждал его на кухонном столе. Дюма сел за стол и подвинул ноутбук ближе.

— Ешь, пока не остыл, потом будешь свои фотки смотреть! — крикнула из комнаты ему Маргушка.

— Потом нельзя, — возразил Дюма-внук. — Ты лучше мне фотоаппарат принеси из прихожки.

Когда Маргарита принесла ему фотоаппарат, Дюма подключил его к ноутбуку. Прихлёбывая горячий борщ, он просматривал снимки, удаляя, на его взгляд, неудачные. Неудачных было штук семьдесят. Оставшиеся сто восемьдесят шесть фотографий сбросил в отдельную папку и, уже попивая чай, отправил тринадцать из них на электронный адрес Чудилы Серого. Закончив работу и чаепитие, Дюма-внук, довольный, встал из-за стола и направился в комнату. Маргушка сидела за письменным столом и смотрела телевизор.

— Переключи на спорт, скоро футбол должен быть, — попросил Дюма-внук жену, заваливаясь на кровать.

— Зачем тебе футбол? — спросила Маргарита. — Ты опять на первом тайме уснёшь. А я кулинарную передачу хочу посмотреть. Про китайскую кухню.

— А тебе зачем китайская кухня? Всё равно ничего готовить не будешь, — сказал ей Дюма-внук. — Я из Славинной

харчевни какое хочешь блюдо привезу, что хочешь закажу. Давай на футбол, а если засну, то на свою кулинарию потом переключишь.

Маргушка не стала спорить и, переключив канал, пошла на кухню есть борщ.

Дюма-внук с минуту смотрел на экран, на футболистов, выходящих на поле, слушая известного комментатора, объявляющего составы команд, а потом повернулся на правый бок, решив, что смотреть футбол необязательно, можно просто слушать комментатора.

Ещё через минуту сон стал одолевать его, и Дюма-внук, отдаваясь его власти, подумал, что надо как-то этим летом собрать вместе Чудилу, Гарика, Славу Пионерова и, без всякого Монти, посидеть за тёщиной рябиновой настоечкой на веранде дачи, а потом попариться в баньке.

— Давно вместе хорошо не сидели... — то ли вполголоса, то ли громко сказал он, окончательно уходя во власть Морфея.

— Что ты там пробормотал? — спросила выглянувшая из кухни Маргарита, но, поняв, что муж уснул, выключила телевизор, укрыла Дюму-внука его одеялом и снова пошла на кухню.

Красноярск, 2 декабря 2011 – 2 июля 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТ ИЗ СЛЕДУЮЩЕЙ ЖИЗНИ.....	3
ОПЕРАТОР ГРИБНОЙ ВОЛНЫ.....	19
РАЯ, АДА И ЧИСТИЛЬЩИК.....	37
Влюблённый в Раю.....	37
Влюблённый в Аду.....	46
ПЯТЬДЕСЯТ НОЯБРЕЙ.....	63
В ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ.....	73
В РАЙЦЕНТР И ОБРАТНО.....	77
ДВА ГОДА НА «СЕДЬМОМ НЕБЕ».....	85
Москва, улица Добролюбова, 9/11.....	85
Направо от лифта.....	86
Тюрин и Чернышев.....	87
Комната № 725.....	91
Коротков — москвич из Юрьевца.....	93
Веркин и Некрасов.....	99
Девчонки.....	100
Воспоминания о «седьмом небе».....	102
ИСКУШЕНИЕ.....	103
1. Виталий.....	103
2. Митя и Юля.....	105
3. Испытание.....	108
4. Побег.....	112
5. Наказание.....	114
Эпилог.....	115
КРЕМАТОРИЙ БАБУШКИ ПРАСКОВЬИ.....	117
ЗАХВАТ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	123
НАЛЁТЧИКИ.....	131
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ, или ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ КОРОТКОВА.....	157
ДЮМА-ВНУК И НАРОД ВОКРУГ.....	165
Один на всех.....	165
Кристина гора.....	167
Дюма-внук.....	172
Три музытёра и Сын Татьяна.....	176
Двадцать лет не спускаясь.....	182
Монтя Кристин.....	193
Всё к одному.....	219
Принцесса Маргушка.....	234

АЛЬМАНАХ ПРОЗЫ, ПОЭЗИИ, ПУБЛИЦИСТИКИ

**Сибирский
Литератор**
Красноярск

660048, Россия, Красноярск, ул. Калинина, 12-523.
тел. 8(391)296-38-93.
e - mail: sergkuz58@mail.ru

Литературно-художественное издание

Кузичкин Сергей Николаевич

ОПЕРАТОР ГРИБНОЙ ВОЛНЫ

Рассказы, пьеса, повесть

Сдано в набор 29.01.2018 г. Подписано в печать 6.02.2018 г.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95.

Тираж 300 экз. Заказ № 62.

Отпечатано в типографии «Город» (ИП Михайлова И. Г.)

г. Красноярск, Северное шоссе, 9А